

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Нижегородская академия

Н.В. Макарейко

**ЭФФЕКТИВНОСТЬ МЕР
ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ
В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

Монография

Нижний Новгород
НА МВД России
2019

УДК 342:338.2.001.25
ББК 67.400.5+65.9(2)Рос
М15

Рецензенты:

кандидат юридических наук, профессор *Т.М. Занина*
(Воронежский институт МВД России);
кандидат юридических наук, доцент *А.И. Попов*
(Рязанский филиал Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя)

Макарейко Н.В.

М15

Эффективность мер государственного принуждения в сфере обеспечения экономической безопасности: монография / Н.В. Макарейко. – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2019. – 349 с.

Монография посвящена проблеме эффективности одного из наиболее действенных методов государственного управления в сфере экономической безопасности – государственному принуждению. В работе рассмотрено понятие государственного принуждения, его формы, дана характеристика экономической безопасности как объекта правовой охраны. Основное внимание сфокусировано на вопросах факторов эффективности государственного принуждения в сфере обеспечения экономической безопасности.

Издание адресовано научным работникам, преподавателям, аспирантам и студентам юридических вузов, сотрудникам правоохранительных и судебных органов, а также всем, кто проявляет интерес к правовой проблематике.

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Нижегородской академии МВД России

ISBN 978-5-88840-167-5

© Нижегородская академия МВД России, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Проблемы государственного принуждения	8
§ 1. Понятие государственного принуждения	8
§ 2. Государственная власть как детерминант государственного принуждения	45
§ 3. Формы государственного принуждения	84
Глава 2. Экономическая безопасность как объект право- охраны	142
§ 1. Понятие экономической безопасности	142
§ 2. Соотношение экономической безопасности с другими социально-правовыми явлениями	165
Глава 3. Проблемы эффективности применения государ- ственного принуждения в сфере обеспечения экономи- ческой безопасности.....	208
§ 1. Методологические проблемы эффективности государствен- ного принуждения в сфере обеспечения экономической безопасности.....	208
§ 2. Факторы эффективности государственного принуждения в сфере обеспечения экономической безопасности	232
Библиографический список	296

ВВЕДЕНИЕ

Возрастание нестабильности и неопределенности в современном мире, обострение традиционных и появление новых угроз всемерно актуализируют проблему обеспечения национальной безопасности. Данное сложное явление включает в себя три основных системообразующих элемента, а именно: политическая стабильность, экономическая защищенность, обороноспособность общества.

Залогом устойчивого развития является обеспечение сбалансированной защиты всех составных элементов национальной безопасности. С целью укрепления национальной безопасности Российской Федерации и обеспечения устойчивого развития государства на долгосрочную перспективу была принята Стратегия национальной безопасности Российской Федерации¹.

С учетом значимости защищенности экономических отношений логически оправданным явилось принятие специального нормативного правового акта стратегического планирования в области обеспечения экономической безопасности². Такое внимание обусловлено реальным состоянием экономической сферы общества, которая испытывает серьезные потрясения в условиях финансово-экономического кризиса, санкционного давления со стороны США и ряда других зарубежных государств. Наряду с этим не решен ряд проблем реформирования отраслей экономики. Технологическая отсталость, высокая энергоемкость производства, значительная негативная нагрузка на окружающую среду, значительный уровень травматизма требуют незамедлительного реагирования. При этом следует принимать во внимание высокую динамику экономических

---

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1, ч. II, ст. 212.

² О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20, ст. 2902.

отношений, переход к шестому технологическому укладу, развитие цифровой экономики, когда информационные процессы выступают в качестве ключевого доминирующего фактора производства практически во всех сферах экономической деятельности, что является обязательным условием повышения конкурентоспособности государства, экономического роста и в конечном счете качества жизни населения, обеспечения национального суверенитета¹.

В сложившихся условиях всемерно актуализируется проблема применяемых методов в сфере экономической безопасности, особенно тех, которые влекут за собой правоограничения, среди которых доминирующую роль играет государственное принуждение. С одной стороны, меры государственного принуждения должны предотвращать угрозы экономической безопасности, способствовать привлечению к ответственности виновных, восстанавливать нарушенные экономические отношения, а с другой – не ограничивать инициативу субъектов экономической деятельности.

Вопросы применения государственного принуждения в области обеспечения экономической безопасности относятся к числу актуальных, имеющих существенное доктринальное и прикладное значение. Доктринальная значимость данной проблемы обусловлена потребностью выявления тех закономерностей, которые при этом существуют. Заместитель Президента РАН академик Т.Я. Хабриева отметила: «Одна из основных задач юридической науки в сфере правотворчества – выявление общих закономерностей правового развития (курсив наш. – **Н.В.**), меняющих пространственное очертание и структуру права, его базовые компоненты и механизмы их взаимодействия»².

Изучение специфики применения государственного принуждения в сфере экономической безопасности важно не только

---

¹ Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р // Собрание законодательства РФ. 2017. № 32, ст. 5138.

² Хабриева Т.Я. Современное правотворчество и задачи юридической науки // Журнал российского права. 2015. № 8. С. 6.

и не столько с позиции познания рассматриваемого явления, а с точки зрения прикладной востребованности. Речь идет прежде всего о поисках и выработке предложений и рекомендаций, направленных на повышение эффективности применения данного правоохранительного средства, его предметной «привязке» к отношениям, которые являются объектом правоохраны.

Вопросы государственного принуждения нашли освещение в теоретико-правовой литературе, о чем свидетельствуют труды С.С. Алексеева, В.К. Бабаева, Б.Т. Базылева, В.М. Баранова, С.Н. Братуся, Н.В. Витрука, М.А. Гурвича, П.В. Демидова, К.И. Дюк, С.В. Евдокимова, И.П. Жаренова, О.С. Иоффе, В.Н. Карташова, С.Н. Кожевникова, А.И. Козулина, Н.И. Козюбры, А.С. Кургановой, Г.М. Лановой, О.Э. Лейста, Д.А. Липинского, Н.С. Малеина, А.В. Малько, П.Е. Недбайло, С.Б. Полякова, Е.С. Попковой, А.С. Пучнина, М.Б. Разгильдиевой, И.А. Ребане, И.С. Самошенко, К.М. Сарсенова, В.В. Серегиной, М.Х. Фарукшина, Р.Л. Хачатурова, В.А. Чашникова, А.С. Шабурова, М.Д. Шаргородского, М.Д. Шиндяпиной, Л.С. Явича и др.

Целью монографического исследования является исследование эффективности государственного принуждения в сфере обеспечения экономической безопасности. Для достижения данной цели будут разрешены следующие задачи:

- уточнить понятие государственного принуждения и сформулировать его авторскую дефиницию;
- проанализировать государственную власть как важнейший детерминант государственного принуждения;
- рассмотреть классификационную модель государственного принуждения;
- проанализировать понятие экономической безопасности, определить его соотношение с другими явлениями;
- уточнить понятие эффективности государственного принуждения в сфере экономической безопасности;
- исследовать факторы, определяющие эффективность государственного принуждения в сфере экономической безопасности.

Структурная организация монографического исследования предопределена авторским замыслом, поставленными целью и

задачами, включает введение, три главы, библиографический список.

Автор выражает искреннюю благодарность профессорско-преподавательскому составу Нижегородской академии МВД России, в особенности кафедр теории и истории государства и права, административного права и процесса, рецензентам за советы и рекомендации, которые способствовали успешной работе над монографией.

ГЛАВА 1

ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

---

§ 1. Понятие государственного принуждения

Государственное принуждение относится к числу проблем, которые традиционно привлекают внимание специалистов различных областей научной деятельности. Такое положение обусловлено сущностной характеристикой данного явления, его потенциалом, ролью в обществе, что и привело к необходимости дачи ему комплексной характеристики. В этой связи закономерным является исследование государственного принуждения с позиции философского, социологического, психологического, юридического исследований данного явления.

Философское осмысление проблемы принуждения обусловлено стремлением познать ее сущностные характеристики, ее ценности, поиском обоснования пределов применения в обществе, взаимосвязью с насилием и другими методами управления обществом. Важной философской составляющей характеристики принуждения выступает детерминирование данного явления в обществе. Социум функционирует по своим законам и закономерностям. В этой связи важным является поиск и установление тех факторов, которые обуславливают необходимость применения принуждения. Так, И.К. Гришанин, исследуя философско-правовую концепцию права и правового принуждения, приходит к выводу, что в основе действия принуждения в обществе положены следующие детерминанты: 1) антропологическое зло; 2) свобода как причина правового принуждения и принуждение как необходимое условие свободы¹.

Не умаляя роли зла и свободы как детерминантов принуждения, можно сделать вывод, что этот перечень вряд ли можно признать исчерпывающим и достаточным для формирования

---

¹ См.: *Гришанин И.К.* Философско-правовая концепция права и правового принуждения: дис. ... канд. филос. наук. Н. Новгород, 2006. С. 114–136.

целостного всемерного восприятия обусловленности данного явления. Сама природа общества испытывает потребность в принуждении, посредством которого решается самый широкий спектр разнообразных задач.

Ж.И. Овсепян, рассматривая вопросы актуальности исследования государственно-правовой проблематики, приходит к выводу, что к числу факторов, обуславливающих расширение реализации государственно-правового принуждения, относится: «Во-первых, государственно-правовое принуждение остается средством решения разного рода традиционных социальных конфликтов. Во-вторых, востребованность в распространении государственно-правового принуждения обусловлена резким обострением в конце XX – начале XXI столетия проблемы терроризма в современном мире, широкой транснационализацией и невероятной жестокостью и масштабами насилия, характеризующими террористические акции, жертвы которых в каждом случае исчисляются сотнями и тысячами жизней невинных людей»¹.

Будучи качественной разновидностью принуждения, государственное принуждение имеет соответствующее обоснование. Проанализировав действующее законодательство, правоприменительную практику, публикации по названному вопросу, мы пришли к выводу, что в основу существования государственного принуждения положена определенная система факторов.

Во-первых, *существование самого государства*, функционирование институтов которого требует применения данного метода. В этой связи А.Ф. Черданцев отмечает: «Государство – организация принудительная. В своей деятельности оно опирается на организованное принуждение, для чего создаются специальные органы: суды, полиция, армия и т. д. Цель принуждения – обеспечить соблюдение законных и иных решений государственной власти»².

---

¹ Овсепян Ж.И. Юридическая ответственность и государственное принуждение (общетеоретическое и конституционно-правовое исследование). Ростов н/Д, 2005. С. 13.

² Черданцев А.Ф. Теория государства и права: учебник для вузов. М., 1999. С. 87–88.

Значимость государственного принуждения столь велика, что его традиционно включают в перечень признаков государства¹. Данную позицию разделяет большинство теоретиков, исследующих государственно-правовую проблематику, которые при рассмотрении признаков государства акцентируют внимание на его монополии, на применении мер принуждения. А.И. Козулин аргументирует, что государственное принуждение представляет собой «основанное на организованной силе, осуществляемое специальным аппаратом воздействие на поведение людей, ограничивающее их самоопределение в целях подчинения их поведения воле государства»².

В ходе рассмотрения взаимосвязи государства и принуждения Д.Н. Бахрах пишет: «Существует государственная монополия на правовое принуждение. Только государство вправе издавать юридические нормы и применять установленные им санкции. Только государство, обладающее специальным аппаратом принуждения, вправе применять принудительные меры к гражданам и к организациям, коллективным субъектам»³.

Признавая связь государства и принуждения, следует учитывать, что в условиях правового государства, данное государственно-правовое образование должно отказаться от монополии на использование данного метода государственного управления. Применять государственное принуждение в ограниченном числе случаев вправе и другие субъекты. Речь, в частности, идет о состоянии необходимой обороны, крайней необходимости (ст. 37, 39 УК РФ)⁴, самозащиты

---

¹ См.: Теория государства и права: учебник / под ред. В.К. Бабаева. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2014. С. 70.

² Козулин А.И. Правовое принуждение (Правовые начала государственного принуждения в советском обществе): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1986. С. 6.

³ Бахрах Д.Н. Дисциплинарно-правовое принуждение в Российской Федерации // Государство и право. 2006. № 6. С. 43.

⁴ Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25, ст. 2954.

(ч. 1 ст. 12 ГК РФ)¹. Значительные возможности по применению государственного принуждения заложены при охране общественного порядка, что предусмотрено статьями 17, 19 Федерального закона (далее – ФЗ) от 2 апреля 2014 года № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка»². Вместе с тем, деятельность по применению принуждения негосударственными субъектами должна осуществляться в режиме законности при задействовании институтов государственного контроля (надзора).

Во-вторых, функционирование государственного принуждения предусмотрено *наличием права* как важнейшего социального регулятора. Право на различных этапах развития общества имело свои отличия. Тому имеется объективное обоснование. Отсутствие права в догосударственный период, его становление и развитие в рабовладельческой, феодальной, капиталистической формации, возрастание его регулирующего воздействия на общественные процессы. В этой связи П.А. Сорокиным было отмечено: «Государство как определенная форма общежития важно для истории прав тем, что в эпоху государственной жизни право сделало огромные шаги в своем развитии, за этот период отдельные виды права весьма отчетливо отдифференцировались, правовые институты приобрели отчетливые формы, официальное право и государство и технически, и по содержанию прогрессировало»³.

Особую значимость право обрело в период развития индустриального общества. Именно в этот период право обретает доминирующую роль в системе социального регулирования. Его регулирующее воздействие распространяется практически на все сферы общественной жизни. Особенно это становится очевидным на примере регулирования экономических отношений. Они становятся объектом наиболее детального правового регулирования.

---

¹ Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32, ст. 3301.

² Российская газета. 2014. 4 апреля.

³ Сорокин П.А. Элементарный учебник общей теории права в связи с теорией государства. Ярославль, 1919. С. 131.

Существенные изменения роли права происходят в начале XXI века, когда был осуществлен мощный «сдвиг» в общественном развитии. В настоящее время зарождается принципиально новый цивилизационный уклад, когда на доминирующие позиции выдвигаются информационные технологии, который получил название «информационная цивилизация». При этом происходит внедрение информационных подходов в различные общественные сферы, в том числе и в правовую.

Происходящие в информационной сфере процессы, без всякого преувеличения, можно назвать цифровой революцией. В этой связи следует признать востребованность повышенного правового внимания. Не утратили своей актуальности утверждения Германа Канна в 80-х годах XX столетия, давшего оценку перспективам социального и технологического развития общества: «Все стороны воздействия новой техники, результаты ее воздействия трудно сразу осознать и контролировать. Но как только все станет понятным и объяснимым, тогда и контроль над негативными последствиями воздействия техники станет возможным... Мы надеемся, что супериндустриальное общество превратится в общество с управляемыми проблемами уже где-то в начале следующего века»¹.

К сожалению, в полной мере данные прогнозы не сбылись и возникло значительное отставание государства в регулировании информационных процессов. Особенно это очевидно на примере урегулирования информационных отношений в области экономики, получивших название «цифровой экономики»².

Воздействие информационного общества осуществляется как на право, так и на принуждение. «Отставание» права от информационных процессов очевидно как на уровне позитивно правового регулирования, так и установления и применения мер государственного принуждения. При этом следует признать,

---

¹ Кан Г. Грядущий подъем: экономический, политический, социальный // Новая технократическая волна на Западе / пер. с англ. М., 1986. С. 183.

² Быков А.Ю. Право цифровой экономики: некоторые народно-хозяйственные и политические риски. М., 2018.

что в настоящее время предпринимаются определенные меры по нормализации ситуации, о чем свидетельствует принятие ряда нормативных правовых актов¹.

Каждое общество на разных этапах своего развития испытывает потребности в государственном принуждении, что обусловлено необходимостью защиты общественных отношений. При этом следует принимать во внимание изменение объектов правоохраны, возрастание роли информационных технологий. С одной стороны, значительно увеличивается эффективность правового принуждения, так как формируются внутренние поведенческие правовые мотивы у самого индивида. Необходимо принимать во внимание, что информационная экспансия приводит к нравственной деградации общества, утрате духовных, культурных и правовых ориентиров, создает благодатные условия для деформации общественного, в том числе и правового, сознания.

В современных условиях информация в ряде ситуаций превращается в самостоятельную форму психологического принуждения, обретает потенциал мощного средства манипуляции сознанием и поведением самого широкого круга субъектов. Особенно такое воздействие оказывается на молодежь, которая является наиболее активным пользователем информационных ресурсов.

Следует признать, что право «запаздывает» в регулировании современных общественных отношений. Существующие вызовы оказываются вне границ правового поля, субъекты общественных отношений при этом испытывают серьезные лишения. Выходом из создавшейся ситуации могло бы стать осу-

---

¹ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20, ст. 2901; О системе управления реализацией программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: постановление Правительства РФ от 28 августа 2017 г. № 1030 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 36, ст. 5450; Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р // Собрание законодательства РФ. 2017. № 32, ст. 5138.

ществование опережающего правотворчества. Оно состоит в заблаговременном принятии соответствующих нормативных правовых актов по регулированию отношений в наиболее важных сферах и областях общественной жизни. Слабое прогнозирование развития общественных процессов законодателем приводит к ситуации «правового вакуума». В таких условиях отношения развиваются по непрогнозируемым сценариям, что приводит к существенным издержкам.

В-третьих, государственное принуждение предопределено наличием (совершением) *противоправных деяний*. Названный фактор представляет интерес как с позиции обоснованности государственного принуждения, так и фактических оснований его применения. Именно их наличие запускает механизм принудительного воздействия. В этой связи противоправное деяние является тем юридическим фактом, при наличии и даже потенциальной угрозе совершения которого применяются меры государственного принуждения.

Традиционно в юриспруденции оформилось два подхода по данному вопросу. Сторонники ограничительного, или мониторингового подхода отстаивают позицию, согласно которой только правонарушения различной степени общественной опасности выступают в качестве фактического основания государственного принуждения¹. В этой связи М.Х. Фарукиным было отмечено: «Применение самого государственного принуждения допустимо лишь в случае противоправного поведения и в связи с таким поведением. Никакими иными соображениями использование мер принуждения обосновать нельзя»².

Названная позиция нашла поддержку и в отраслевой юридической науке. По данному вопросу известный административист Д.Н. Бахрах пишет: «Принуждение осуществляется в связи с неправомерным, вредным для общества деянием, как реакция на вредоносное поведение. Использование принуждения

---

¹ Братусь С.Н. Спорные вопросы юридической ответственности // Советское государство и право. 1973. № 4. С. 35.

² Фарукин М.Х. Вопросы общей теории юридической ответственности // Правоведение. 1969. № 4. С. 29–30.

обусловлено конфликтом между государственной волей, выраженной в праве, и индивидуальной волей лиц, нарушающих это право. Если же нет непропорциональных действий – нет и принудительных акций»¹. Несколько ранее названная точка зрения была сформулирована М.С. Студеникиной².

Сторонники широкого подхода полагают, что государственное принуждение применяется как при совершении правонарушения, так и при возникновении других оснований, которые связаны с действием непреодолимых сил природы, техногенных процессов, противоправных деяний, которые не образуют состава правонарушения³. В этой связи С.С. Алексеев отметил, что «в ограниченном числе случаев меры правового принуждения могут применяться и для решения государственных задач, сопряженных с экстремальными социальными условиями, – военной обстановкой, стихийными бедствиями (например, реквизиция имущества)»⁴.

Основания применения государственного принуждения, не связанные с правонарушениями, В.Д. Ардашкиным было предложено назвать обобщенным термином «правовая аномалия»⁵, который в настоящее время прочно вошел в научный оборот⁶.

Следует признать, что отказ от признания очевидного положения, когда государственное принуждение применяется вне

---

¹ Бахрах Д.Н. Административная ответственность граждан в СССР: учебное пособие. Свердловск, 1989. С. 13.

² См.: Студеникина М.С. Соотношение административного принуждения и административной ответственности // Советское государство и право. 1968. № 10. С. 22.

³ См.: Ардашкин В.Д. О природе государственности зрелого социализма // Конституционное законодательство и проблемы государственного управления: сб. ст. / под ред. В.Ф. Воловича, А.И. Кима. Томск, 1986. С. 33; Серегина В.В. Государственное принуждение по советскому праву. Воронеж, 1991. С. 29–30.

⁴ Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 269–270.

⁵ Ардашкин В.Д. К теории правоохранительного механизма // Правоведение. 1988. № 1. С. 13.

⁶ См.: Серегина В.В. Сущность и формы государственного принуждения по советскому праву (общетеоретические проблемы): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1987. С. 13–14; Каплунов А.И. Об основных чертах и понятии государственного принуждения // Государство и право. 2004. № 12. С. 13.

связи с правонарушениями, не только является ошибочным, а не соответствует правовой действительности. В настоящее время государственное принуждение реализуется при решении широкого круга правоохранительных задач, что свидетельствует о том, что оно является универсальным методом управления обществом.

В-четвертых, к числу детерминантов государственного принуждения относится потребность в *обеспечении режима законности*¹. Обязательным условием функционирования правового государства являются создание должного нормативного правового регулирования общественных отношений и неукоснительное исполнение и соблюдение действующего законодательства. В этой связи важное значение приобретают вопросы обеспечения данного правового режима, среди которых весомое значение приобретает «контроль и принуждение»². Потенциал государственного принуждения позволяет эффективно «удерживать» субъектов права в границах правового поля.

Значимость законности подтверждена содержанием статьи 15 Конституции РФ³, где закреплена обязанность соблюдать Конституцию РФ и принятые на ее основе законы и другие нормативные правовые акты всеми без исключения государственными органами, органами местного самоуправления, предприятиями, организациями, учреждениями и гражданами.

Следует признать, что в настоящее время не утратило своей актуальности утверждение русского правоведа Г.Ф. Шершеневича о законности: «Народ, приученный к уважению законов, нелегко отступает от законности и устраивает себе необыкновенную консервативность, являющуюся важнейшим обеспечением

---

¹ Кожевников С.Н. Государственное принуждение: особенности и содержание // Советское государство и право. 1978. № 5. С. 50.

² Бахрах Д.Н. Административная ответственность граждан в СССР: учебное пособие. Свердловск, 1989. С. 607; *Его же*. Административное право: учебник для вузов. М., 1996. С. 235.

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31, ст. 4398.

правового порядка. Напротив, народ, привыкший в течение длительного времени к постоянному нарушению законов, равнодушно относится к законности управления, не отличается устойчивостью в юридических понятиях и легко переходит от одного правового порядка к другому»¹.

Роль законности существенно возрастает в условиях формирования гражданского общества и создания правового государства. Игнорирование требований законности при реализации государственного принуждения приводит к наступлению ограничений, которые противоречат действующему законодательству. При этом во внимание следует принимать как правотворческий, так и правоприменительный (правореализационный) аспекты законности. С одной стороны, необходимо неукоснительно соблюдать иерархию нормативных правовых источников государственного принуждения, а с другой стороны – субъекты, осуществляющие реализацию названных мер, должны неукоснительно следовать требованиям законности, учитывая как материально-правовые, так и процессуальные аспекты в своем единстве.

Отмечая роль принципа законности применительно к нормативному правовому регулированию и реализации мер государственного принуждения, следует учитывать их роль в обеспечении режима законности в целом. Наличие государственного принуждения, возможность его реализовать в случае нарушения требований законности является значимым сдерживающим фактором для потенциальных правонарушителей. При этом следует преодолеть традиционное заблуждение, когда потенциал государственного принуждения в ходе обеспечения законности связывается исключительно с применением мер юридической ответственности. В ходе обеспечения законности важно задействовать в комплексе весь государственно-принудительный потенциал. Реальная возможность применения мер государственного принуждения выступает значимым

---

¹ *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права: лекция на правах рукописи, читаемая в Московском коммерческом институте в 1909–1910 гг. М., 1911. С. 57–58.

сдерживающим фактором в отношении совершения правонарушений, обеспечения правопорядка и безопасности, а также недопущения локализации других угроз, которые не связаны с правонарушениями.

В-пятых, к числу факторов, обуславливающих государственное принуждение, относится потребность *повышения эффективности государственного управления*. Внимание к данной проблематике вызвало принятие ряда нормативных правовых актов Президентом РФ¹.

На различных уровнях государственного управления данной проблеме также уделяется существенное внимание. При этом важно, чтобы оно осуществлялось с учетом оптимального разрешения как текущих, так и перспективных задач. «Итоговым, концентрированным выражением деятельности общества и государства по созданию «опережающего состояния» государственного управления в общественном развитии, – по мнению Г.В. Атаманчука, – является процесс совершенствования самого государственного управления. Он представляет собой

---

¹ Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов в области энергосбережения и повышения энергетической эффективности: указ Президента РФ от 13 мая 2010 г. № 579 // Собрание законодательства РФ. 2010. № 20, ст. 2432; О долгосрочной государственной экономической политике: указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 596 // Российская газета. 2012. 9 мая; О мероприятиях по реализации государственной социальной политики: указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 597 // Российская газета. 2012. 9 мая; О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения: указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 598 // Российская газета. 2012. 9 мая; О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки: указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 599 // Российская газета. 2012. 9 мая; О мерах по обеспечению граждан Российской Федерации доступным и комфортным жильем и повышению качества жилищно-коммунальных услуг: указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 600 // Российская газета. 2012. 9 мая; Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления: указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 601 // Российская газета. 2012. 9 мая; О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации: указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 606 // Российская газета. 2012. 9 мая.

подсистему в государственном управлении с соответствующими целями, предметом, принципами и организацией, смысл которой заключается в придании государственному управлению как системному общественному явлению способности самообразования, саморазвития, самоулучшения»¹.

Несмотря на системное внимание к проблеме эффективности государственного управления, она в значительной мере отстает от аналогичных характеристик управленческой деятельности в частном секторе. Такому положению имеются как объективные, так и субъективные объяснения. Объективные причины объясняются наличием значительной дополнительной нагрузки, которая связана с решением социальных задач. В то время как данная «нагрузка» в минимальной мере наличествует и реализуется в негосударственном секторе. Субъективная сторона данной проблематики объясняется косностью государственного управления, неадекватным восприятием происходящих изменений, отсутствием необходимой мотивации у ее субъектов.

Потенциал государственного принуждения позволяет повысить результативность управленческой деятельности, что достигается за счет использования его стимулирующего потенциала. Следует принимать во внимание, что восприятие государственного принуждения исключительно с позиции правоохраны, игнорирование стимулирующей составляющей является односторонним, ошибочным, не соответствующим действительности. В этой связи необходимо понимать, что возможно сподвигнуть к должному варианту поведения как посредством ограничений, так и стимулирования, пусть даже посредством первоначального ограничения².

Является ложным, не соответствующим реальному положению вещей, когда государственному принуждению оставлено место на периферии управленческого инструментария.

---

¹ Атаманчук Г.В. Теория государственного управления: курс лекций. М., 1997. С. 382.

² См.: Макарейко Н.В. Детерминация государственного принуждения в России // Юридический мир. 2010. № 11. С. 59–62.

В этой связи нельзя согласиться с тем, что оно «является вспомогательным, дополнительным методом управления обществом. Основным методом является метод убеждения, который представляет собой совокупность средств, приемов и способов воздействия на сознание человека с целью формирования у него мнения об осознанном и добровольном соблюдении и исполнении правовых предписаний»¹.

Государственное принуждение занимает важное место в современном государственном управленческом инструментарии. Отказ от его применения является не меньшим злом, чем его чрезмерная и необоснованная реализация. При этом следует вести речь о сбалансированности применяемых методов государственного управления.

В-шестых, наличие государственного принуждения может быть объяснено высоким *уровнем конфликтности в обществе*. Неоднородность социума, наличие самого широкого спектра интересов, в том числе и антагонистических противоречий, требует поиска и применения соответствующего инструментария. По мнению Г.М. Лановой, для разрешения конфликтных ситуаций важным является задействование принуждения: «Принуждение как метод силового воздействия применяется только в условиях *конфликта интересов* (курсив наш. – Н.М.) и выступает средством его разрешения»².

Обращение к потенциалу государственного принуждения является вынужденным, но необходимым шагом по разрешению конфликтов интересов³. Государственное принуждение не конкурирует с другими методами государственного управления, а «делит» с ними сферу воздействия. Приоритет в выборе и при-

---

¹ Бабаев В.К. Право и государственное принуждение // Теория государства и права: учебник / под ред. В.К. Бабаева. М., 2002. С. 207.

² Лановая Г.М. Принуждение в системе правоприменения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 22.

³ При этом не следует смешивать понятие «конфликт интересов», который имеет место при отправлении государственной службы. См.: О государственной гражданской службе Российской Федерации: федеральный закон от 27 июля 2004 г. (Статья 19) // Российская газета. 2004. 31 июля.

менении методов обусловлен остротой конфликта, необходимостью его разрешения, дефицитом времени и другими обстоятельствами. Очередность и приоритетность применения того или иного метода определяется конкретной правоохранительной ситуацией, а не формальными традиционно сложившимися критериями, стереотипами.

Нами ранее было отмечено, что реализация (применение) государственного принуждения не является самоцелью, оно должно быть продиктовано объективной необходимостью, а зачастую выступать безальтернативным вариантом. С учетом наступаемых правоограничений в результате применения государственного принуждения целесообразно избрать вектор на их минимизацию. Вместе с тем, такое решение должно быть продиктовано не компанейщиной, следованием стереотипам, а объективно складывающейся ситуацией, сокращением оснований их применения. Наряду с этим, применение государственного принуждения следует сопровождать соответствующей информационной кампанией, где проводить комплекс разъяснительных мероприятий о необходимости применения данного метода государственного управления. В ряде случаев непонимание со стороны общественности решений о применении мер государственного принуждения влечет за собой негативные репутационные издержки для правоприменителей, что в конечном счете снижает эффективность их применения. Говоря о формировании в обществе адекватного восприятия применения мер государственного принуждения, следует сформировать их восприятие как средства обеспечения свободы от различного рода посягательств.

Одной из актуальных проблем, связанных с государственным принуждением, выступает отсутствие единства в его понимании. На первый взгляд, ее можно было бы свести исключительно к юридико-технической составляющей, однако проблема имеет более глубинную природу. Положение усугубляется в силу отсутствия нормативно закреплённой дефиниции «государственное принуждение». В этой связи в литературе существуют различные, в том числе и диаметрально

противоположные подходы на определение понятия «государственное принуждение»¹.

Формулирование определения понятия рассматриваемого явления позволяет глубже проникнуть в его сущность, оградив от смежных явлений, предупредить юридические ошибки в различных видах юридической деятельности (правотворческой, правоприменительной, правоинтерпретационной, правосистематизирующей). Причина сложившегося положения может быть объяснена тем, что при конструировании соответствующего определения понятия авторы включают в него различные признаки.

Так, Л.Л. Попов и А.П. Шергин к признакам государственного принуждения отнесли следующие: «а) его структура, функции, пределы использования определяются объективными потребностями социалистического общества; б) государственное принуждение становится в полной мере правовым; в) оно применяется на основе строгой правовой регламентации его объема и пределов, нормативного установления оснований, порядка и процедуры реализации конкретных мер воздействия; г) весь процесс применения государственного принуждения предполагает строжайшее соблюдение социалистической законности;

---

¹ См.: *Алексеев С.С.* Социальная ценность права в советском обществе. М., 1971. С. 106; *Базылев Б.Т.* Юридическая ответственность (теоретические вопросы). Красноярск, 1985. С. 40; *Бахрах Д.Н.* Административная ответственность граждан в СССР: учебное пособие. Свердловск, 1989. С. 14; *Каплунов А.И.* Об основных чертах и понятии государственного принуждения // Государство и право. 2004. № 12. С. 17; *Козулин А.И.* Правовое принуждение: (правовые начала государственного принуждения в советском обществе): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1986. С. 15; *Курганова А.С.* Уголовно-исполнительная система в механизме государственного принуждения (общеправовой анализ): дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007. С. 43–44; *Лейст О.Э.* Санкции и ответственность по советскому праву (теоретические проблемы). М., 1981. С. 74; *Попов Л.Л.* Убеждение и принуждение. М., 1968. С. 13; *Сильченко Н.В.* Закон: проблемы этимологии, социологии и логики. Минск, 1993. С. 50; *Талюпа А.Г.* Убеждение и принуждение в период перехода от социализма к коммунизму и их роль в обеспечении советского правопорядка: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1966. С. 8; *Чашиников В.А.* Государственно-правовое принуждение: общетеоретические вопросы. С. 101.

д) назначение принуждения состоит в исправлении и перевоспитании правонарушителей, предупреждении новых правонарушений; е) государственному принуждению в социалистическом обществе свойственна закономерность постепенного сокращения сферы применения»¹.

Рассмотрев сущность государственного принуждения, В.В. Серегина считает, что ему свойственны такие признаки, как: а) является специфической формой правоприменительной деятельности специально уполномоченных на то органов государства; б) представляет собой психическое или физическое воздействие на поведение людей; воздействие выражается в идее применения соответствующих мер; в) заключается в реальном применении санкций нормы права к конкретным субъектам правоотношений, а в некоторых случаях и в применении диспозиции правовых норм; г) сопровождается причинением субъекту правоограничений; д) фактическим основанием применения мер принуждения служит совершение правонарушения, а также необходимость предотвращения иных нежелательных для общества и государства правовых аномалий; применение осуществляется в определенной законом процессуальной форме; е) основной целью является упрочнение режима законности и правопорядка в стране, всемерная охрана прав и законных интересов личности, общества и государства; ж) оно развивается и осуществляется в рамках охранительных правоотношений².

Проиллюстрированные подходы при всей своей краткости свидетельствуют об отсутствии единства в научных воззрениях. Такая ситуация имеет не только доктринальное значение, влияя на проведение научных исследований по данной тематике, но играет и прикладную роль. Не секрет, что посредством ознакомления с соответствующими теориями происходит формирование убежденности субъектов правотворчества,

---

¹ Попов Л.Л., Шергин А.П. Управление, гражданин, ответственность. Л., 1975. С. 13–15.

² См.: Серегина В.В. Государственное принуждение по советскому праву. Воронеж, 1991. С. 42–47.

правоприменения, а также осуществляющих другие виды юридической деятельности в сущности рассматриваемого явления. Мы полагаем, что в число признаков государственного принуждения необходимо включить следующие: а) выступает видом социального принуждения; б) является методом реализации государственной власти; в) правоограничительное воздействие оказывается на сознание, волю или поведение, чаще всего оно носит комплексный характер; г) регламентируется действующим законодательством, обретает правовой характер; д) содержится в соответствующем структурном элементе нормы права; е) применяется в связи с правонарушениями, а также аномалиями правового содержания; ж) применяется уполномоченными субъектами; з) реализуется посредством соответствующих мер; и) приводит к наступлению правоограничений (физических, психических, имущественных или организационных), возложению дополнительных обязанностей; к) имеет сложную системную организацию; л) свойственны соответствующие функции; м) реализуется в установленном процессуальном порядке (соответствующих процессуальных производств); н) направлено на достижение соответствующих целей; о) реализуется в рамках правоотношений охранительного типа.

При характеристике государственного принуждения важно учитывать его связь с социальным принуждением. Предназначение принуждения в обществе заключается в снятии противоречий, возникающих между его членами, стимулировании интеграции общества, противостоянии произволу, в том числе исходящего от общества в целом. Оно рассматривается как наиболее действенное средство противостояния произволу и насилию. В литературе отмечается, что, будучи методом социального управления, принуждение позволяет ограничивать или ликвидировать свободу функционирования и развития объекта управления в соответствии с целями управляющей системы¹.

---

¹ См.: Сальников В.П., Федоров В.П. Убеждение и принуждение в деятельности органов внутренних дел: пособие. Л., 1989. С. 66.

Воззрение на социальную природу принуждения позволяет признать его необходимым инструментом социального управления, который позволяет решать широкий спектр задач. В силу этого оно представляет собой разновидное образование. В этой связи оно подразделяется на моральное, государственное, религиозное, корпоративное и др. При этом каждый из видов социального принуждения реализуется в соответствующей социальной сфере и решении соответствующих задач.

При анализе частно-правового принуждения П.В. Демидов определил социальное принуждение как «осуществляемое на основании и порядке, установленном социальными нормами, внешнее воздействие уполномоченного социальной нормой лица (принуждающего) на волю другого лица (принуждаемого) с содержащимся в социальной норме предписанием, характеризующееся снятием воли принуждаемого лица с целью приведения его поведения в соответствие с социальной нормой»¹.

Социальное принуждение, его организационная структура предопределены построением общества, регламентируются соответствующими социальными нормами. По мнению В.А. Чашникова, посредством социального принуждения решаются наиболее значимые задачи: «При помощи социального принуждения могут пресекаться асоциальные, нежелательные для общества поступки человека, ограничивается свобода вариантов его поведения, стимулируется должное поведение, но социальное принуждение может быть и преступным, направленным против общества и общественных интересов, например, принуждение преступника в отношении жертвы, диктатора в отношении своего народа и т. д.»².

В литературе традиционно отмечается связь социального и государственного принуждения. Так, В.В. Серегина при этом отмечает нормативную специфику, характер решаемых государственным принуждением задач: «Его особенность заключается

---

¹ Демидов П.В. Частное правовое принуждение как категория теории права: научные и практические проблемы: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005. С. 52.

² Чашников В.А. Государственно-правовое принуждение: общетеоретические вопросы: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 13.

в том, что оно базируется на праве, связано с осуществлением политических и иных задач государственной власти»¹.

Признавая потенциал государственного принуждения, его особую роль в механизме социального принуждения, следует отметить разноплановый характер общественных отношений. В этой связи не представляется возможным решить посредством исключительно государственного принуждения возникающие в обществе проблемы. Существует потребность не только разделения поля применения, но и организации взаимодействия между соответствующими видами социального принуждения. Именно взаимосвязь в динамике между видами социального принуждения позволяет защитить общество от существующих и потенциальных угроз.

При исследовании государственного принуждения важное значение имеет его соотношение с насилием. Данное положение обусловлено тем, что в ряде ситуаций они могут трансформироваться в своих антиподов. Ж.И. Овсепян обращает внимание на то, что в литературе зачастую допускаются ошибки при характеристике названных явлений, так как «...подчас одно и то же социальное явление одни авторы называют принуждением, другие – насилием. Между тем имеет более весомые основания другой подход к восприятию указанных понятий, согласно которым их необходимо дифференцировать, поскольку принуждение и насилие как социальные явления не идентичны»².

Во многом схожую позицию занимает М.Б. Разгильдиева: «Выявление сущности правового принуждения необходимо начать с установления соотношения в праве таких категорий, как «принуждение» и «насилие», поскольку они часто отождествляются, что <...> создает неверную основу для решения вопроса о сущности правового принуждения»³.

---

¹ *Сергина В.В.* Государственное принуждение по советскому праву. Воронеж, 1991. С. 36.

² *Овсепян Ж.И.* Юридическая ответственность и государственное принуждение (общетеоретическое и конституционно-правовое исследование). Ростов н/Д, 2005. С. 185.

³ *Разгильдиева М.Б.* Правовое убеждение и принуждение: теоретические основы (на примере финансового законодательства): монография / под ред. Н.И. Химичевой. М., 2012. С. 131.

Российское общество заинтересовано в предупреждении превращения государственного принуждения в насилие и постоянно находится в поиске рецептов решения данной многосложной проблемы. В этой связи уместно обратиться к В.С. Соловьеву: «Если Россия не откажется от права силы и не поверит в силу права, если она не возжелает искренне и крепко духовной свободы и истины, она никогда не сможет иметь прочного успеха ни в каких делах, ни внешних, ни внутренних»¹.

Закономерным видится указание в правоведении на спорность восприятия соотношения принуждения и насилия, которые требуют дополнительного осмысления. «В философской, социологической и политической науках прошлых и современных столетий принуждение анализируется в научно-исследовательском процессе преимущественно в аспекте идентификации с насилием, крайней политической формой которого является террор. Причем подчас одно и то же социальное явление одни авторы называют принуждением, другие – насилием. Между тем имеет более весомые основания другой подход к восприятию указанных понятий, согласно которому их необходимо дифференцировать, поскольку принуждение и насилие как социальные явления не идентичны»².

Важно четко определить то состояние, когда принуждение трансформируется в насилие, найти соответствующие индикаторные показатели, выработать механизмы по предупреждению данных процессов. Необходимо избавиться от иллюзии, что общество может быть свободно от насилия. Т.В. Кашаниной было акцентировано внимание на роль насилия в формировании российской государственности: «Если насилие как фактор, оказавший значительное влияние на образование Древнерусского государства, было обращено в основном вовне и применялось по отношению к другим племенам и народам, то на этапе

---

¹ Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия. М., 1996. С. 4.

² Овсянян Ж.И. Юридическая ответственность и государственное принуждение (общетеоретическое и конституционно-правовое исследование). Ростов н/Д, 2005. С. 185.

развития российской цивилизации¹ фактор насилия становится иным: оно большей частью обращено внутрь и применяется к своим же русским людям, объединенным в отдельные разрозненные княжества»².

В литературе аргументируется, что вопросы насилия организационно включены в религиозные тексты. Проведенный контент-анализ текста Библии А.Я. Анцуповым, А.И. Шипиловым и А.А. Калаевым позволил заключить, что из 12 407 понятий, которые включены в Ветхий и Новый Завет, 1909 (15,39%) в большей или меньшей мере связаны с проблемой насилия³.

Проблема принуждения-насилия традиционно исследуется в философии. При этом спектр взглядов на данную проблему весьма широк: от полного отказа и до, по сути, неограниченного применения. Авторы, отрицающие возможность применения принуждения-насилия, объединены в рамках школы, получившей название «этики ненасилия». Представителями данного течения являются М. Ганди, М.Л. Кинг, Н.К. Рерих, Л.Н. Толстой, Г. Торо и др.⁴ Отрадным является тот факт, что данные воззрения в ряде случаев были положены в основу массовых, политических, религиозных движений, способствовали ведению национально-освободительной борьбы. Данная теория в настоящее время получила поддержку среди отечественных авторов (А.А. Апресян, А.А. Гусейнов, Н. Мироманов, Г.И. Марченко⁵).

---

¹ Имеется в виду период XIV–XV вв.

² См.: *Кашианина Т.В.* Происхождение государства и права: учебное пособие. М., 2004. С. 149.

³ См.: *Карташов В.Н.* О некоторых проявлениях кризиса юридической методологии // Научные труды. Российская академия юридических наук. Вып. 4: в 3 т. М., 2004. Т. 1. С. 75.

⁴ См.: *Кинг М.Л.* Любите врагов ваших // Вопросы философии. 1992. № 2. С. 66–67; *Рерих И.К.* Пути Благословения. Минск, 1991; Новые пророки (Торо, Толстой, Ганди, Эмерсон). СПб., 1996.

⁵ См.: *Апресян А.А.* Постижение добра. М., 1986; *Апресян А.А., Марченко Г.И.* Размышления после конференции // Философские науки. 1990. № 11. С. 53–89; *Гусейнов А.А.* Этика ненасилия // Вопросы философии. 1992. № 3. С. 72–88; *Желобов А.П.* Идеи гуманизма и традиции русской этической мысли: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 1999; *Мироманов Н.* Ненасилие: движение и организация // Вопросы философии. 1992. № 3. С. 180–181.

Не стоит умалять позитивное влияние этики ненасилия, когда достижение значимых позитивных результатов осуществляется без помощи насилия (принуждения). Вместе с тем следует быть реалистами и признавать, что отрицание насилия в обществе на различных уровнях является утопией. На необходимость применения насилия в обществе указывали М. Бакунин, Л. Гумплович, К. Лоренц, Н. Макиавелли, Ж.-Ж. Руссо, Г. Спенсер и др.¹

О жизнеспособности данной теории свидетельствуют исследования ряда авторов (С.А. Вовченко, Г.Н. Киреев, Н.И. Китаев и др.²). Представители данного подхода признают насилие в качестве реального социального акта. При этом названный подход получил поддержку в юридической, политической, этической науках (В.П. Горынин, В.В. Денисов, С.А. Кудрявцев, К.А. Тарасов³).

Сторонники психологического течения исходят из того, что причины социального насилия необходимо искать в человеке, его природе. «Здесь социальная действительность не порождает, а «экранирует» собой индивидуальную деструкцию»⁴. К числу сторонников названного подхода можно отнести Т. Гоббса, Б. Мандевилля, Г. Маркуза, Х. Ортега-и-Гассета, Ж. Сартра, З. Фрейда, Э. Фромма, С. Цвейга, К. Ясперса. По мнению перечисленных авторов, при определенных обстоя-

---

¹ См.: *Бакунин М.А.* Философия. Социология. Политика. М., 1989; *Лоренц К.* Агрессия (так называемое зло) / пер. с нем. М., 1994; *Макиавелли Н.* Государь. Рассуждение о первой декаде Тита Ливия. СПб., 2000; *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре. М., 1906; *Спенсер Г.* Грядущее рабство. СПб., 1884.

² См.: *Вовченко С.А.* Социальные основы и исторические тенденции релевантности политического насилия: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Севастополь, 1997; *Киреев Г.Н.* Сущность насилия. М., 1990; *Китаев Н.И.* Социальное насилие в современном классовом противоборстве. Минск, 1980.

³ См.: *Горынин В.П.* Эстетизация насилия как форма милитаризации духовной жизни современного буржуазного общества: автореф. ... дис. канд. филос. наук. М., 1991; *Денисов В.В.* Социология насилия. М., 1975; *Кудрявцев С.В.* Конфликт и насильственное преступление. М., 1991; *Тарасов К.А.* Эффект воздействия насилия в художественных фильмах на подрастающее поколение: автореф. ... дис. канд. соц. наук. М., 2000.

⁴ *Ибрагимов Р.Н.* Проблема социального насилия как фактор исторического процесса: дис. ... канд. филос. наук. Абакан, 2003. С. 9.

тельствах социальное насилие, его истоки обнаруживаются в предрасположенности отдельного индивидуума, который не поддается исправлению и умышленно причиняет боль ближнему. С этой целью они объединяются. Необходимо учитывать отличия в воззрениях на отдельные аспекты обоснования применения насилия в обществе. Примером является обоснование причин насилия.

Сторонники данного подхода представлены и отечественными исследователями (Т.А. Алексеев, Р. Браг, С.Л. Колобов, А.Г. Потапов, В.Г. Чалидзе). Указанные авторы обосновывают насилие не социальной природой, конфликтным поведением индивидов, а природной агрессивностью субъектов общественных отношений, которые проецируют свою агрессию вовне. В этой связи возникают агрессивные проявления.

Наряду с этим можно выделить и сторонников консолидированного подхода. Об этом свидетельствуют работы О.Р. Авериной, Т.В. Беловой, А.А. Горелова, А.А. Грицанова, В.И. Овчаренко, Д.И. Пейсахова, К.Д. Почепцова¹. Перечисленные авторы разделяют теорию социального отчуждения, признавая социальное обоснование насилия, но при этом утверждают, что ответственность за применение или отказ от его применения лежит на отдельном индивидууме.

Не вдаваясь в более глубокий анализ существующих подходов по исследованию насилия, необходимо отметить его связь с властью. По мнению М. Фуко, в основе насилия лежит власть, которая обуславливает применение общественно значимых решений с силовой составляющей². Проблемам насилия уделяли внимание Т. Гоббс, Г. Гроций, Н. Макиавелли,

---

¹ См.: *Аверина О.Р.* Отчуждение в политической сфере общественной жизни: социально-философский аспект: автореф. ... дис. канд. филос. наук. М., 1992; *Белова Т.В.* Социально-философский смысл проблемы отчуждения. М., 1991; *Горелов А.А.* Расщепленный человек в расщепленном мире. М., 1991; *Грицанов А.А., Овчаренко В.И.* Человек и отчуждение. Минск, 1991; *Пейсахов Д.И.* Преодоление отчуждения: мировоззренческие аспекты: автореф. ... дис. канд. филос. наук. Екатеринбург, 1999; *Почепцов Г.* Тоталитарный человек. Очерки тоталитарного символизма и мифологии. Киев, 1994; и др.

² *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996.

А. Шопенгауэр, К. Хаустхофер. Такое положение объясняется тем, что в эпоху Возрождения объектом самого пристального внимания выступила проблема свободы. Логически закономерным в этой связи явилось исследование методов ее ограничения, и возникла потребность более пристального познания насилия, его социальной природы, форм, границ и порядка применения.

Было бы ошибочным считать, что внимание к насилию было ограничено исключительно эпохой Возрождения. Можно констатировать, что на рубеже XX–XXI веков проблема насилия выступила объектом пристального внимания. По мнению В. Кувакина, насилие является наиболее репрессивным инструментом регулирования общественных отношений: «Насилие – возможно, одно из самых заметных, основных и глубоких по своим результатам проявлений антигуманности, злого начала в человеке. Форм проявления насилия невероятное множество: убийство, война, терроризм и бандитизм, заложничество, эксплуатация, различные виды дискриминации. ...Общая черта любого насилия – лишение человека жизни, незаконное лишение или нанесение ущерба правам и свободам человека или его собственности»¹. Во многом схожую позицию ранее обосновывал А. Каренин, который отмечал, что «...совершить насилие – значит убить, уничтожить, отказать другому живому существу в праве на жизнь, на собственные взгляды, желания и интересы»². Такой подход связывался с целевым назначением насилия. «Насилием следует считать силовое воздействие субъекта на объект, ставящее своей целью преодоление сопротивления этого объекта»³.

Следует отметить, что в философии зачастую не проводится отличие между насилием и принуждением. Истоки такого положения связаны с акцентированием исключительного

---

¹ Кувакин В. Твой рай и ад: человечность и бесчеловечность человека. М.; СПб., 1998. С. 172.

² Каренин А. Философия политического насилия. М., 1971. С. 196.

³ Сытых Е.Л. Роль и значение насилия в культуре: дис. ... канд. культурологии. Челябинск, 2003. С. 13.

внимания на ограничении свободы. Правоведы давали обоснование различия между данными явлениями, акцентируя внимание на невозможности функционирования права без принудительной составляющей. «...еще с древних времен правосудие изображается с весами в одной руке и мечом в другой. Весами оно мерит право, мечом его охраняет. Меч без весов показывал бы только голое насилие, весы без меча – полное бессилие права»¹. Признавая востребованность принуждения, отмечается необходимость его ограничения правом, что будет предупреждать его «сползание» к насилию.

Соглашаясь с необходимостью использования потенциала ненасилия, следует признать, что в ряде случаев в дальнейшем это приводит к применению насилия в неконтролируемом размере. О подобном свидетельствует практика «цветных» революций». Необоснованный отказ от применения государственного принуждения в качестве средства противодействия противоправным массовым мероприятиям приводит к неконтролируемым фактам применения насилия. В этой связи следует отказаться от псевдогуманного поведения, «экономии» принуждения, что в будущем провоцирует значительное применение насилия, приводит к хаосу.

Признавая необходимость применения принуждения, следует проводить его отличие от насилия. Так, по мнению В.С. Соловьева, принуждение является видом насилия, которое носит неоднородный характер: «Насилие в нашем мире бывает трех родов: 1) насилие зверское, которое совершают убийцы, разбойники, деторастлители; 2) насилие человеческое, необходимо допускаемое принудительной организацией общества для ограничения внешних благ жизни, и 3) насильственное вторжение внешней общественной организации в духовную сферу человека с лживой целью ограничения внутренних благ – род насилия, которое всецело определяется злом и ложью, а потому по справедливости должен быть назван дьявольским»².

---

¹ *Иеринг Р.* Борьба за право. СПб., 1895. С. 13.

² *Соловьев В.С.* Определение добра: сочинения: в 2 т. / сост., общ. ред. и вст. ст. А.Ф. Лосева и А.В. Гулыги; примеч. С.П. Кравца [и др.]. М., 1990. Т. 1. С. 456.

Следует разделить позицию А.С. Пучнина, по мнению которого в оценке насилия-принуждения важную роль играет субъективная составляющая. «Не каждое использование силы есть насилие, это доказывает не только герменевтическое толкование терминов, то есть изучение их языкового смысла, но и отражение в правосознании. Если насилие отвергается правосознанием и никак не соотносится с естественным правом, то заставление отражается в правосознании позитивно, как объективная необходимость»¹.

М.М. Магомедрасулов придерживается противоположной точки зрения. По его мнению, насилие выступает в качестве формы принуждения. Данным автором делается акцент на аксиологической составляющей проблемы. «До тех пор, пока социальная ценность принуждения не будет выявлена, не может быть обоснована допустимость его использования, в том числе в правовой сфере и в условиях правового государства. Невозможность безусловного признания принуждения социальным благом закономерно влечет необходимость выявления критериев, позволяющих отграничивать принуждение, рассматриваемое обществом как благо, от порицаемого им. В правовом государстве в качестве такового выступает справедливость»².

Признавая необходимость поиска и применения соответствующих критериев, отграничивающих необходимое принуждение, другими словами, государственное принуждение от насилия (порицаемое принуждение), следует учесть, что единого мнения по этому вопросу быть не может. Такое положение связано с тем, что в обществе существуют самые противоречивые интересы и их приведение к единому номиналу в ряде случаев возможно при условии применения государственного принуждения.

В этой связи М.Б. Разгильдиевой предлагается проводить различие между принуждением и насилием с использованием

---

¹ Пучнин А.С. Принуждение и право: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 1999. С. 69.

² Магомедрасулов М.М. Особенности принуждения в правовом государстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 13.

их целевого назначения: «Насилие следует понимать как применение силы, способное или причиняющее вред жизни или здоровью отдельных людей или их общности.

Принуждение, напротив, связано с определенной целью его осуществления, оно всегда направлено на формирование у принуждаемого воли к определенному поведению, требуемому принуждающим субъектом. В зависимости от этой направленности принуждение определяется как допустимое (правомерное принуждение) или нет (криминальное принуждение)»¹. В дальнейшем данный автор делает следующий вывод: «Во-первых, они выступают самостоятельными вариантами поведения индивида, поэтому их полное или частичное отождествление как теоретических понятий – неверно. Во-вторых, соотношение принуждения и насилия в случаях их совместного присутствия в поведении субъекта может быть определено в категориях цели и средства: насилие выступает одним из способов осуществления принуждения»².

Обращение к действующему законодательству позволяет сделать вывод, что категории «насилие» и «принуждение» прочно вошли в законодательный лексикон. Наиболее часто они используются в уголовно-правовом законодательстве. Например, более ста раз задействован термин «насилие» и его производные. При этом названный термин используется в различных значениях: 1) когда дается оценка правомерности действия потерпевшего; 2) в качестве одного из конструктивных признаков состава преступления; 3) при назначении наказания как обстоятельство, смягчающее или отягчающее наказание³.

Значительно реже в уголовно-правовом законодательстве обращаются к термину «принуждение» (менее тридцати раз).

---

¹ Разгильдиева М.Б. Правовое убеждение и принуждение: теоретические основы (на примере финансового законодательства): монография / под ред. Н.И. Химичевой. М., 2012. С. 152–153.

² Там же. С. 153.

³ См.: *Остроумов С.В., Остроумов Н.В.* Влияние категории насилия на состав преступления // Социокультурные корни насилия в современном обществе / под общ. ред. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород, 2013. С. 603.

Его применение чаще всего характеризует принудительное воздействие к конкретным субъектам. По мнению С.И. Кургановой, использование названного термина обусловлено следующим: «Во-первых, принуждение (его характер и интенсивность) может выступать в качестве обстоятельства, исключающего уголовную ответственность или смягчающего наказание. Во-вторых, принуждение может выступать в качестве способа совершения деяния, то есть признака объективной стороны состава преступления»¹.

Гораздо реже термины «насилие» и «принуждение» встречаются в законодательстве об административных правонарушениях, что обусловлено меньшей степенью общественной опасности административных правонарушений по отношению к преступлениям. В этой связи потребность в их использовании в качестве конструктивных элементов составов административных правонарушений значительно меньшая.

Признавая законодательную востребованность в заедействовании терминов «насилие» и «принуждение», следует отметить наличие ряда спорных моментов, когда они используются в качестве синонимов, механически заменяя друг друга, игнорируя при этом их сущностную характеристику. Такое положение в значительной мере актуализирует проблему выработки соответствующих критериев и, главное, их использование в правотворческой и правоприменительной деятельности.

Анализ действующего законодательства, научной литературы позволяет определить отличия государственного принуждения и насилия. Во-первых, с учетом нормативной регламентации. Государственное принуждение регламентируется действующим законодательством. При этом реализуется комплексный подход, когда в своем единстве регулируются как материально-правовые, так и процессуально-процедурные аспекты названного метода государственного управления. По наиболее сложным проблемам государственного принуждения принимаются

---

¹ Курганов С.И. Категория «принуждение» в уголовном праве // Российское правосудие. 2007. № 6 (14). С. 59.

акты официального толкования. Меры насилия лишены детальной регламентации. При этом имеет место фрагментарное регулирование посредством отдельных социальных норм (обычаи, нормы морали, религиозные нормы, табу и др.).

Во-вторых, данные явления различаются по субъектам реализации. Государственное принуждение применяется исключительно уполномоченными субъектами. В некоторых случаях в соответствии с законодательством полномочия на применение мер государственного принуждения могут быть делегированы негосударственным субъектам (гражданам, их объединениям¹). В силу отсутствия детальной регламентации субъект насилия не может быть изначально определен. Чаще всего данные меры принимаются стихийно.

В-третьих, различия наблюдаются по целевому предназначению. Цели форм государственного принуждения, отдельных мер определены действующим законодательством². Они направлены на достижение социально значимых результатов. Цель насилия в подавляющем числе случаев чужда обществу и отражает интересы отдельных индивидов. В некоторых случаях насилие может носить бесцельный характер, что предопределено спонтанным характером возникновения насильственных акций. Государственное принуждение всегда ориентировано на достижение определенной цели, и речь идет о применяемых принудительных способах.

В-четвертых, пределы государственного принуждения детально определены в законодательстве и им должны следовать субъекты правоприменения. Выход за эти границы оценивается как нарушение законности. Пределы насилия не определены, что связано с отсутствием должного нормативного регулирования. Его применение обусловлено личными устремлениями субъекта реализации, а наступаемые последствия в ряде

---

¹ Федеральным законом от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» предусмотрено широкое коллективное участие граждан в охране общественного порядка, в том числе в форме добровольных народных дружин. См.: Собрание законодательства РФ. 2014. № 14, ст. 1536.

² Статья 43 УК РФ; ст. 3.1; 27.1 КоАП РФ.

случаев носят непрогнозируемый характер. «Насилие – это феномен с потенциалом самодостаточности, открытый, всегда незавершенный, отсюда его стремление к эскалации»¹.

В-пятых, акты насилия и насилие как явление в целом негативно воспринимается обществом, его членами, отождествляя его со злом. «Насилие же всегда негативно. Насилие во многом является аналогом криминального либо разрушительного силового воздействия на биологическую субстанцию человека, или на группу людей, или на общество, государственную власть»². Наряду с этим государственное принуждение, применение его мер в большинстве случаев получают общественное одобрение как необходимые и социально оправданные акты. Несогласие, неодобрение отдельными субъектами применения мер государственного принуждения обусловлены личными интересами, в том числе и тем, что они выступают в качестве принуждаемых.

В-шестых, государственное принуждение может быть спрогнозировано, что достигается посредством анализа действующего законодательства и состояния объектов правоохраны в отличие от актов насилия, которые в большинстве случаев реализуются спонтанно. Механизм насилия может быть запущен посредством самых разнообразных факторов, что представляет собой определенную сложность с позиции предупреждения.

При характеристике государственного принуждения важное значение имеет установление его связи с государством и правом. При этом здесь не следует ограничиваться использованием терминологического обозначения: «принуждение», «государственное принуждение», «правовое принуждение», «государственно-правовое принуждение». Не умаляя роли использования точного терминологического обозначения, следует признать, что более важным является взаимосвязь принуждения

---

¹ Лучнин А.С. Принуждение и право: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 1999. С. 68.

² Овсянян Ж.И. Юридическая ответственность и государственное принуждение (общетеоретическое и конституционно-правовое исследование). Ростов н/Д, 2005. С. 185.

с вышеназванными явлениями. Обращение к литературе позволяет отметить, что данной проблеме уделяется определенное внимание. В большинстве случаев принуждение включается в качестве обязательных признаков государства и права¹.

Еще раз следует отметить, что теснейшая связь государства и принуждения обусловлена по меньшей мере двумя факторами. Во-первых, принуждение исходит от государства. Именно его органы в результате правотворческой деятельности формируют (закрепляют) государственное принуждение. Формальное определение принуждения посредством соответствующих источников права свидетельствует о том, что государство, его органы наделены полномочиями по формированию принудительного потенциала. В этой связи можно говорить, что принуждение выступает в качестве одного из доминирующих методов осуществления государственной власти, что является вторым аргументом наличия соответствующей связи.

Функционирование государственной власти, качественная неоднородность решаемых задач требуют применения вариативного подхода. Этим объясняется применение различных методов. Реализация принуждения предопределена потребностью в решении широкого спектра правоохранительных задач. В литературе справедливо обращается внимание на то, что «принуждение – необходимый метод осуществления всякой государственной власти, так как власти без принуждения вообще не бывает. Принуждение свойственно и всякому правовому государству, в условиях которого оно также будет выполнять функции нормального средства борьбы с аномальными проявлениями, правонарушениями и преступностью, функции укрепления дисциплины и законности»². При этом отмечается, что и правовому государству не чуждо применение принуждения.

---

¹ См.: Теория государства и права: учебник / под ред. В.К. Бабаева. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2014. С. 68–74; 243–259.

² Каплунов А.И. Административное принуждение, применяемое органами внутренних дел (системно-правовой анализ): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 98–99.

Более категорическую позицию по данному вопросу занимает Г.М. Лановая: «Без способности оказывать принудительное воздействие нет власти, без наличия власти невозможно принуждение»¹. Данный автор не видит государство без принудительного потенциала. Очевидно, чтобы добиться исполнения государственно-властных велений принудительный потенциал играет одну из ведущих ролей. В то же время неспособность применять принуждение, несвоевременность применения могут привести к утрате государственности. При этом угрозы, против которых не применяется принуждение, могут находиться как внутри государства, так и за его пределами.

Практика государственного строительства требует наличия и применения необходимого принудительного потенциала. Его наличие дает возможность оперативного воздействия на различных субъектов, решать разнообразные задачи, в том числе и вопреки воле других субъектов.

В распоряжении государства имеется широкий арсенал методов, которые включают как позитивные, так и принудительные средства воздействия. При этом важно отказаться от тенденционного подхода, в том числе и псевдогуманности, когда, игнорируя реальное состояние правопорядка и безопасности, отказываются от применения государственного принуждения. В случае немотивированного сокращения принудительного потенциала в условиях значительного числа правонарушений, прежде всего преступлений, роста числа чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, общественным отношениям будет причиняться значительный урон.

Граждане окажутся в состоянии незащищенности, а государство не сможет качественно обеспечить реализацию правоохранительной функции. При этом правонарушения небольшой степени общественной опасности могут быть трансформированы в преступления. Такой негативный сценарий развития общественных отношений будет питательной средой для

---

¹ Лановая Г.М. Принуждение в системе правоприменения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 20.

экстремизма, терроризма. Не менее опасным является немотивированный отказ от реализации государственного принуждения при возникновении аномалий правового содержания (стихийных бедствий, катастроф, техногенных аварий и т. п.).

Объем государственного принуждения в системе методов, применяемых государством, не является постоянной величиной. Он зависит от ряда объективных факторов. Их учет позволит, с одной стороны, эффективно решить стоящие перед государством задачи, а с другой – в конечном счете минимизировать применение принуждения за счет его оперативной реализации. В этой связи можно заключить, что необоснованный отказ от применения государственного принуждения является не менее опасным, чем его необоснованное применение.

Не менее четко прослеживается связь между принуждением и правом. В этой связи И.К. Гришаниным при рассмотрении философского обоснования права было отмечено: «Признать право – это значит принять и оправдать существование и применение правового принуждения как атрибутивное свойство права. Обратная связь правового принуждения и идеи права заключается в том, что характер и степень правового принуждения не должны противоречить духовной сущности права»¹.

Д. Люйд при рассмотрении проблемы взаимосвязи права и принуждения приходит к выводу о важности такой связи. «Несомненно, что на всех стадиях общественного развития эффективность права в конечном счете зависела от степени организованного принуждения, на которое оно опиралось»².

Очевидно, что рассмотрение права без взаимосвязи с государством носит искусственный характер и может быть оправданно при решении частных задач. При рассмотрении проблемы опосредования принуждения правом А.И. Козулин приходит к выводу, что «...роль права по отношению к государ-

---

¹ *Гришанин И.К.* Философско-правовая концепция права и правового принуждения: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. С. 34.

² *Люйд Д.* Право и сила. М., 2002. С. 44–45.

ственному принуждению дает основания рассматривать государственное принуждение, опосредованное правом, выделить категорию правового принуждения»¹.

Данный подход в дальнейшем получил поддержку как в теории права, так и в отраслевой юридической науке. В этой связи Д.Н. Бахрахом был сделан вывод о том, что правовое принуждение отличают следующие характеристики: осуществляются в связи с неправомерным, вредным для общества деянием как реакция на вредоносное поведение; применяется только к конкретным субъектам права, которые нарушили юридические нормы; персонафицировано и осуществляется посредством юрисдикционных, правоприменительных актов; только государство вправе применять принудительные меры к гражданам и к организациям, коллективным субъектам; основной задачей является защита правопорядка².

Признавая значимость опосредования государственного принуждения правом следует отметить, что некоторые из обозначенных свойств носят спорный характер. В частности, нельзя согласиться с тем, что применение принуждения связано исключительно с правонарушениями, так как игнорируются такие основания, как аномалии с правовым содержанием. Спорным видится указание на персонификацию применения принуждения. Ряд мер предупреждения и пресечения может применяться в отношении неопределенного круга субъектов, а факт применения оформляется *postfactum*³.

Интересно, что и сам цитируемый автор не исключает возможность применения государственного принуждения негосударственными субъектами. «Что же касается негосударственных организаций, физических лиц, то они могут применять

---

¹ Козулин А.И. Правовое принуждение (правовые начала государственного принуждения в советском обществе): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1986. С. 2.

² См.: Бахрах Д.Н. Дисциплинарно-правовое принуждение в Российской Федерации // Государство и право. 2006. № 6. С. 43–44.

³ О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3 (главы 4–5) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7, ст. 900.

меры принуждения на основе правовых норм, а также своих уставов, корпоративных норм, соответствующих законодательству. Трудовой кодекс РФ (ТрК РФ) делегировал работодателям право применять названные им меры дисциплинарного воздействия к работникам соответствующих частных организаций»¹.

Обращение к памятникам права позволяет сделать вывод, что делегирование полномочий по применению принуждения негосударственными субъектами имеет давнюю традицию. Например, в Законах Ману было закреплено право на самозащиту: «Убивающий, защищая самого себя, при охране жертвенных даров, при защите женщин и брахмана по закону не совершает греха»². Схожий подход был предусмотрен в римском праве, где собственник для защиты своего имущества и имущественных прав мог насильственно задерживать должника, пытающегося скрыться³. Аналогичные нормы обнаруживаются и в других источниках права (Законы XII таблиц, Салическая правда, Правда короля Альфреда, Винчестерский статус, Русская Правда, Каролина и др.).

Следует признать оправданной возможность применения принуждения негосударственными субъектами как в сфере публичного, так и частного права. В этой связи С.В. Горбачева пишет: «Действие по самозащите есть проявление сущностных свойств человеческой личности. Возможность отстаивать свои права собственными силами вытекает из естественной общечеловеческой природы (основывается на таких естественных правах человека, как право на жизнь, личную неприкосновенность и др.), что позволяет гражданам найти наиболее правильный путь реализации своей правовой активности»⁴.

---

¹ Бахрах Д.Н. Дисциплинарно-правовое принуждение в Российской Федерации // Государство и право. 2006. № 6. С. 44.

² Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: в 2 т. / отв. ред. Н.А. Крашенинникова. М., 2004. Т. 1. С. 117.

³ См.: Омельченко О.А. Римское право. М., 2005. С. 99.

⁴ Горбачева С.В. Самозащита прав по российскому законодательству: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005. С. 10.

Опосредование правом придает принуждению новое качество. Оно должно основываться на идеях человеческой справедливости и свободы, закрепляться в соответствующих нормативных правовых актах, применяться уполномоченными субъектами при наличии соответствующих оснований в установленном порядке.

О.Э. Лейстом было акцентировано внимание на опосредование принуждения правом, его востребованность для осуществления правового регулирования: «...государственное принуждение, охраняющее правопорядок, регулируется правом и осуществляется в рамках правопорядка. ...Государственное принуждение, включая самые острые его формы, является необходимым спутником любого права, но не исчерпывает его содержания»¹.

Взаимосвязь права и принуждения придает последнему качественно новое состояние. «Являясь разновидностью общесоциального принуждения, государственное принуждение, или легитимное насилие, получив юридическое опосредование, обретает форму правового принуждения»².

В настоящее время существует потребность в исключении неправового принуждения, применяемого государством, что будет предупреждать его трансформацию в насилие. В этой связи важное значение имеет поиск и применение соответствующих критериев, которые будут свидетельствовать о правовом характере государственного принуждения. К их числу следует отнести следующие:

- основываться на принципах права;
- государственное принуждение должно единообразно регулироваться на территории государства;
- действующим законодательством должны быть охвачены основные характеристики государственного принуждения (содержание, основания, пределы, порядок применения);

---

¹ Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2002. С. 60.

² Макарейко Н.В., Никифоров М.В., Склярков И.А. Административное принуждение в России: учебное пособие. Н. Новгород, 2002. С. 9.

- исчерпывающий перечень субъектов, которые вправе применять меры государственного принуждения;
- юридическое закрепление субъективных прав и юридических обязанностей субъектов государственно-принудительных отношений;
- развитие (совершенствование) процессуального порядка применения.

Подводя итоги изложенного, следует предложить определить государственное принуждение как форму социального принуждения, основанную на праве, закрепленную в соответствующих источниках, систему мер, применяемых субъектами в установленном процессуальном порядке, влекущую наступление правоограничений личного, материального или организационного характера, направленную на обеспечение общественного порядка и общественной безопасности, стимулирование правомерного поведения.

§ 2. Государственная власть как детерминант государственного принуждения

Вопросы власти традиционно привлекали и привлекают внимание исследователей, что обусловлено значением и ролью названного явления в функционировании социума. Данная проблематика всемерно обостряется на переломных этапах развития общества, когда угроза дестабилизации механизма управления социальными процессами приобретает реальность, и от организации деятельности власти, и прежде всего государственной власти, зависит состояние общества, его институтов, в том числе и государства, а также сохранение государственности в целом. Процессы, которые активно проходили в России в 90-е годы XX столетия, проверили на прочность реформируемую государственную власть и сохранение российской государственности стало возможным во многом благодаря активизации государственно-властного принудительного потенциала.

Рассмотрение государственной власти в контексте государственного принуждения в сфере обеспечения экономической безопасности имеет веские основания. Это объяснимо наличием той органической связи между государством, правом и принуждением, на которое обращается внимание в научной литературе. В этой связи Ж.И. Овсепян пишет: «Анализ проявления принуждения (как свойства государства и права) в иных признаках, свойствах и атрибутах государства и права дает многообразные подтверждения *неразрывной связи указанных трех феноменов* (курсив наш. – Н.М.). В то же время он позволяет обнаружить признаки теоретической формулы государственно-правового принуждения, поскольку свойства последнего являются неотъемлемыми составляющими показателей (признаков) государства и права»¹.

Известный отечественный правовед С.Н. Братусь отмечал, что «принуждение тесным образом связано с феноменом власти

---

¹ Овсепян Ж.И. Государственное принуждение как правовая категория (теоретическая формула отношения принуждения к государству и праву) // Государство и право. 2007. № 12. С. 7.

(а государственная власть – с государственным принуждением). Эта связь проявляется в том, что в государственно-организованном обществе принуждение во все времена и при всех режимах – это основополагающий метод государственного властвования»¹. Схожую позицию разделяет Н.А. Саттарова, которая, анализируя государственное принуждение в бюджетной сфере, отмечает, что «принуждение в юридической науке – это правовое явление, тесным образом связанное с феноменом государственной власти»².

Позитивные преобразования начала XXI столетия ни в коей мере не умаляют актуальности доктринального осмысления феномена государственной власти, так как между степенью теоретического исследования проблемы государственной власти как в целом, так и отдельных ее элементов и проявлений во многом зависит эффективность ее функционирования. Проблема власти столь значима в области гуманитарного знания, что привело к оформлению самостоятельного направления научного поиска – кратологии. «Назревшая формируемая ныне наука о власти (кратология) имеет дело с властью, многообразием ее явлений, ее закономерностями и законами, с чрезвычайно сложной, своеобразной и часто очень динамичной и напряженной деятельностью»³. Объектом кратологии выступает власть, прежде всего государственная власть, и другие ее многочисленные и разнообразные виды, сферы и проявления, что позволяет аккумулировать разрозненную информацию о данном социальном явлении, которая на протяжении длительного времени накапливалась в различных областях знания.

В научной литературе совершенно обоснованно обращается внимание на существенные проблемы, возникшие в определении места и роли государства в системе общественных

---

¹ См.: *Братусь С.Н.* Юридическая ответственность и законность. М., 2001. С. 48–52.

² *Саттарова Н.А.* Меры государственного принуждения в бюджетной сфере как фактор эффективного функционирования финансовой системы // *Lexrussica*. 2015. № 8. С. 100.

³ См.: *Халитов В.Ф.* Наука о власти. Кратология: учебное пособие. М., 2002. С. 3.

отношений. «Предпринятая в начале 90-х годов завершившегося столетия попытка идеологов государственной политики «нового курса» поменять традиционные для России ценностные приоритеты, в основу которых было положено представление о государстве как об основной системообразующей инстанции, на идеалы западного либерализма с характерной для них системой взаимоотношения индивида и государства не привела да и не могла привести к одномоментному изменению правосознания в обществе. Вместе с тем, закрепление на конституционном уровне ряда либеральных ценностей, провозгласивших приоритетность индивидуальных интересов перед государственными, повлекло за собой принижение роли государства в качестве субъекта политической системы общества, что, в свою очередь, не могло не сказаться на эффективности государственной деятельности по обеспечению правопорядка»¹.

С высказанным суждением трудно не согласиться, что лишний раз свидетельствует о пагубности необоснованной государственной политики, когда игнорируются существующие объективные закономерности в погоне за призрачными «цивилизационными» ценностями. При этом следует отметить, что не только правопорядок, но и безопасность получает некачественное государственно-правовое обеспечение. Можно и нужно говорить, что безопасность даже в большей мере страдает при проведении политики крайнего неолиберализма, когда несвоевременно, а то и вовсе не прогнозируется рост источников потенциальной угрозы безопасности, не проводится работа по их локализации, устранению, восстановлению нарушенного правового состояния.

Мы убеждены, что правопорядок и безопасность являются неотъемлемыми условиями существования общества и их упрощение невозможно без четкого нормативного закрепления взаимоотношений в системе «общество – государство – личность». Необходимо определить сущность государственной власти в

---

¹ Аврутин Ю.Е., Кикоть В.Я., Сыдорук И.И. Правопорядок: организационно-правовое обеспечение в Российской Федерации. Теоретическое административно-правовое исследование: монография. М., 2003. С. 8.

Российской Федерации, а также тот инструментарий, который она использует при осуществлении своей деятельности. В этой связи нами выдвигается гипотеза о примате общественного над частным в рамках названных отношений, что особенно важно в ходе обеспечения экономической безопасности.

Анализ научной литературы, посвященной проблемам государственной власти, позволяет заключить, что она в большей мере исследуется в качестве политологической категории. Вместе с тем, понятие «государственная власть» широко используется в практике правового регулирования, что и предполагает ее рассмотрение с позиции правоведения.

Рассмотрение феномена государственной власти в рамках проводимого исследования требует решения следующих задач: 1) определить соотношение государственной власти с публичной властью; 2) раскрыть ее основополагающие свойства; 3) конкретизировать назначение и роль государственной власти в условиях укрепления государственности в Российской Федерации; 4) определить государственно-принудительный инструментарий, применяемый при обеспечении экономической безопасности.

Анализ норм Конституции Российской Федерации позволяет заключить, что термины «власть», «государственная власть» получили широкое применение. В части 1 статьи 3 Конституции РФ закреплено, что носителем суверенитета и единственным источником *власти* (курсив наш. – **Н.М.**) в Российской Федерации является ее многонациональный народ. Термин «власть» употребляется еще трижды в названной статье. Этот термин получил широкое применение и в судебной практике, в том числе и в деятельности Конституционного суда РФ, Верховного суда РФ.

Проблема государственной власти самым непосредственным образом отражается на конкретных отношениях. Это позволяет говорить о переходе названной проблематики в практическую плоскость. Не случайно в литературе обращается внимание на то, что «феномен власти – это явление исключительное, выдающееся, глобальное, требующее особого внимания

к практике сотен веков человеческого рода, создавшего власть как социальный институт вообще и власти самых различных предназначений в частности и настойчиво ищущего у власти ответы на свои жизненные вопросы и помощи в устранении своих бед»¹.

Основные подходы по определению понятия «власть» были заложены еще в античной философии, что явилось результатом осмысления опыта государственного строительства в Древней Греции и Древнем Риме. Интерес к проблематике власти существенно возрос в период средневековья, что было обусловлено необходимостью формирования идеологии власти суверена. Именно в XX веке власть получила столь пристальное и всеобъемлющее внимание в трудах философов, социологов и политологов Запада, о чем свидетельствуют работы Х. Арендта, Р. Арона, Р. Бершtedта, П. Блау, Т. Бола, Д. Болдуина, Т. Вартенберга, М. Вебера, Э. Гиденса, Р. Даля, С. Льюса, Т. Парсонса, Д. Ронга и других авторов.

В русской дореволюционной юриспруденции вопросы государственной власти получили достаточно серьезную проработку. Данной проблематикой занимались такие исследователи, как Н.Н. Алексеев, В.М. Гессен, А.Д. Градовский, В.В. Ивановский, Б.А. Кистяковский, М.М. Ковалевский, Ф.Ф. Кокошкин, Н.М. Коркунов, Н.И. Лазаревский, Л.И. Петражицкий, П.А. Сорокин, В.М. Хвостов, Б.Н. Чичерин и др. Важно отметить, что их работы не утратили своей востребованности и в настоящее время. При этом были реализованы разнообразные научные подходы, богатый методический инструментарий.

В научной литературе советского периода вопросы власти выступали объектом самого пристального внимания, что было обусловлено приоритетом исследования публично-правовой тематики. Абстрагируясь от идеологических наслоений, следует отметить, что отечественным ученым удалось провести глубинные исследования названной проблематики.

---

¹ Халилов В.Ф. Наука о власти. Кратология: учебное пособие. М., 2002. С. 12.

В советской литературе сложилось три основных направления в подходах определения власти: во-первых, власть рассматривалась как необходимая функция любого коллектива по руководству своими членами для налаживания совместной деятельности; во-вторых, власть определялась как реальная способность осуществлять свою волю, навязывать ее другим или как волевое социальное отношение, характер которого обусловлен доминирующей волей одной из сторон данного взаимодействия, осуществляемой с помощью специальных властных методов («волевая» концепция власти); в-третьих, власть характеризовалась как организованная сила, обеспечивающая единство действий и устойчивый порядок в общественных отношениях¹.

Очевидно, что изучение проблемы государственной власти следует осуществлять во взаимосвязи с ранее накопленным опытом, с поправкой на существующие тенденции ее развития. В этой связи исследование государственной власти будет плодотворным при определении ее соотношения с социальной властью как родовым явлением, что позволит в максимальной мере понять ее гносеологические корни. Решения этой задачи целесообразно начинать с семантического анализа термина «власть». Данное определение понятия имеет латинские корни и происходит от разговорного латинского *potere*, обратного образования от *potens* «могущий» и других форм на *pot-* глагола *posse* «мочь» (состоящего из двух компонентов: *potis* «господин», «тот, кто может» индоевропейского происхождения и *esse* «быть»)².

В Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даль «власть» трактуется как право, сила и воля над чем-то, свобода действий и распоряжений; управление³. Во многом схожее определение содержится в Большом толковом словаре русского

---

¹ См.: Ледяева О.М. Понятие власти // Власть в социалистическом обществе: теория, история и перспективы. М., 1989. С. 13–14.

² Даниленко В.И. Современный политологический словарь. М., 2000. С. 137.

³ См.: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб., 1996. Т. 1. С. 213.

языка, где под властью понимается «право и возможность распоряжаться, повелевать, подчинять своей воле»¹.

Властные проявления традиционно присущи самым различным субъектам, но применительно к обществу речь должна идти о социальной (общественной) власти. Известный исследователь государственно-правовой проблематики В.Е. Чиркин отметил: «Чаще всего общественная власть (власть в обществе) определяется как способность (принадлежность) независимо от того, употребляется она или нет в данный момент, путем какого-либо воздействия, связанного с волевыми, психическими моментами, обеспечить желаемое поведение другого субъекта отношений, выступающего в этих властных отношениях как объект»².

В своей монографии, посвященной концептуальному исследованию власти, В.Г. Ледяев, проведя глубинное исследование семантического поля «власти», что стало возможным благодаря анализу данной дефиниции в различных языках, приходит к выводу, что семантического анализа недостаточно для того, чтобы должным образом проникнуть в сущность рассматриваемой проблематики. «Лингвистический анализ слова «власть» сам по себе не может... определить содержание понятие власти. ...Он не может, например, доказать, что «власть сделать что-то», а не «власть над кем-то» (или наоборот, поскольку в обыденной речи слово употребляется в обоих значениях. Он также не может обосновать необходимость включения (или невключения) в определение «власти» таких элементов, как «конфликт», «интенция», «санкция», «интересы»³. Соглашаясь с автором о недостаточности лингвистического анализа при изучении категории «власть», следует иметь в виду, что исключение данного методического подхода не позволяет плодотворно исследовать названное явление.

---

¹ Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2001. С. 135.

² Чиркин В.Е. Современное государство: монография. М., 2001. С. 110.

³ Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ. М., 2001. С. 100.

В самом широком понимании власть следует рассматривать как необходимый компонент социальной системы. Без власти, вне властных проявлений организованная система обречена на разрушение (гибель). Это свойство власти было точно подмечено немецким политологом М. Вебером, который понимал власть как возможность проводить внутри социальных отношений собственную волю, даже вопреки сопротивлению, независимо от того, на чем такая возможность основана¹.

Продолжая веберовские традиции, итальянский политолог Н. Бобино определил власть как отношение между двумя субъектами, из которых один навязывает другому свою волю и определяет его волю, невзирая на средства². Очевидно, что далеко не всегда властные отношения возникают между двумя субъектами. Чаще всего они возникают между властвующим и значительным числом подвластных субъектов.

Мы полагаем, что анализ состояния исследования проблемы власти как за рубежом, так и у нас в стране, а также практика функционирования власти, и прежде всего государственной власти, позволяет заключить, что целесообразным будет рассмотреть власть через призму каузального отношения. Такой подход получил широкую поддержку в западной политологической традиции. Так, по мнению Дж. Нэйджела, власть следует анализировать как «актуальное или потенциальное каузальное отношение между предпочтениями актора в отношении результата власти и самим результатом»³.

В.Г. Ледяев, рассматривая власть как разновидность каузального отношения, отмечает: «Каузальное объяснение власти подразумевает, что основными структурными элементами властного отношения являются субъект власти – агент, выступающий причиной изменения (возможного изменения)

---

¹ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 41.

² См.: Кравченко Н.И. Средний уровень политической и неполитической власти // Власть: философско-политический аспект. М., 1989. С. 10.

³ Nagel J.H. The Descriptive Analysis of Power. New Haven and London: Yale University Press, 1975. S. 29.

действий другого агента (объекта), – и объект власти – агент, изменение деятельности (сознания) которого является следствием каузального отношения. Власть как разновидность каузальной связи характеризует актуальный или потенциальный процесс передачи движения от причины к следствию»¹.

Рассмотрение власти через призму отношения позволяет глубже проникнуть в ее сущность. Этому способствует рассмотрение структуры властного отношения. Так, по мнению Т.Н. Семеновой, власти присущи следующие компоненты: властная воля, носитель властной воли, подвластная воля, носитель подвластной воли, отношение между властной волей и подвластной волей².

Разделяя подход Е. Вятра, И.Б. Краснов выделяет такие элементы власти, как: субъекты власти (активный и пассивный), приказ активного субъекта, подчинение пассивного субъекта приказу³. Рассмотрение власти как отношения позволяет увидеть власть в динамике, понять логику ее функционирования, определить права и обязанности субъектов (участников) властных отношений.

В современной литературе при характеристике власти, функционирующей в обществе, используется термин «социальная власть». Обращается внимание на то, что движущей силой социальной власти выступают интересы. Интересы, в свою очередь, не отделимы от ее носителей. Разнородный состав общественной организации, качественная неоднородность его субъектов приводят к их разнообразию. Такое положение в ряде случаев влечет за собой усиление децентрализованных тенденций и актуализирует проблему анархии.

Социальная власть исторически обусловлена необходимостью упорядочения отношений между членами социума. Стадность на первоначальных этапах развития общества была основана на инстинктивно-рефлекторных началах, что было

---

¹ Ледаев В.Г. Власть: концептуальный анализ. М., 2001. С. 121.

² См.: Семенова Т.Н. Государство и государственная власть в классово-антогонистическом обществе // Философские науки. 1978. № 6. С. 14–15.

³ См.: Вятр Е. Социология политических отношений. М., 1979. С. 158–159.

единственно возможным способом выживания. По мере усложнения общественных отношений случалась эволюция средств управления первобытными общностями, то есть эволюционировала и сама власть¹.

Внутренняя потребность людей жить совместно и вести общее хозяйство, умноженная на объективную необходимость противостоять различным силам стихии, ускорила развитие властных отношений и явилась единственно возможным способом выживания человечества. Власть выступала в качестве концентрированного выражения общих интересов общества, единой социальной воли. В этой связи для первобытной власти были характерны всеобщность, универсальность, публично-властный характер, непосредственный демократизм, вербальное формулирование правил поведения и запретов, отсутствие институциональной организации органов управления.

Общественная власть – достаточно динамичное явление, что и обусловило ее «живучесть», так как в противном случае она на определенном этапе общественного развития оказалась бы невостребованной. Общество не может существовать без власти. Она [власть] выступает в качестве наиважнейшего элемента организации социальной жизни. В этой связи британский исследователь Й.Р. Саймон характеризует власть как «результат объединения действий», акцентируя внимание на ее коллективном происхождении².

Предназначение социальной власти как инструмента приведения разрозненных интересов к определенному балансу может породить заблуждение, что она существует там и потому, что имеет место конфликт между волями участников социальных отношений. Мы глубоко убеждены, что основное предназначение социальной власти заключается в

---

¹ Не следует забывать, что при определенных обстоятельствах возникает необходимость защиты граждан и организаций от государственной власти, что ставит на повестку дня проблему самоограничения власти. См.: *Шайо А.* Самоограничение власти (краткий курс конституционализма) / пер. с венг. М., 2001.

² See: *Simon Y.R.* *Philosophy of Democratic Government*. L., 1993. P. 19.

предвосхищении таких конфликтов, а не в их пресечении и устранении возникающих при этом последствий.

Неоднородный характер социальной среды предопределил деление власти на типы. Данной проблеме в отечественной литературе уделялось существенное внимание, что осуществляется в рамках многочисленных научных направлений, к числу которых относятся: бихевиостическое, инструменталистское, теологическое, структуралистское, конфликтное, биологическое и др.¹

Рассматривая вопрос типологии власти, В.Ф. Халипов отмечает, что это возможно сделать, используя следующие основания классификации: источники, субъекты, объекты и место в жизни общества, история возникновения и существования, области и сферы жизни, цели, задачи и назначение, разделение функций, форма осуществления и проявления, характер, объем и степень влияния, длительность существования, этапы и динамика существования (эволюция), реальный потенциал, социальные последствия и т. д.² Очевидно, что предложенный перечень оснований классификации власти дает возможность увидеть данный социальный феномен с различных позиций.

Для решения стоящих перед нами задач интерес представляет позиция В.Е. Чиркина, который утверждает, что общественная власть подразделяется на корпоративную и публичную³. Первая функционирует в интересах отдельных объединений и проводит в жизнь интересы членов таких объединений, в то время как публичная власть действует, по крайней мере должна действовать, в интересах всего общества.

А.А. Югов дает следующую характеристику публичной власти: «Публичная власть – это всякая политическая власть,

---

¹ См.: *Кравченко И.И.* Средний («мезо») уровень политической и неполитической власти: (вопросы типологии и структуры власти) // *Власть: Философско-политические аспекты.* М., 1989. С. 9–10.

² См.: *Халипов В.Ф.* Наука о власти. Кратология: учебное пособие. М., 2002. С. 170–171.

³ См.: *Чиркин В.Е.* Современное государство: монография. М., 2001. С. 112.

осуществляемая гражданами в коллективных формах. ...Публичная власть – это особая и самостоятельная власть, не совпадающая по своему содержанию и объему с властью государственной. ...В известном смысле, публичная власть, когда мы понимаем как власть народа в целом, есть высшая форма власти»¹.

По мнению Л.А. Григоряна, публичная власть подразделяется на две формы: общественное самоуправление – «власть, совпадающая с обществом, принадлежащая всему обществу, осуществляемая самим обществом в интересах всех членов общества без сознания какого-либо специального аппарата осуществления этой власти, стоящего над обществом, и опирающаяся лишь на «силу авторитета», на убеждение, воспитание и общественное воздействие», и государственная (или политическая) власть – «власть не всего общества в целом, а одного или нескольких классов, господствующих в обществе, власть, отчуждаемая от общества и становящаяся над ним, требующая для своего осуществления специально созданного профессионального аппарата и опирающаяся на специфические средства государственного принуждения»².

Положив в основу классификации источники власти субъектов ее осуществления, А.А. Югов полагает, что можно говорить о таких формах публичной власти, как: 1) непосредственная власть народа; 2) государственная власть; 3) местная власть; 4) корпоративная власть³.

Исследуя сущность публичной власти, В.Е. Чиркин выделяет следующие ее виды: 1) муниципальная власть; 2) несuverенная власть субъектов Федерации; 3) власть автономных образований; 4) суверенная государственная власть⁴. Разделяя

---

¹ Югов А.А. Правовые основы публичной власти в Российской Федерации: монография. Екатеринбург, 1999. С. 52–53.

² Григорян Л.А. Социалистическая государственная власть и представительная форма ее осуществления // Советское государство и право. 1969. № 3. С. 85–86.

³ См.: Югов А.А. Правовые основы публичной власти в Российской Федерации: монография. Екатеринбург, 1999. С. 53.

⁴ См.: Чиркин В.Е. Государственное управление: элементарный курс. М., 2001. С. 39.

приведенную позицию, нельзя не обратить внимание на проблему соотношения публичной и государственной власти. На первый взгляд оно столь очевидно, что не требует дополнительного осмысления. По прошествии столетия нельзя утверждать, что суждение Л.И. Петражицкого о неясности и спорности природы государственной власти преодолено¹.

В советской юридической традиции доминировал подход, который обозначил К. Маркс в статье «Морализующая критика и критическая мораль», где указывается на тождество понятий «государственная» и «публичная» власть², что в дальнейшем снискало широкую поддержку в работах советских правоведов³. Такое положение вещей было обусловлено существующей в то время официальной идеологией, политическим режимом в СССР, когда в максимальной мере было проведено огосударствление всех сфер общественной жизни, а профсоюзы и другие общественные формирования выполняли во многом декларативные функции и были придатками органов государственной власти.

Анализируя состояние публичной власти в России, Е.П. Старостин выделяет следующие специфические присущие ей признаки: 1) посредством публичной власти происходит реализация публичного интереса; 2) строится на основе территориального принципа; 3) носит безличный характер; 4) комплексный характер осуществляемой деятельности; 5) носит универсальный характер; 6) обладает монополией нормотворчества; 7) выполняет арбитражную функцию; 8) носит легальный характер; 9) имеет институциональную организацию⁴.

---

¹ См.: *Петражицкий Л.И.* Тория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 1907. С. 204.

² См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения: в 50 т. 2-е изд. М., 1955. Т. 4. С. 297.

³ См.: *Байтин М.И.* Государство и политическая власть. Саратов, 1972. С. 134–136; *Шевцов В.С.* Политическая власть в системе политической организации советского общества // *Международные отношения, политика и личность.* М., 1976. С. 40; *Его же.* Полновластие и политическая власть советского народа // *Советское государство и право.* 1979. № 8. С. 14.

⁴ См.: *Старостин Е.О.* Правовые формы осуществления государственной власти: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2006. С. 40–43.

Почти столетие назад известный административист А.И. Елистратов обратил внимание на неразрывную связь государственной власти с публичной властью: «Организуя общество, государственная власть не оставляет незатронутой ни одной стороны общественной жизни, ни одного сколько-нибудь значащего уголка этой жизни. В те или иные отношения с правящей властью мы по необходимости вступаем на каждом шагу, даже, может быть, когда и сами этого не замечаем. ...Публичные интересы, которые преследует государство, заставляют его интересоваться вашим передвижением, вашим взаимным отношением, поведением, вашим взаимным общением друг с другом»¹.

Вместе с тем, было бы неверным утверждать, что в литературе не было заявлено других подходов. Например, Ю.А. Тихомиров аргументированно заявлял, что содержание публичной власти гораздо шире (богаче), а государственная власть является лишь ее частным проявлением². Такая позиция известного правоведа не только является верной по сути, но и свидетельствует о смелости автора. Она являлась определенным вызовом официально принятой государственной идеологии. В настоящее время, по сути, стало аксиомой рассмотрение государственной власти как качественной разновидности публичной власти.

Проблема соотношения публичной и государственной власти приобретает особо важное значение в свете построения правового государства и формирования гражданского общества в России. Как отмечается в литературе, целью современного правового государства является создание такого правового порядка, в рамках которого государственная власть, государственные органы и должностные лица осуществляют принадлежащие им функции, полномочия и компетенцию только на основе соответствующих законов, соблюдая при этом права, свободы и законные интересы как граждан, так и юридических

---

¹ *Елистратов А.И.* Административное право. М., 1911. С. 5–6.

² См.: *Тихомирова Ю.А.* Социализм и политическая власть // Советское государство и право. 1974. № 5. С. 17.

лиц¹. Вместе с тем, нельзя переоценивать потенциал гражданского общества, которое не может и не должно брать на себя те функции, которые традиционно выполняет государство².

Приведенные позиции позволяют сделать следующие выводы, что государственная власть не может быть отождествлена с публичной властью. Она является ее качественной разновидностью и отличается как субъектами, так и объектами воздействия, а также применяемым инструментарием, что будет рассмотрено в следующем параграфе.

В современных условиях государственная власть должна «делить» властный рынок с другими видами публичной власти и эффективно сотрудничать в решении задач, стоящих перед обществом. Сегодня решение практически любой проблемы предполагает налаживание взаимодействия между самым широким кругом субъектов и добиться запрограммированных результатов возможно при условии выстраивания верного вектора деятельности всех разновидностей публичной власти в обществе, организации их взаимодействия.

Будучи качественной разновидностью публичной власти, государственная власть в наибольшей мере выступила в качестве объекта доктринального анализа. Вместе с тем, возникает вопрос, а можно ли сегодня говорить о познанности феномена государственной власти? Мы глубоко убеждены, что в настоящее время нельзя дать утвердительный ответ на данный вопрос. В этой связи следует уточнить содержание понятия «государственная власть».

Широкий диапазон мнений по определению объема понятия «государственная власть» вполне закономерен, что, на наш

---

¹ См.: *Старилов Ю.Н.* Управленческий процесс, административные процедуры и административное судопроизводство в системе современного административного права // Правовая наука и реформа юридического образования: сб. науч. трудов. Вып. 14: Актуальные проблемы современного российского права. Воронеж, 2002. С. 223.

² В этой связи мы не согласны с теми абстрактными моделями взаимодействия, которые предлагаются под видом «открытого государства». См.: *Открытое государство: политико-правовое видение* // Государство и право. 2003. № 5. С. 60–68.

взгляд, обусловлено следующими факторами. Во-первых, семантика слова «власть» как основы термина «государственная власть» существенно вариативна, что и порождает возможность самого разнообразного толкования. Во-вторых, при исследовании государственной власти в основу были положены разнообразные методологические подходы. В-третьих, функционирование государственной власти на различных этапах исторического развития было основано на соответствующей государственно-правовой идеологии, что получило свою объективацию в правотворческой и правореализационной деятельности органов и должностных лиц государства.

Развитие государственной власти требовало и требует дополнительного научного анализа. Так, в начале XX столетия С.А. Котляревский отмечал недостаточность внимания к вопросам понимания и содержания государственной власти с позиции разделения властей, государственного суверенитета. Известный русский правовед предупреждал, что в данном случае нельзя получить очень быстрый результат, обращал внимание на то, что здесь постановка проблемы может играть большее значение, чем получение ответа на нее¹.

Вопросы невыясненности и спорности природы государственной власти волновали одного из родоначальников психологической школы права Л.И. Петражицкого². Отмечая возросшее внимание к вопросам государственной власти, он предвосхищал от простых ответов на такой сложный вопрос, как природа государственной власти. Говоря о том, что применение упрощенного познавательного инструментария влечет за собой получение искаженного знания об исследуемом явлении. Анализируя господствующие мнения в теории государства, ученый делает вывод о том, что наиболее часто государственная власть рассматривается как единая, обладающая принудительной, непреодолимой силой, воля государства как особой личности, а

---

¹ См.: *Котляревский С.А.* Власть и право. Проблема правового государства. СПб., 2001. С. 15.

² См.: *Петражицкий Л.И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. С. 204.

в некоторых случаях имеет место отождествление государственной власти с волей отдельных правителей, снабженной принудительной силой или просто силой. В этой связи делается вывод: «Все эти учения имеют наивно-проекционный характер (отчасти наивно-конструктивный, фантастический), поскольку дело идет о придуманной единой воле и т. д., отчасти наивно-реалистический, поскольку дело идет о силе и принуждении; и тех реальных явлений, познание которых требует, они не выясняют и не касаются»¹.

Будучи идеологом психологической теории Л.И. Петражицкий полагал, что государственная власть «представляет собой приписываемое известным лицам правовой психикой этих лиц и других общее право повелений и «иных» воздействий на подвластных для исполнения долга заботы об общем благе»².

Н.М. Коркунов писал, что «государственная власть как сила, обусловленная сознанием гражданами их зависимости от государства, порождает в общественной жизни своеобразные явления двоякого рода. Во-первых, она побуждает граждан совершить то, что они считают необходимым для государства, от которого сознают себя зависимыми. ...Во-вторых, ...граждане подчиняются велениям отдельных лиц, признаваемых органами государственной власти»³.

В приведенных дефинициях акцентируется внимание на такое свойство государственной власти, как внешнее воздействие, требующее безальтернативного исполнения. Очевидно, что результативность властного государственного воздействия не может быть результатом исключительно убеждения, а требует задействования государственно-властного принудительного потенциала государства.

Русский правовед, признанный историк права Ф.В. Тарановский вел продуктивную полемику с Н.М. Коркуновым и французским юристом Дюги. В этой связи он указывал о

---

¹ См.: *Петражицкий Л.И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. С. 167.

² См. там же. С. 181.

³ *Коркунов Н.М.* Лекции по общей теории права. СПб., 1914. С. 246.

недопустимости сведения государственной власти исключительно к юридической воле личности государства, а предлагал соединить в определении государственной власти как социально-психологическую, так и юридическую составляющую. В этой связи он полагал, что «государственная власть с социально-психологической точки зрения есть общественная сила, вытекающая из сознания зависимости участников организованного общежития, а с юридической точки зрения – есть воля юридической личности»¹.

Русский правовед Е.Н. Трубецкой на рубеже XIX–XX столетий защищал идеи правового государства в России, так как право определяет границы применения насилия (государственного принуждения), определяет меру свободы и необходимости в обществе. По его мнению, государство, его сущность эволюционируют на протяжении времени, что определяется целью его функционирования. Так, автор отмечал, что целью государства является светский союз, который преследует чисто светские цели². Работая над определением государства, Е.Н. Трубецкой обоснованно отмечал, что центральной при определении государства выступает власть. Это позволило ему предложить следующую дефиницию: «Государство есть союз людей, властвующих самостоятельно и исключительно в пределах определенной территории»³.

Доктринальный и прикладной интерес к проблемам государственной власти как в целом, так и отдельным ее аспектам не ослабевает на протяжении последнего времени. Это свидетельствует как о сложности государственной власти как явления объективной действительности, так и о непознанности ее отдельных сторон, ее базисной ролью в организации и функционирования самых различных социальных явлений.

И.Е. Фарбер предлагал определять власть, в том числе и государственную, посредством функционального подхода. Он отметил, что «общее понятие власти, приложимое к государственным

---

¹ Тарановский Ф.В. Энциклопедия права. 3-е изд. СПб., 2001. С. 371.

² См.: Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. СПб., 1998. С. 209.

³ Там же. С. 212.

и негосударственным властям, может быть сформулировано следующим образом: власть есть необходимая функция любого коллектива по руководству своими членами для налаживания совместной деятельности»¹.

В юридической литературе широкое распространение получил подход, согласно которому государственная власть рассматривается как реализация властной воли. По мнению В.Е. Чиркина, государственную власть следует определять как «возникающее на основе социальной асимметрии в обществе и обусловленное потребностями управления им социальное волевое отношение, в котором одной из сторон является особый политический субъект – государство, его орган, должностное лицо»².

Аналогичную позицию разделяет М.А. Крашенинников, который полагает, что сущность власти как волевого общественного отношения в первом приближении к сущности первого порядка может быть определена через присвоение чужой воли или через отношение суверенитета и зависимости, проявляемое в неполитической и политической формах. Глубинная же сущность содержания власти может быть раскрыта в связи со всесторонним рассмотрением видов власти и всестороннего обоснования социально-классовой ее обусловленности³.

Г.Н. Манов консолидировал функциональный и волевой подходы, что позволило сделать вывод, что «любая власть, в том числе государственная, – это особая функция по руководству, управлению и координации волевых действий людей»⁴.

По мнению Н.М. Коркунова, сущность государственной власти представляет собой совокупность полномочий соответствующих органов, которые выполняют соответствующие функции: «Так как то, что выполняется органом, называется его

---

¹ Фарбер И.Е., Ржевский В.А. Вопросы теории советского конституционного права. Вып. 2. Саратов, 1967. С. 88.

² Чиркин В.Е. Элементы сравнительного государствоведения. М., 1994. С. 16.

³ См.: Крашенинников М.А. Политическая власть рабочего класса: вопросы становления, содержания и формы. Казань, 1990. С. 21–22.

⁴ Манов Г.Н. Признаки государства: новое прочтение // Политические проблемы теории государства. М., 1993. С. 42.

функцией, то и те акты власти, на осуществление которых имеет право данный орган власти, также именуется функциями органами власти, а вне отношения к тому или другому органу, их осуществляемому, они именуется и просто функциями власти подобно тому, как и все вообще функции, осуществляемые отдельными органами живого...»¹.

Известный теоретик права С.С. Алексеев определял государственную власть как «отношения господства и подчинения, при которых воля и действия одних лиц (властвующих) доминирует над волей и действиями других лиц (подвластных)»².

Исследуя государственную власть, С.С. Митин указывает, что государственную власть следует рассматривать в двух смыслах – в виде отношения субъекта и объекта властвования и в качестве системы органов, в которой указанное отношение материализуется. «Государственная власть как отношение включает в качестве субъекта властвования суверена в государстве, организованного для осуществления политического управления, объектом властвования выступает население государства, в том числе и суверен, организованное для подчинения указанному субъекту. Обязательным элементом содержания рассматриваемого отношения является зависимость объекта властвования от субъекта последнего, закрепленная в юридических нормах в виде прав и обязанностей отдельных лиц и организаций»³.

По мнению Н.В. Ходова, государственная власть представляет собой «совокупность властных полномочий, реализуемых органами государства, осуществляющими воздействие на различные сферы жизнедеятельности общества с использованием соответствующих методов в целях обеспечения классовых и общечеловеческих интересов»⁴. В данном

---

¹ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 1914. С. 250.

² Алексеев С.С. Государство и право: начальный курс. М., 1994. С. 6.

³ Митин С.С. Государственная власть: понятие и закономерности организации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004. С. 12.

⁴ Ходов Н.В. Централизация и децентрализация государственной власти в современной России (общеправовой анализ): дис. ... канд. юрид. наук. Новгород, 2006. С. 36.

подходе предлагается синтезировать субъектную характеристику, властные полномочия, применяемый инструментарий и целевое предназначение рассматриваемого явления. Полагаем, что он отражает наиболее целостную характеристику государственной власти.

Названные точки зрения по определению государственной власти как правовой категории позволяют нам сделать вывод, что в настоящее время сформировались следующие подходы по определению сущности государственной власти: 1) волевого общественного отношения, возникающего между властными и подвластными субъектами; 2) органов государственной власти; 3) осуществляемых функций управления; 4) совокупности властных полномочий¹.

Каждый из приведенных подходов имеет соответствующую методологическую и факторологическую базу, а следовательно, имеет право на жизнь. Мы же предпримем попытку решения поставленной нами задачи посредством ведения заочной дискуссии с представителями соответствующих доктринальных подходов.

Волевой характер государственной власти очевиден и не может быть подвергнут сомнению. Так, американский социолог Н. Смелзер видит сущность власти в способности общественного субъекта одновременно навязывать свою волю и мобилизовывать ресурсы общества для достижения поставленной цели². Волевой характер государственной власти должен придавать ей четкий вектор развития, что позволит более эффективно организовывать ее деятельность по решению задач, стоящих перед государством и обществом.

---

¹ Вместе с тем, в литературе предлагаются и другие подходы к классификации подходов по определению сущности государственной власти. Так, по мнению М.И. Пантыкиной, можно выделить следующие подходы: 1) власть как каузальное отношение между субъектом и объектом власти; 2) коммуникативный; 3) концепция, аккумулирующая «несистемные» проявления власти (Пантыкина М.И. Власть в правовой жизни: феноменологический опыт преодоления семантической неопределенности понятия // Правоведение. 2013. № 2 (307). С. 66–70).

² См.: Смелзер Н. Социология. М., 1994. С. 525.

Любая власть в обществе, а государственная в особенности, осуществляется в рамках соответствующего отношения. Очевидно, что вне этого отношения нет и не может быть реализована государственная власть, но это является не ее сущностью, а итогом функционирования. При этом речь должна в первую очередь идти о правовых отношениях, так как игнорирование действующего законодательства влечет за собой произвол и как результат – нарушение прав и свобод граждан и их объединений¹. Необходимо также обратить внимание на то, что сторонникам названного подхода свойственна излишняя абстрактность, так как за рамками анализа остается содержание возникающих при этом отношений, которые, по мнению исследователей, и составляют сущность государственной власти.

Отождествление государственной власти с органами ее осуществления получило широкое распространение. Обращение к действующему законодательству позволяет констатировать, что термин «государственная власть» используется в качестве синонима «орган государственной власти». Названная позиция нашла поддержку и в зарубежной литературе. Так, М. Манн рассматривает государственную власть как специальную систему органов, составляющих государственный механизм². При внешней привлекательности данного подхода следует признать, что неверно отождествлять государственную власть с ее носителем, которым выступают государственные органы. Они (органы государственной власти, соответствующие должностные лица) являются необходимыми условиями действительности государственной власти. Рассмотрение государственной власти как системы специально уполномоченных органов не позволяет в полной мере познать данное явление, особенно его динамическое состояние.

---

¹ Вопросы конституционных прав и свобод личности выступили предметом глубинного исследования в научной литературе. См.: *Эбзеев Б.С.* Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М., 2005. С. 171–235.

² See: *Mann M.* States, War and Capitalism Studies in Sociology. Oxford, 1988. P. 4.

Несомненно, государственная власть реализуется в деятельности его органов и должностных лиц, за исключением тех случаев, когда имеет место делегирование государственно-властных полномочий органам местного самоуправления, негосударственным образованиям и гражданам. Данная проблема видится особенно актуальной в рамках формирования гражданского общества и реформирования государственной власти. Так, одной из целей административной реформы в Российской Федерации было определено ограничение вмешательства государства в экономическую деятельность субъектов предпринимательства, в том числе прекращение избыточного государственного регулирования¹.

Очевидным в настоящее время видится несостоятельность теории «ухода» государства из различных сфер общественной жизни, особенно из экономической. Современное государство должно выполнять функции стимулирования развития производства и роста благосостояния населения, повышения качества жизни населения. В этой связи в экономической и управленческой литературе акцентируется внимание на усилении роли государства при регулировании экономики. «Для этого оно обязано не только обеспечивать всем необходимым для нормального функционирования рыночной конкуренции, защитить законные права граждан и предприятий, но и помогать хозяйствующим субъектам адаптироваться к изменениям рыночной конъюнктуры, создать благоприятные условия для активизации их производственной деятельности (финансируя, в частности, для этого многие расходы на общезначимые мероприятия с большим внешним эффектом, прежде всего – на научные исследования, образование, здравоохранение, развитие информационной и транспортной инфраструктуры, стимулирование инноваций)»².

---

¹ См.: Концепция административной реформы в Российской Федерации в 2006–2010 годах: одобрена распоряжением Правительства РФ от 25 октября 2005 г. № 1789-р // Собрание законодательства РФ. 2005. № 46, ст. 4720.

² Эффективность государственного управления / пер. с англ.; общ. ред. С.А. Батчикова, С.А. Глазьева. М., 1998. С. 9.

Налаживание конструктивного диалога государства с населением возможно и необходимо в самых различных сферах и отраслях общественной жизни. Отрадным является тот факт, что он реализуется в такой исключительно государственной сфере деятельности, как правоохранительная. В связи с вступлением в силу ФЗ «О полиции»¹, по мнению Ю.Е. Аврутина, можно говорить о юридическом закреплении «партнерской модели»² взаимодействия общества и полиции.

Широкую поддержку, как было отмечено выше, получил функциональный подход. Он позволяет увидеть государственную власть в динамике. Для Российской Федерации в настоящее время особенно важно наполнить функции государства новым содержанием. Анализ проводимых в последние годы реформ позволяет заключить, что в определенной мере происходит «социализация» функций государства, когда во главу угла ставится социальная сфера бытия граждан. Отрадno, что в их число входят такие социальные программы, как образование, здравоохранение, жилье и др.³

---

¹ О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3 // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7, ст. 900.

² См.: *Аврутин Ю.Е.* Перспективы формирования государственной политики в сфере организационно-правового строительства системы МВД России: доктринальные основания и формы реализации // Вестник ВГУ. Серия «Право». 2016. № 3. С. 58–73.

³ См.: О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки: указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 597 // Российская газета. 2012. 9 мая; О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения: указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 598 // Российская газета. 2012. 9 мая; О мероприятиях по реализации государственной социальной политики: указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 599 // Российская газета. 2012. 9 мая; О мерах по обеспечению граждан Российской Федерации доступным и комфортным жильем и повышению качества жилищно-коммунальных услуг: указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 600 // Российская газета. 2012. 9 мая; О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации: указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 606 // Российская газета. 2012. 9 мая; О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 // Собрание законодательства РФ. 2018. № 20, ст. 2817.

Представители функционального подхода рассматривают государственную власть в качестве глобальной функции по обеспечению координации и согласованию различных социально-политических интересов с целью достижения общественного компромисса в целях обеспечения динамики и стабильности общественных отношений. Мы полагаем, что такое понимание сущности государственной власти в большей мере носит политологический, а не правовой характер.

Названные подходы вне сомнения имеют право «на жизнь», но более перспективным видится рассмотрение государственной власти как своеобразной дихотомии системы специально уполномоченных органов, которые обладают определенной компетенцией, необходимой для реализации стоящих перед ними задач, и государственно-властными отношениями, которые при этом возникают. Нашу позицию разделяет и А.Ф. Малый, который, проанализировав действующее российское законодательство и существующие доктринальные разработки, пришел к выводу: «Государственная власть как конституционно-правовая категория используется в двух значениях: как совокупность властных государственных полномочий и как совокупность (система) государственных органов»¹.

Для выработки дефиниции государственной власти целесообразно проанализировать ее признаки, что позволит глубже проникнуть в сущность рассматриваемой проблематики. Так, изучая вопросы централизации и децентрализации государственной власти в современной России, В.Н. Ходов отмечает следующие признаки, присущие данному явлению: 1) выступает разновидностью публичной власти; 2) государственная власть суверенна, что характеризует ее автономность от внутренних и внешних факторов; 3) осуществляется соответствующими уполномоченными субъектами: государственными органами и должностными лицами; 4) должна осуществляться строго в пределах компетенции уполномоченных субъектов;

---

¹ Малый А.Ф. Государственная власть как правовая категория // Государство и право. 2001. № 3. С. 99.

5) опосредуется правовыми нормами, носит правовой характер; 6) реализуется в различных формах: путем осуществления правотворческой и правоприменительной деятельности; 7) осуществляется посредством применения соответствующих методов, в том числе путем применения государственного принуждения – легального насилия; 8) обладает необходимыми материально-финансовыми ресурсами (налоги, таможенные сборы и платежи, осуществление приватизации и др.); 9) носит универсальный характер и распространяет свое действие на всю территорию государства и все население; 10) имеет своей целью обеспечение классовых и общечеловеческих интересов¹.

В литературе называются и несколько отличные признаки государственной власти: 1) осуществляется открыто и гласно; 2) только государственная власть юридически уполномочена применять легализованное насилие (правовое принуждение) в масштабах всего общества; 3) осуществляется на основании разделения на законодательную, исполнительную и судебную; 4) обладает юридически и фактически верховенством в обществе, все другие виды власти по отношению к ней носят подчиненный характер; 5) носит суверенный характер; 6) вправе через свои органы устанавливать налоги и сборы, а равно в определенной степени делегировать данное право иным органам; 7) обладает преимущественным правом нормотворчества; 8) присуща легальность и легитимность; 9) проявляется в деятельности государственных органов и учреждений, образующих механизм (аппарата) этой власти; 10) взаимосвязана с правом².

С.Н. Кожевников отмечает, что государственной власти в современном российском обществе присущи следующие признаки: 1) осуществляется от имени всего общества; 2) обязательность ее решений для всякой иной власти; 3) наличие единого

---

¹ См.: *Ходов Н.В.* Централизация и децентрализация государственной власти в современной России (общеправовой анализ): дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. С. 27–36.

² См.: *Старостин Е.О.* Правовые формы осуществления государственной власти: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2006. С. 54–63.

центра принятия решений; 4) обладает особым аппаратом управления, состоящим из служащих, обладающих определенной компетенцией; 5) использует в необходимых случаях механизм принуждения в связи с нарушением установленных юридических норм; 6) осуществляет интеграцию, объединение всех элементов общественной жизни, мобилизует социальные ресурсы для реализации общих целей и интересов общества; 7) реализует общую волю, закрепленную в законах, с учетом наличия социальной дифференциации, многообразия интересов членов общества¹.

Наряду с признаками С.Н. Кожевников выделяет особые свойства государственной власти. К их числу относят: 1) основой функционирования государственной власти является государство; 2) государственная власть публична, то есть осуществляется профессиональным аппаратом, отделенным от общества как объекта власти; 3) государственная власть суверенна, что означает ее независимость вне и верховенство внутри страны; 4) государственная власть универсальна: она распространяет свою силу на всю территорию и на все население страны; 5) государственная власть обладает исключительным правом на издание законов, других нормативных правовых актов, содержащих юридические нормы². Думается, что такой подход в полной мере нельзя признать оправданным, так происходит определенное пересечение признаков и особенностей государственной власти.

Проведение анализа действующего законодательства и реального функционирования государственной власти позволяет выделить следующие признаки, присущие данному явлению.

Государственная власть является разновидностью публичной политической власти. Значимость данного признака обусловлена тем, что только государственная власть, в отличие от других видов социальных властей, выступает (должна выступать) в качестве средства выражения интересов всего общества

---

¹ См.: Кожевников С.Н. Государственная власть и право // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Право». Вып. 2 (7). Власть и право. Н. Новгород, 2003. С. 9.

² См. там же. С. 9.

при наличии самого широкого спектра интересов, в том числе противоречивых.

Власть в обществе отличается разнообразием. С учетом его носителя можно говорить о публичном или частном характере власти. Частный характер власти обуславливается не только ее субъектом (носителем), но и целями, которые она разрешает в процессе своей деятельности. Частной властью является власть в семье, в корпорации и т. п.

В отличие от частной власти публичная власть функционирует (точнее, должна функционировать) исключительно на правовых началах. В этой связи В.Е. Чиркин отмечает: «Особой разновидностью публичной политической власти является государственная власть. Реально она принадлежит органам государства, его должностным лицам в соответствии с законами государства (в этом выражается ее легализация). Она действует от имени всего общества, по его уполномочию (фактическому или юридическому, тому и другому, например, в результате выборов), хотя на практике не всегда представляет интересы всего общества или представляет в одних отношениях и не представляет в других»¹.

Публичный характер носит власть органов местного самоуправления и других образований. Вместе с тем, они не являются органами государства, так как в соответствии со статьей 12 Конституции РФ органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти.

При этом нельзя отрицать взаимодействие государственной власти с другими видами публичной власти. Можно и нужно ставить и разрешать проблемы эффективной организации и осуществления такого взаимодействия. Оно является обязательным условием формирования гражданского общества, одним из его индикаторов².

Государственная власть осуществляется специально уполномоченными субъектами. Отправление государственной власти

---

¹ Чиркин В.Е. Современное государство. М., 2001. С. 113.

² Более подробно о соотношении государственной и политической власти см.: Хорошильцев А.И. Юридическая кратология. М., 2014. С. 60–73.

возможно только при условии формирования и эффективного функционирования соответствующих носителей, которые образуют соответствующую систему. Данная проблематика традиционно привлекает внимание исследователей¹. Для реализации широкого спектра стоящих перед государством задач формируется механизм государства, который представляет собой «систему государственных органов, учреждений и должностных лиц, которые в установленном правовом порядке наделены государственно-властными полномочиями и реализуют функции государства»².

Механизм государства образуется системой органов, осуществляющих государственно-властную деятельность. Она включает в себя органы законодательной, исполнительной и судебной власти (ст. 10 Конституции РФ). Вместе с тем, данная система дополняется рядом органов, которые не вписываются в устоявшуюся систему разделения властей. В Российской Федерации речь идет о системе органов прокуратуры и Администрации Президента РФ, Счетной палате РФ и др. Доктринальные предпосылки для формирования государственных органов, не входящих в систему разделения властей, обосновал Ш. Монтескье. В своем трактате «О духе законов» он отметил, что принцип разделения властей должен базироваться на диалектическом единстве двух составных частей: разделения властей и системы сдержек и противовесов³. Обеспечение эффективного взаимодействия между органами законодательной, исполнительной и судебной власти достигается посредством функционирования вспомогательных органов.

Наличие органов государства, не входящих в систему законодательной, исполнительной, судебной властей, не является особенностью исключительно российской государственно-властной модели. «В современных условиях происходит, с одной

---

¹ См.: *Захаров Н.А.* Система русской государственной власти. Новочеркасск, 1912; *Елисеев Б.П.* Система государственной власти в современной России. М., 1998; *Ефимов В.И.* Система государственной власти. М., 1994.

² *Нерсесянц В.С.* Теория права и государства: краткий курс. М., 2001. С. 69.

³ *Монтескье Ш.* Избранные произведения. М., 1955. С. 289.

стороны, специализация внутри традиционных трех ветвей власти, а с другой – возникают органы, не вписывающиеся в известную триаду властей. Первое направление выражается в росте числа постоянных комитетов внутри парламента (когда-то в СССР их было только четыре, в современной России – 28), наряду с ними появились постоянные комиссии, у которых свой аспект деятельности (ранее комиссии были только временные)»¹.

Система органов государственной власти определяется действующим законодательством. Так, система органов законодательной власти определена главой 5 Конституции РФ «Федеральное Собрание». Система органов государственной власти строится с учетом его государственного устройства и включает федеральные органы государственной власти и органы государственной власти субъектов Российской Федерации. Структура федеральных органов исполнительной власти, как нами было отмечено, определяется Президентом РФ, а система и структура органов власти субъектов Российской Федерации определяется в соответствии с Федеральным законом от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»², уставами (конституциями) соответствующих субъектов Российской Федерации.

Наряду с основными органами государственной власти создаются вспомогательные органы, которые выполняют обеспечительные функции, направленные на создание условий, необходимых для деятельности основных органов государственной власти. По мнению А.М. Осавелюка, создание вспомогательных органов вызвано многими причинами: необходимостью более эффективного управления социальными процессами; усложнением процесса управления и усилением противоречий между политическим истеблишментом и чиновничеством³.

---

¹ Чиркин В.Е. Современное государство. М., 2001. С. 103.

² Собрание законодательства РФ. 1999. № 42, ст. 5005.

³ См.: Осавелюк А.М. Вспомогательные государственные органы зарубежных стран: конституционно-правовой аспект. М., 1998. С. 9–10.

Следует иметь в виду, что в определенных условиях на основании действующего законодательства государство может делегировать реализацию своих полномочий от органов государственной власти другим субъектам, например, органам местного самоуправления, негосударственным объединениям, но оставляя за собой полномочия по осуществлению контроля и надзора за подобной деятельностью¹.

Государственная власть функционирует в соответствии с действующим законодательством. В правовом государстве, построение которого провозглашено в статье 1 Конституции РФ, все аспекты практической реализации государственной власти должны быть регламентированы нормативными правовыми актами, то есть сама государственная власть должна быть «связана» правом, которое в максимальной мере содержится в его источниках. В этой связи аксиомой должно стать осуществление государственной власти исключительно на основании и во исполнение действующего законодательства.

В этой связи в настоящее время ведется систематическая деятельность по реформированию законодательства с тем, чтобы в максимальной мере охватить все значимые стороны социального бытия и в особенности функционирования органов государственной власти². В нормативных правовых актах должна быть закреплена регламентация как материально-правовых, так и процедурно-процессуальных аспектов функционирования государственной власти.

Отклонение государства от следования правовым предписаниям является нарушением законности и ставит под сомнение

---

¹ В настоящее время осуществлена передача полномочий контроля в области предпринимательской деятельности Торгово-промышленной палате и другим организациям, саморегулирующим организациям, однако имеются опасения, что при этом будут защищены только узкокорпоративные интересы, что повлечет за собой существенные издержки.

² См.: Конституция, закон, подзаконный акт. М., 1994; Правовые акты: учебно-практическое и справочное пособие / Ю.А. Тихомиров, И.В. Котелевская. М., 1999; Российское законодательство: 20 лет развития в русле новой Конституции Российской Федерации / отв. ред. А.А. Клишас, В.Н. Плигин. М., 2013; и др.

легитимность государственной власти в целом и отдельных ее институтов, влечет негативный социальный резонанс.

Государственная власть осуществляется во всех сферах жизнедеятельности общества. Будучи выразителем интересов общества, государственная власть распространяется на все аспекты социального бытия. Вместе с тем, формы и методы реализации государственной власти в экономической, административно-политической и социально-культурной сферах будут существенно отличаться.

Административно-политическая сфера объективно больше других нуждается в государственно-властном воздействии. В данной сфере необходимо применять максимальную централизацию государственной власти, что обусловлено характером решаемых задач, необходимостью незамедлительной реакции на управленческие распоряжения.

В отличие от административно-политической, в экономической сфере в меньшей мере требуется осуществлять государственно-правовое воздействие, что обусловлено потребностью максимального использования инициативы субъектов экономической деятельности, предопределено высоким потенциалом саморегулирования экономических отношений. Вместе с тем, следует иметь в виду, что такие отрасли экономической деятельности, как оборонная промышленность, транспорт, энергетика, должны в максимальной мере контролироваться органами государственной власти. Данный посыл в полной мере относится и к производству отдельных видов продукции, например, обогащение ядерного топлива, производства оружия, боеприпасов, этилового спирта и т. п.

Наряду с этим в экономической сфере следует весьма осторожно использовать государственно-властные полномочия с тем, чтобы не подавить позитивную энергию рыночной саморегуляции. В этой связи государство в рамках реализации экономической функции, по мнению Л.А. Морозовой, должно реализовать следующие меры: 1) выработать экономическую политику; 2) управлять предприятиями и организациями, составляющими государственную собственность; 3) установить

правовые основы рынка и ценовой политики; 4) регулировать внешнеэкономические отношения¹.

Традиционно считалось, что социально-культурная сфера, которая включает в себя управление образованием, наукой, здравоохранением, физической культурой, спортом, туризмом, культурой, социальной защитой и занятостью населения, в минимальной мере должна выступать в качестве объекта государственного регулирования. Такая ситуация и складывалась реально на протяжении последнего десятилетия XX столетия в России, что повлекло за собой серьезные негативные последствия, которые в настоящее время переживает российское общество. В этой связи в социальной сфере реализуются такие приоритетные федеральные проекты, как образование, здравоохранение, жилищное строительство.

Реализация государственной власти осуществляется в соответствующих формах. Формальная определенность реализации государственной власти имеет принципиальное значение. В условиях построения правового государства и формирования гражданского общества форма выступает в качестве одной из наиболее значимых характеристик государственной власти.

«Форма – принцип упорядоченности, способ существования того или иного содержания. ... «Содержание» и «форма» – понятия диалектические. Они выражают разные, но неразрывно связанные аспекты одного и того же предмета: содержание оформлено, а форма содержательна, как пояснял Гегель. ... Форма закрепляет определенную ступень в развитии явления, тем самым обеспечивая накопление изменений и возможность дальнейшего развития»².

Очевидно, что диалектическую позицию в трактовке соотношения формы и содержания достаточно четко выражают следующие положения: неразрывность содержания и формы; неоднозначность связи; противоречивость единства; оптимальность

---

¹ Морозова Л.А. Функции государства // Теория государства и права: учебник / под ред. В.К. Бабаева. М., 1999. С. 76.

² Введение в философию: учебник для вузов / И.Т. Фролов [и др.]: в 2 ч. Ч. 2. М., 1989. С. 119 – 120.

развития – при соответствии формы содержанию, а содержания – форме.

Форма реализации государственной власти направлена на упорядочение государственно-властных отношений в социально неоднородном обществе. Форма выступает в качестве такого средства, которое позволяет привести самые разнообразные проявления государственной власти к систематизированному выражению.

В настоящее время сформирована следующая система форм осуществления государственной власти: 1) принятие нормативных правовых актов; 2) издание индивидуальных (правоприменительных) актов; 3) заключение договоров; 4) совершение юридически значимых действий или действий юридического характера на основе закона или иного нормативного правового акта; 5) осуществление организационных действий; 6) выполнение материально-технических действий.

Выбор и применение той или иной формы реализации государственной власти должны носить творческий характер, что позитивным образом скажется на эффективности функционирования государства в целом и отдельных ее институтов. Наличие и использование соответствующих форм в ходе практического отправления государственной власти позволяет прогнозировать ее деятельность, сделать ее более понятной для населения.

Государственная власть реализуется посредством применения соответствующих методов. Широкий спектр задач, стоящих перед государственной властью, предполагает выбор и применение соответствующих методов¹. Данный признак самым тесным образом связан с предыдущим. В этой связи важными видятся суждения профессора Ю.Н. Старилова, который, рассматривая соотношение между формой и применяемыми методами органами исполнительной власти, пишет: «Форма первична по отношению к методу. Форма управления

---

¹ См.: *Самойлюк Р.Н.* Методы осуществления государственной власти в Российской Федерации: монография. Н. Новгород, 2015.

показывает, что конкретные управленческие действия осуществляются путем оформления их, например, в правовой акт управления, который вызывает для субъектов юридические последствия. Метод управления дает возможность увидеть «взаимоотношения между субъектом и объектом управления»¹.

В российской правовой доктрине всегда взыскательно относились к вопросу о средствах осуществления государственной власти. В этой связи обращалось внимание на недолговечность власти, основанной исключительно на насилии, акцентировалось внимание на нравственной обусловленности власти. Так, С.Л. Франк писал: «Власть, основанная на авторитете, есть власть над душами, в ее основании лежит свободный акт веры в годность и признанность властвующего в правомерность его полномочий. В этом отношении, как всякий социальный институт, есть отношение двухстороннее: властвующий и подчиненный совместно входят в отношение и активно его строят»².

Государственная власть может быть реализована посредством задействования самого широкого арсенала методов. При этом государство выступает в качестве монополиста на применение легализованного насилия – мер государственного принуждения, которые при определенных условиях оно может делегировать негосударственным субъектам (физическим и юридическим лицам). Учитывая данное обстоятельство, Н.М. Кистяковский включил в число обязательных элементов, раскрывающих сущность государственной власти наряду с идеологической и духовной основами, такие элементы, как физическое и психологическое насилие³.

Государственная власть распространяет свое действие на всю территорию государства, всех граждан и иных субъектов, находящихся под юрисдикцией государства. Государственная

---

¹ *Старилов Ю.Н.* Административное право: в 2 ч. Книга вторая: Формы и методы управленческих действий. Правовые акты управления. Административный договор. Административная юстиция. Воронеж, 2001. Ч. 2. С. 29.

² *Франк С.Л.* Духовные основы общества: Введение в социальную философию // Русская философия права: Антропология. СПб., 1989. С. 384–385.

³ См.: *Кистяковский Н.М.* Лекции по общей теории права. СПб., 1894. С. 241.

власть обладает суверенным характером, что и предопределяется возможностью ее распространения на всю территорию и население. К сожалению, в современном мире имеются факты, когда отдельные государства имеют формально все признаки суверенности, но реально не могут проводить независимую политику в силу отсутствия реальных экономических, демографических, военных и иных ресурсов. Примером являются отдельные государства Африки, Латинской Америки, Европы. Очень важно, чтобы государство проводило независимую политику на своей территории, не было подвержено деструктивному влиянию других государств, международных организаций и корпораций.

Целью функционирования государственной власти выступает неуклонное повышение благосостояния граждан. Исследуя сущность государственной власти, В.Ф. Халипов обоснованно отмечает, что цели (задачи), функции, методы государственной власти представляют собой наиболее сложные и многофункциональные группы характеристик власти, что связано с разнообразием властей в различных исторических эпохах, в тех или иных странах, в конкретных областях жизни¹.

Цель имеет принципиальное значение при характеристике государственной власти. «Будучи идеальным образом желаемого результата управленческого воздействия государственного субъекта на объект (общество, отдельные социальные группы, индивиды), цель формируется под влиянием господствующих ценностей, выражает определенный замысел, идею, аккумулирует известные знания об управляемой системе и данные опыта управления»².

Цель относится к числу достаточно динамичных явлений, и на различных этапах исторического развития государство выстраивает свою систему, которая при определенных условиях может изменяться. Следует иметь в виду, что для государственной власти могут быть присущи как реальные, так

---

¹ Халипов В.Ф. Наука о власти. Кратология: учебное пособие. М., 2002. С. 204.

² Зеркин Д.П., Игнатов В.Г. Основы теории государственного управления: курс лекций. Ростов н/Д, 2000. С. 170.

и декларативные цели. В данном случае речь будет идти о реальной сущности государственной власти, ее приверженности провозглашаемым ценностям, а также о мнимом, реально не существующем государстве.

Целью государственной власти выступает идеально программированная и гарантированная государством модель общественных отношений, которая должна быть достигнута в результате деятельности его органов. Цель функционирования государственной власти отражает, а точнее, должна отражать общественные потребности, и с этих позиций формирует смыслообразующую функцию. Она конкретизируется в действующем законодательстве и правоприменительной деятельности. Здесь очень важно, чтобы не происходило отчуждение государства от общества. «Потенциал правового воздействия на процесс «сближения» общества и государства, преодоление отчуждения власти и гражданина чрезвычайно велик. Анализ меры (степени) открытости государства должен показать основные проблемы в развитии демократии, правовой системы, приоритеты и возможные направления их дальнейшего развития, вплоть до выявления потребности в конкретных законах и разработки их концепции»¹. Реальное функционирование государственной власти позволяет говорить о степени легитимности государственной власти, ее признании со стороны общества.

Целью государственной власти на современном этапе общественного развития является обеспечение роста благосостояния граждан. Данная глобальная цель конкретизируется в соответствующих задачах, которые традиционно корректируются и озвучиваются в посланиях Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации. Названные задачи должны быть реализованы в ходе деятельности соответствующих органов государственной власти и корректируют их текущую и перспективную деятельность.

---

¹ Открытое государство: политико-правовое видение // Государство и право. 2003. № 5. С. 61.

Государственная власть обладает определенным качеством. Характеристика государственной власти не может быть полной без рассмотрения ее качества. «Качество власти значительно сильнее, чем обычно считают, определяется участком ее публичной деятельности, традициями и конкретными формами ее внутреннего устройства, случайностями и закономерностями в ее кадровом (не только руководящем) составе и даже устоявшимися представлениями об отношениях власти и общества у носителей этой власти и у остальных граждан. Иначе говоря, качество власти напрямую зависит от ее сути (имманентных, внутренне присущих ей свойств) и от построения ее многочисленных институтов»¹.

Качество государственной власти выступает своеобразным индикатором, который позволяет определить ее способность оперативно реагировать на происходящие изменения и прежде всего чрезвычайные обстоятельства. Построение гражданского общества, которое связано с определенным «уходом» государства из отдельных областей общественного бытия, например экономики, не только не снизило требования к качеству государственной власти, а выдвинуло более значимые требования, которые связаны с формированием отзывного характера государственной власти. Учитывая то обстоятельство, что государственная власть формировалась на протяжении столетий, она приобрела определенные генетические свойства, которые не всегда позитивно развивались, а в ряде случаев проходила их мутация. В этой связи необходимо оперативно вносить изменения, осуществлять корректирование системы государственных функций, а также форм и методов их реализации.

Вышеизложенное позволяет определить *государственную власть как вид публичной политической власти, совокупность властных полномочий, реализуемых органами государства и их должностными лицами, осуществляющими воздействие на различные сферы жизнедеятельности общества*

---

¹ Лексин В.Н., Лексин И.В., Чечулина Н.Н. Качество государственного и муниципального управления и административная реформа. М., 2006. С. 16.

с использованием соответствующих методов в целях обеспечения общественного благополучия, защиты общечеловеческих интересов.

Анализ государственной власти с точки зрения властных полномочий имеет принципиально значение, так как государство концентрирует в своих руках мощный потенциал, которым наделяются его органы и должностные лица.

В этой связи важную роль играют те методы, которые будут использованы при решении соответствующих задач, а также факторы, которые будут определять их выбор и эффективность применения. Государственная власть аккумулирует принудительный потенциал, который, получив правовое опосредование, становится государственным принуждением.

§ 3. Формы государственного принуждения

Государственное принуждение является сложным явлением. На данную особенность традиционно обращается внимание исследователей. В этой связи В.В. Серегина отмечает: «Принуждение – сложное государственно-правовое образование. Являясь специфическим методом правового регулирования, оно включает в себя самые разные формы и методы, посредством и на основе которых компетентные органы государства и его должностные лица (и другие субъекты) осуществляют конкретизированное воздействие на поведение людей в целях упорядочения, охраны или вытеснения из жизни общества соответствующих нежелательных общественных отношений»¹.

Обращение к вопросу классификации государственного принуждения является не просто данью традиции, некоему ритуалу при анализе государственного принуждения, а важным методологическим подходом. Создание и рассмотрение классификационной модели государственного принуждения позволяет решить ряд важных задач: во-первых, более глубинно познать сущность рассматриваемого явления. Использование метода классификации даст возможность ознакомиться со свойствами отдельных групп (форм) и мер государственного принуждения, что позволит в дальнейшем консолидировать выявленные признаки, воссоздав более целостную характеристику данного явления; во-вторых, окажет помощь субъектам правотворчества в более качественном нормативном правовом закреплении свойств отдельных форм и мер государственного принуждения с учетом их специфики в единстве материально-правовых и процессуальных аспектов, предупредить возможные злоупотребления. «Классификация в законодательстве –

---

¹ Серегина В.В. Государственное принуждение как средство реализации правовой политики // Российское правовое государство: итоги формирования и перспективы развития: в 5 ч.: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Воронеж, 14–15 ноября 2003 г.) / под ред. Ю.Н. Старилова. Воронеж, 2004. Ч. 1: Конституционное и международное право, теория государства и права. С. 345.

«носитель», форма выражения идей, которые, возможно, приобретут практическое воплощение в перспективе. В этом смысле классификация есть целевая установка законодательства»¹; в-третьих, использование классификации имеет важное практическое значение. Знание отдельных форм и мер государственного принуждения позволит правоприменителю повысить эффективность их реализации, предупредить юридические ошибки в правоприменительной деятельности; в-четвертых, классификация государственного принуждения будет стимулировать дальнейшее исследование государственного принуждения, так как позволяет диагностировать актуальные вопросы, требующие дополнительного доктринального осмысления.

Ознакомление с работами, в которых рассматривается государственно-принудительная проблематика, позволяет констатировать отсутствие единства по вопросу классификации, что проявляется не только в использовании различных оснований дифференциации, но и в применении классификационных единиц. Чаще всего в качестве последних используется «вид», «форма», «группа», «меры», «тип» и др.

Оригинальный подход классификации государственного принуждения был предложен А.С. Кургановой. Данный автор выделил типы государственного принуждения, что обусловлено его правовой формой. В этой связи были определены следующие формы: предупреждение, пресечение, правосознание, юридическая ответственность (наказание), процессуальное обеспечение. Наряду с этим были определены виды государственного принуждения в качестве относительно самостоятельных, структурно обособленных групп, которые включают меры различного типа, урегулированные нормами конкретных отраслей права. В этой связи выделяются такие виды принуждения, как конституционно-правовое, муниципально-правовое, финансово-правовое, уголовно-правовое, гражданско-правовое,

---

¹ Чуманов Е.В. Классификация в российском законодательстве: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005. С. 57.

трудовое, административно-правовое, гражданско-процессуальное, уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное (пенитенциарное)¹. Другими словами, при осуществлении видовой классификации в основу был положен отраслевой критерий. Следует признать, что в ряде случаев не представляется возможным четко выдержать названное основание классификации. Например, видов юридической ответственности гораздо меньше, по сравнению с отраслями права. Так, посредством административной ответственности охраняются общественные отношения, позитивное регулирование которых осуществляется практически всеми отраслями права, что свидетельствует об универсальном характере данного вида юридической ответственности.

В свою очередь Ж.И. Овсепян при рассмотрении вопроса классификации государственно-правового принуждения² в Российской Федерации предложила рассматривать минимальную и максимальную структуру классифицируемого явления. В минимальную конструкцию государственно-правового принуждения предложено включить следующие субинституты (односоставные):

- институт государственно-правового принуждения, связанный с применением мер юридической ответственности;
- институт государственно-правового принуждения, связанный с осуществлением восстановительных мер (мер защиты);
- институт государственно-правового принуждения, выраженный в системе мер пресечения;
- институт государственно-правового принуждения, представляющий собой систему мер предупредительного характера.

Максимальную структуру государственно-правового принуждения образуют государственно-принудительные (государственно-охранительные) нормы и институты конкретных

---

¹ См.: Курганова А.С. Уголовно-исполнительная система в механизме государственного принуждения (общеправовой анализ): дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007. С. 17.

² Данный автор использует именно термин «государственно-правовое принуждение».

отраслей права¹. Можно предположить, что при формировании классификационной модели А.С. Кургановой были в значительной мере использованы подходы Ж.И. Овсепян.

Мы считаем, что при осуществлении классификации государственного принуждения целесообразно обратиться к категориям «форма» и «содержание». «Форма и содержание едины: нет и не может быть бесформенного содержания и формы, лишенной содержания. Их единство выявляется в том, что определенное содержание «облачается» в определенную форму»². Признавая ведущую роль содержания, нельзя не учитывать влияние на ее формы. В этой связи не утратило своей актуальности высказывание С.Н. Кожевникова: «Под формой государственного принуждения можно понимать специфический способ выражения его сущности»³. Следует признать, что схожего методологического подхода придерживается ряд представителей как теоретико-правовой, так и отраслевой мысли⁴.

Задействование категории «форма» в ходе классификации государственного принуждения даст возможность установить место и роль конкретной меры государственного принуждения

---

¹ См.: *Овсепян Ж.И.* Юридическая ответственность и государственное принуждение (Общетеоретическое и конституционно-правовое исследование). Ростов н/Д, 2005. С. 201–202.

² *Спиркин А.Г.* Философия: учебник. 2-е изд. М., 2004. С. 277.

³ *Кожевников С.Н.* Социальное назначение, структура и форма государственного принуждения // Проблемы применения советского права: сборник ученых трудов. Вып. 22. Свердловск, 1973. С. 133.

⁴ См.: *Галаган И.А.* Административная ответственность в СССР (государственное и материальное исследование) // Иван Александрович Галаган и его научное наследие / под ред. Ю.Н. Старилова. Воронеж, 2010. С. 101; *Серегина В.В.* Государственное принуждение как средство реализации правовой политики // Российское правовое государство: итоги формирования и перспективы развития: в 5 ч.: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Воронеж, 14–15 ноября 2003 г.) / под ред. Ю.Н. Старилова. Воронеж, 2004. Ч. 1: Конституционное и международное право, теория государства и права. С. 73; *Попкова Е.С.* Юридическая ответственность и ее соотношение с иными правовыми формами государственного принуждения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 12; *Каплунов А.И.* Административное принуждение, применяемое органами внутренних дел (системно-правовой анализ): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 65.

в механизме обеспечения правопорядка и безопасности, в том числе экономической безопасности.

В своем исследовании под *формой государственного принуждения* мы будем понимать качественно обособленную группу мер государственного принуждения, обусловленную общими видовыми признаками, получившую соответствующее внешнее выражение.

В ходе рассмотрения специфики мер государственного принуждения, применяемого в бюджетной сфере, Н.А. Саттарова делает вывод, что «содержательную основу различных форм государственного принуждения составляет *специфика конкретных мер принуждения* (курсив наш. – Н.М.), цели, основания и последствия их применения, их материально-правовая регламентация. Конкретная форма государственного принуждения выражается в специфике тех охранительных правоотношений, в рамках которых осуществляются названные разновидности мер государственного принуждения»¹.

Мы будем опираться на тот исследовательский материал, который посвящен проблеме классификации государственного принуждения, использовать многофакторный подход. В этой связи нами будут задействованы критерии, которые позволят наиболее глубинно познать сущность государственного принуждения.

С учетом *уровня* регламентации меры государственного принуждения подразделяются на *международном, федеральном, региональном, муниципальном (местном) и локальном уровнях*. Сложность системы государственного принуждения во многом обусловлена разноуровневой нормативной правовой регламентацией. Возможность регламентации государственного принуждения на различных уровнях, с одной стороны, позволяет максимально сформировать принуждение на различных уровнях, а с другой – усложняет нормативное правовое регулирование, может способствовать совершению юридических ошибок.

---

¹ Саттарова Н.А. Меры государственного принуждения в бюджетной сфере как фактор эффективного функционирования финансовой системы // Lex russica. 2015. № 8. С. 100.

При этом отдельные формы государственного принуждения устанавливаются только на федеральном уровне. Например, в соответствии с частью 1 статьи 1 УК РФ¹ меры уголовной ответственности устанавливаются исключительно Уголовным кодексом РФ, а принимаемые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в данный кодифицированный закон. А.А. Кондрашевым предложено рассматривать меры государственного принуждения в качестве самостоятельной формы, которую предложено назвать федеральным принуждением. «Федеральное принуждение (вмешательство) – правовой институт, содержащий систему норм, определяющих основания, формы и порядок действий федеральных органов власти субъектов Федерации в случаях совершения ими конституционных правонарушений или при угрозе наступления последствий в целях охраны интересов общества и союзного государства. Его сущность выражается в понуждении к исполнению возложенных на органы власти субъектов конституционных обязанностей либо применению к этим органам или должностным лицам дополнительных лишений (обременений) личного или организационного (неимущественного) порядка»².

В то же время в соответствии со статьей 1.1 КоАП РФ³ законодательство об административных правонарушениях состоит из Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и принимаемых в соответствии с ним законов субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях.

Дисциплинарная ответственность, в свою очередь, может быть установлена на федеральном, региональном, муниципальном и локальном уровнях нормативного правового регулирования.

---

¹ Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25, ст. 2954.

² Кондрашев А.А. Конституционно-правовые способы федерального принуждения: проблемы теории и реализации в Конституции РФ // Государство и право. 2000. № 2. С. 12.

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1, ч. 1, ст. 1.

Такое положение предопределено спецификой данного вида юридической ответственности, которая охраняет служебные и трудовые отношения.

Важным критерием классификации государственного принуждения является *предмет правового регулирования*. Использование названного основания дает возможность выделить меры конституционно-правового, административно-правового, гражданско-правового, финансово-правового, уголовно-правового, гражданско-процессуального, уголовно-процессуального принуждения и других форм государственного принуждения. Д.Г. Нохрин в этой связи отметил: «Общий предмет правовой охраны для всей совокупности мер государственного принуждения, предусмотренных той или иной отраслью права, соответствует предмету правового регулирования данной отрасли»¹.

Наряду с этим могут быть ситуации «заимствования» мер государственного принуждения для защиты отношений, урегулированных нормами других отраслей права. Б.Т. Базылевым в этой связи было отмечено следующее: «В случае, если отрасль права не располагает какими-либо необходимыми для данного случая охранительными средствами, они привлекаются из арсенала других отраслей права, например, такая мера в административном праве, как выселение из гостиниц, общежитий, аварийных зданий, имеет своим назначением защиту прав участников гражданских правоотношений»².

Использование мер государственного принуждения, регламентированных нормами одной отрасли права для охраны отношений, урегулированных нормами другой отрасли права, является обычной ситуацией. Такое положение объясняется тем, что происходит «стирание» границ, существующих между отраслями права. В настоящее время все больше общественных отношений нуждаются в комплексном нормативном правовом регулировании.

---

¹ Нохрин Д.Г. Государственное принуждение в гражданском судопроизводстве: монография. М., 2009. С. 38.

² Базылев Б.Т. Юридическая ответственность (теоретические вопросы). Красноярск, 1985. С. 33.

С учетом критерия *нормативного основания* меры государственного принуждения различаются на закрепленные в законах и в подзаконных нормативных правовых актах. Установление государственного принуждения на законодательном и подзаконном уровнях нормативного правового регулирования актуализирует проблему законности закрепления данных средств правоохраны. Чаще всего встречаются ситуации использования метода бланкетного регулирования¹, когда положения законов, регламентирующих меры государственного принуждения, конкретизируются на уровне подзаконного нормативного правового регулирования.

В качестве основания классификации государственного принуждения часто используется *порядок реализации*. Использование названного критерия позволило И.А. Галагану классифицировать меры административной ответственности на: а) меры, применяемые и исполняемые в административном порядке; б) меры, принимаемые и исполняемые в судебном порядке². Процессуальный порядок выступает в качестве одного из важнейших требований законности применения мер государственного принуждения. С учетом названного критерия государственное принуждение подразделяется на реализуемое в судебном и квазисудебном порядке.

Меры государственного принуждения, которые заключают в себе наибольший правоограничительный потенциал, применяются в судебном порядке. Речь идет о мерах уголовной ответственности и уголовно-процессуального принуждения (обеспечения). Данный порядок свойственен большинству видов административного наказания (гл. 3 КоАП РФ).

Внесудебный порядок используется для реализации большинства мер государственного принуждения. Он позволяет оперативно решать правоохранительные задачи. При этом правоохранительный потенциал данных мер меньший по сравнению

---

¹ См.: *Иванов Н.В., Кипарисов Ф.Г.* Эссе о теории, практике, технике бланкетного правового регулирования: монография / под ред. В.М. Баранова. Н Новгород, 2014.

² См.: *Галаган И.А.* Административная ответственность в СССР (государственное и материально-правовое исследование). Воронеж, 1970. С. 231.

с мерами, применяемые в судебном порядке¹. Названный порядок наиболее характерен для мер предупреждения и пресечения. Его использование требует повышенного, в том числе и судебного, внимания, что осуществляется посредством судебного контроля.

Использование критерия наступаемых последствий дает возможность выделить меры государственного принуждения, которые влекут психические, физические, материальные или организационные правоограничения. Данный критерий традиционно используется в научной литературе².

Наиболее часто применение мер государственного принуждения влечет одновременное наступление различных правоограничений, то есть речь идет о комплексном принудительном воздействии. В таких условиях расширяется спектр решаемых правоохранительных задач, но наряду с этим требуется повышенное внимание со стороны правоприменителей, которые должны учитывать ожидаемые ограничения и в случае необходимости снижать интенсивность применяемых мер принуждения.

С учетом *направления принудительного воздействия* меры государственного принуждения классифицируются на внешневластные и внутриорганизационные³. Наряду с этим существует и альтернативный подход. По мнению С.Н. Кожевникова, принуждение всегда отличает внешнее властное воздействие:

---

¹ Следует принимать во внимание, что в ряде случаев имеет место и исключение из названного правила. Так, огнестрельное оружие применяется во внесудебном порядке.

² См.: Бахрах Д.Н. Административная ответственность: учебное пособие. М., 1999. С. 3; Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж, 1975. С. 22; Сарсенов К.М. Государственное принуждение и его реализация в деятельности органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1996. С. 66; Лановая Г.М. Принуждение в системе правоприменения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 35; Демидов П.В. Частное правовое принуждение как категория теории права: научные и практические проблемы: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005. С. 70; и др.

³ См.: Талюпа А.Г. Убеждение и принуждение в период перехода от социализма к коммунизму и их роль в обеспечении советского правопорядка: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1966. С. 8; Магомедрасулов М.М. Особенности принуждения в правовом государстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 18.

«О принуждении можно говорить лишь тогда, когда оно направлено на субъекта извне»¹. С данным подходом нельзя согласиться. Внутриорганизационное принуждение получило широкое применение при регулировании трудовых и служебных отношений. Оно чаще всего связано с применением мер дисциплинарного принуждения.

С учетом *субъекта реализации* меры государственного принуждения подразделяются на применяемые государственными органами (должностными лицами), органами местного самоуправления и иными субъектами. Использование названного критерия дало возможность П.В. Демидову выделить меры государственного, квазигосударственного правового принуждения, муниципального правового принуждения, частноправового принуждения, осуществляемого невластными субъектами права – физическими и юридическими лицами².

Наделение широкого круга субъектов правомочиями по применению государственного принуждения предопределено значительным объемом применения данного метода государственного управления. С другой стороны, такое положение порождает проблему обеспечения законности в ходе их применения. Выходом из данной ситуации должно стать обучение уполномоченных субъектов независимо от их ведомственной принадлежности.

Роль конкретной меры принуждения в механизме обеспечения правопорядка и безопасности позволяет выделить основные и вспомогательные меры государственного принуждения. В ряде ситуаций осуществляется применение нескольких мер государственного принуждения. При этом некоторые меры государственного принуждения требуют предварительного применения обеспечивающих мер. Реализация мер наказания (ст. 44

---

¹ *Кожевников С.Н.* Классификация форм государственного принуждения // Государство, право, законность: сборник трудов Пермского университета. Пермь, 1977. С. 99.

² См.: *Демидов П.В.* Частное правовое принуждение как категория теории права: научные и практические проблемы: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005. С. 76.

УК РФ) требует предварительного применения мер уголовно-процессуального принуждения (раздел IV УПК РФ). Широко распространены в практике обеспечения экономической безопасности такие меры уголовно-процессуального обеспечения, как задержание, залог, домашний арест, заключение под стражу, временное отстранение от должности, наложение ареста на имущество. Они являются вспомогательными для применения наказаний в связи с совершением экономических преступлений.

Схожая ситуация возникает в ходе реализации административных наказаний (гл. 3–4 КоАП РФ). Их применение в ряде случаев сопровождается мерами административно-процессуального обеспечения (гл. 27 КоАП РФ).

Наиболее широкое распространение при осуществлении классификации государственного принуждения получил критерий *целевого предназначения и способа обеспечения правопорядка и безопасности*. Практически все исследователи в рамках классификации государственного принуждения используют названное основание. Одним из первых к нему обратился М.И. Еропкин при классификации мер административного принуждения¹.

Наиболее часто при использовании критерия целевого предназначения и способа обеспечения правопорядка и безопасности позволяет обособить такие формы государственного принуждения, как предупреждение, пресечение, правовосстановление (меры защиты субъективных прав и обязанностей), юридическая ответственность². Наряду с этим предлагается и больший перечень форм государственного принуждения³.

По нашему мнению, с учетом действующего законодательства и практики его реализации применение критерия целевого назначения и способа обеспечения правопорядка и безопасности

---

¹ См.: *Еропкин М.И.* Управление в области охраны общественного порядка. М., 1965. С. 120.

² См.: *Сергина В.В.* Государственное принуждение по советскому праву. Воронеж, 1991. С. 83–109.

³ См.: *Малько А.В.* Теория государства и права в вопросах и ответах: учебно-методическое пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1999. С. 197.

дает возможность назвать следующие формы государственного принуждения: *предупреждение, пресечение, процессуальное обеспечение, юридическая ответственность, правовая защита (правовосстановление)*.

С учетом важности названного критерия целесообразно более детально остановиться на характеристике перечисленных форм государственного принуждения.

Значительную роль в механизме правоохраны играют *меры предупреждения*, что предопределено их ролью в предотвращении правонарушений различной степени общественной опасности, а также недопущением чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. Признавая их роль в обеспечении правопорядка и безопасности, следует отметить недостаточность внимания к их исследованию со стороны правоведов. Основное внимание проблематика применения мер предупреждения получила в работах ученых-административистов¹. Такое положение может быть объяснено тем фактом, что наибольший объем мер предупреждения как формы государственного принуждения регламентируется нормами административного права, то есть является мерами административного предупреждения.

Для современного государства одним из важнейших направлений деятельности должно быть предупреждение правонарушений и других негативных явлений, не связанных с правонарушениями, но причиняющих урон общественным отношениям. В этой связи существует потребность в формировании целостной многоуровневой системы предупреждения антиобщественных явлений и процессов, которые связаны как с

---

¹ См.: *Рябов Ю.С.* Административно-предупредительные меры по советскому праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1973; *Его же.* Административно-предупредительные меры: теоретические вопросы. Пермь, 1974; *Бочкарев И.Е.* Административно-предупредительные меры, применяемые милицией (по материалам органов внутренних дел Нижегородской области): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001; *Виноградов О.В.* Административно-предупредительные меры, применяемые в условиях чрезвычайного положения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1999; *Леженин А.В.* Административно-предупредительные меры правового принуждения: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2004.

деятельностью человека, так и являются результатом проявления стихийных природных сил.

Одним из первых монографических исследований, которое было посвящено мерам предупреждения, явилась работа Ю.С. Рябова¹. В его исследовании была убедительно доказана самостоятельность данной формы государственного принуждения.

Признавая обоснованность предлагаемых аргументов, следует отметить наличие альтернативных подходов. По мнению М.Б. Разгильдиевой, является безосновательным выделение в самостоятельную группу мер административного предупреждения. «Институт административно-предупредительных мер искусственно включается в структуру правового принуждения. Безусловно, он имеет свою специфичность, основания, но они должны рассматриваться и изучаться не в рамках правового принуждения, а в других правовых институтах: особого или специального правового режима, контроля, правового ограничения, каждая из которых является автономным по отношению к правовому принуждению»². Названный автор причисляет меры административного предупреждения к правовым ограничениям, аргументируя свою позицию тем, что данные меры сформулированы чаще не в форме запрета, а определены как позитивные обязывания. С приведенными доводами нельзя согласиться в силу того, что меры предупреждения имеют четко выраженную принудительную природу и ее отрицание не соответствует действительности.

Применение потенциала мер предупреждения в сфере экономики предвосхищает трансформацию вызовов экономической безопасности в его угрозы³. Решить такую важную право-

---

¹ См.: *Рябов Ю.С.* Административно-предупредительные меры: теоретические вопросы. Пермь, 1974.

² *Разгильдиева М.Б.* Правовое убеждение и принуждение: теоретические основы (на примере финансового законодательства): монография / под ред. Н.И. Химичевой. М., 2012. С. 182.

³ О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20, ст. 2902.

охранительную задачу без обладания принудительным потенциалом не представлялось бы реальным. Ряд авторов отмечают самостоятельный статус предупреждения как формы государственного принуждения, так как его меры представляют «типизированные формально определенные способы и приемы предупреждения органами административно-публичного обеспечения безопасности причин и условий, способствующих неисполнению или ненадлежащему исполнению общеобязательных условий и требований безопасности»¹.

Потенциал мер предупреждения обусловлен основаниями их применения, к числу которых относятся правонарушения и другие факты, не связанные с правонарушениями. В этой связи Ю.С. Рябовым было отмечено: «Анализ норм, содержащих указания этих явлений, дает возможность заключить, что основаниями применения административно-предупредительных мер являются обстоятельства, возникающие как вследствие действий людей, так и вне зависимости от воли и сознания человека»².

Универсальный характер мер предупреждения дает возможность их применения в самых различных сферах и областях общественной жизни. Данная посылка в полной мере относится и к практическому решению проблемы обеспечения экономической безопасности. «Превентивное применение мер административного принуждения в сфере обеспечения экономической безопасности Российской Федерации позволяет своевременно не допускать совершения противоправных деяний, формировать правомерное экономическое поведение хозяйствующих субъектов, что предполагает определение пределов ограничения их экономических прав»³.

---

¹ *Стахов А.И.* Административно-публичное обеспечение безопасности в Российской Федерации: монография / науч. ред. Б.В. Росинского. М., 2006. С. 154.

² *Рябов Ю.С.* Административно-предупредительные меры: теоретические вопросы. Пермь, 1974. С. 46.

³ *Иванова Л.В.* Административное принуждение в системе мер обеспечения экономической безопасности Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 20.

Низкий уровень систематизации, качественная неоднородность мер предупреждения привели к тому, что в настоящее время отсутствует единство в определении понятия мер предупреждения. Е.А. Цыганкова, исследуя государственное принуждение в системе методов государственного управления, предлагает называть их превентивными мерами принуждения и определяет как «урегулированные нормами права определенные властные действия специально уполномоченных органов, применяемые при отсутствии противоправного поведения для предотвращения возможных правонарушений и иных обстоятельств, представляющих угрозу государству и обществу»¹.

В свою очередь белорусский исследователь А.Н. Крамник предложил их определить в качестве «административно-правовых мер предупреждения», которые рассматривает как «средства принуждения, которые применяются в целях предотвращения совершения правонарушений или предотвращения иных нежелательных вредных последствий для общества, государства и отдельных граждан»².

Можно было бы продолжить приводить определения понятия мер предупреждения, но такой подход вряд ли является конструктивным, способствующим проникновению в сущность мер предупреждения как формы государственного принуждения. Целесообразным видится анализ тех черт, которые им свойственны. В этой связи целесообразно отметить, что они урегулированы системой норм, которые относятся к различным отраслям права. При этом большинство мер предупреждения регулируется нормами административного права, что объясняется доминированием мер административного предупреждения. Вместе с тем, меры предупреждения регулируются нормами и других отраслей права, например, финансового. Так, в соответствии со статьей 4 Федерального закона от 10 июля 2002 года № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской

---

¹ Цыганкова Е.А. Принуждение как метод осуществления государственной власти: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 19.

² Крамник А.Н. Административно-правовое принуждение. Минск, 2005. С. 20.

Федерации (Банке России)» Центробанк наделяется полномочиями по применению норм рассматриваемой формы¹.

Широкая сфера применения мер предупреждения во многом объясняется возможностью их реализации как для предупреждения правонарушений, так и недопущения наступления иных вредных последствий, которые не связаны с правонарушениями².

Другими словами, в основе применения мер предупреждения лежит не существующий юридический факт, а презюмируемый. Так, Ю.С. Рябов отмечает, что «особенностью административно-предупредительных мер является возможность их применения при отсутствии правонарушений, без непосредственной связи с ними. ...Основаниями для применения в этих условиях административно-предупредительных мер является реальное предположение о возможном правонарушении или объективно-противоправном деянии»³. Иначе говоря, основаниями применения названных мер выступает не реально существующий, а презюмируемый факт.

«Предупредительные (превентивные) меры обеспечивают на основе юридических презумпций возможность предотвращения правонарушений или иных вредных последствий, которые вызываются стечением определенных обстоятельств»⁴.

В то же время М.С. Студеникина отмечала, что «допускать применение предупреждения, основываясь только на одном предположении о будущем возможном нарушении, – значит, открывать свободу субъективного усмотрения при осуществлении принудительных мер, значит, действовать в противоречии с интересами укрепления социалистической законности»⁵. Данное опасение следует поддержать, но при этом уточнить, что в

---

¹ О Центральном банке Российской Федерации (Банке России): федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ // Собрание законодательства РФ. № 28, ст. 2790.

² См.: Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 269–270.

³ Рябов Ю.С. Административно-предупредительные меры. Пермь, 1974. С. 49.

⁴ Серегина В.В. Государственное принуждение по советскому праву. Воронеж, 1991. С. 87.

⁵ Студеникина М.С. Соотношение административного принуждения и административной ответственности // Советское государство и право. 1968. № 10. С. 21.

основе применения мер предупреждения лежит не абстрактное предположение, а обстоятельства реальной действительности, свидетельствующие о потенциальной возможности совершения конкретного (неабстрактного) правонарушения или техногенных процессов, действий непреодолимых природных сил, то есть правовых презумпций¹.

При характеристике мер предупреждения следует учитывать, что они закреплены не в санкциях, а в диспозициях соответствующих норм права. В этой связи А.С. Пиголкин писал: «Сама сущность обязанностей, которые возлагаются, например, на определенные государственные органы или на должностных лиц для выполнения ими своих функций, связана с отношениями их к другим лицам или органам и заключается в возможности и необходимости первых принудительно воздействовать на поведение вторых, используя свои властные полномочия»².

Данная позиция получила свою поддержку в литературе³. Указание на закрепление мер предупреждения в диспозиции правовой нормы содержится в трудах ряда авторов⁴.

Универсальный характер мер предупреждения обусловил их широкое субъектное обеспечение. При рассмотрении специфики правоприменения В.В. Лазаревым было отмечено: «Применением закона и других правовых норм занимаются только компетентные органы и должностные лица. Они могут применять правовые нормы только в рамках представленных полномочий»⁵.

---

¹ См.: *Бабаев В.К.* Презумпции в советском праве. Горький, 1974.

² *Пиголкин А.С.* Нормы советского социалистического права и их структура // Вопросы общей теории советского права. М., 1960. С. 181.

³ См.: *Ребане И.А.* Убеждение и принуждение в деле борьбы с посягательствами на советский правопорядок. Труды по правоведению // Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту, 1966. С. 177; *Рябов Ю.С.* Административно-предупредительные меры. Пермь, 1974. С. 24–32.

⁴ См.: *Рябов Ю.С.* Административно-предупредительные меры. Пермь, 1974. С. 24–32; *Бочкарев И.Е.* Административно-предупредительные меры, применяемые милицией (по материалам органов внутренних дел Нижегородской области): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 11.

⁵ *Лазарев В.В.* Действие права. Реализация права // Теория государства и права: учебник / под ред. В.К. Бабаева. М., 1999. С. 451.

В свою очередь качественная неоднородность мер предупреждения предопределила их потенциальную возможность применения к широкому кругу объектов принудительного воздействия. В то же время было бы ошибочным считать, что они не имеют своего адресата. Наличие правоограничительного потенциала требует исключить случайности, не допустить применение в отношении тех субъектов, чье поведение не заключает в себе потенциальной опасности совершения правонарушения или причинения других негативных последствий, не связанных с правонарушениями.

Специфика мер предупреждения предопределила их применение в упрощенном порядке. Данная особенность позволяет успешно решать задачи предупреждения правонарушений и недопущения иных вредных последствий, не связанных с правонарушениями.

На необходимость соблюдения процессуального порядка при реализации мер предупреждения было обращено внимание С.С. Алексеева: «Именно потому, что государственное принуждение является острым и жестким средством социального воздействия, оно в условиях режима строгой законности нуждается не просто в юридической процедуре (последняя необходима для всякой государственно-властной, правоприменительной деятельности, да и вообще для любой длящейся юридической деятельности, длящихся правоотношений), а в особой юридической процедуре, которая в соответствии со спецификой охранительных правоотношений выражала бы применение государственно-принудительных средств воздействия на началах правосудия. Этим и обусловлено, наряду с другими причинами, формирование особых процессуальных институтов, их «сложность», «громоздкость», наличие в них норм, предусматривающих право по непосредственному участию в рассмотрении дела, право отвода, обжалования и т. д., а отсюда и формирование особых отраслей процессуального права, которые являются носителями важнейших демократических, гуманистических начал правовой системы...»¹.

---

¹ Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. М., Т. 1. 1981. С. 285.

На значимости быстроты и своевременности применения мер предупреждения акцентировалось внимание А.С. Гайдука и А.А. Киселева, которые при рассмотрении такой предупредительной меры, как реквизиция, отметили, что «особую роль в таких случаях играет фактор времени, необходимость реагировать как можно быстрее, поэтому для производства реквизиции установлен иной порядок, чем для изъятия недвижимости в «нормальной» ситуации. Реквизиция проводится по решению государственных органов. При этом порядок и условия изъятия имущества путем реквизиции должны определяться специальным законом о реквизиции имущества с учетом исторического опыта»¹.

При характеристике мер предупреждения важно учитывать цель их применения, которая заключается в обеспечении правопорядка и безопасности, однако названная цель носит общий характер и свойственна государственному принуждению в целом. В этой связи такой широкий подход на практике может привести к их незаконному применению, необоснованному применению, выходу за их видовые границы.

В литературе при характеристике целевого назначения мер предупреждения отмечают следующие цели: «для предотвращения опасности, угрожающей жизни и здоровью людей, защиты интересов государства и граждан при стихийных бедствиях, эпидемиях и эпизоотиях и иных обстоятельствах...»², «не допускать нарушения административно-правовых норм, предотвратить наступление тяжелых последствий»³, «обеспечение общественной безопасности при стихийных бедствиях и несчастных случаях»⁴, предупреждения «наступления вредных

---

¹ Гайдук А.С., Киселев А.А. Неприкосновенность собственности как принцип современного гражданского права России / под науч. ред. В.А. Рыбакова. М., 2004. С. 72.

² Серегин А.В. Административная ответственность за нарушение общественного порядка. М., 1968. С. 47.

³ Попов Л.Л. Убеждение и принуждение. М., 1968. С. 47.

⁴ Козлов Ю.М. Советское административное право: пособие для слушателей. М., 1984. С. 151.

последствий»¹, а также предупреждения (профилактики) «возможных правонарушений», то есть «опережение их путем своевременных принятых мер»², не допустить со стороны обязанных лиц «уклонения от выполнения юридических или иных обязанностей перед обществом»³.

Резюмируя изложенное, можно отметить, что применение мер предупреждения направлено на достижение двух взаимосвязанных целей: 1) предупреждение правонарушений; 2) недопущение наступления общественно опасных последствий, не связанных с правонарушениями.

Данные цели конкретизируются с учетом специфики объекта правоохраны. Так, Л.В. Иванова при рассмотрении потенциала мер предупреждения в сфере обеспечения экономической безопасности отмечает, что им свойственны следующие цели: «Превентивное применение мер административного принуждения в сфере обеспечения экономической безопасности Российской Федерации позволяет своевременно не допускать совершения противоправных деяний, формировать правомерное экономическое поведение хозяйствующих субъектов, что предполагает определение пределов ограничения их экономических прав»⁴.

Вышеизложенное дает возможность определить *меры предупреждения в качестве самостоятельной формы государственного принуждения, которая представляет собой систему мер, реализуемых значительным числом уполномоченных субъектов в упрощенном процессуальном порядке в целях предупреждения совершения правонарушений различной*

---

¹ Козырева Т.И. Административная ответственность в СССР: учебное пособие. М., 1973. С. 22.

² Ребане И.А. Убеждение и принуждение в деле борьбы с посягательствами на советский правопорядок: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1968. С. 26.

³ Лунев А.Е. Административно-предупредительные меры // Советское административное право. Методы и формы государственного управления. М., 1977. С. 121.

⁴ Иванова Л.В. Административное принуждение в системе мер обеспечения экономической безопасности Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 20.

степени общественной опасности и недопущения иных неблагоприятных последствий, связанных действием непреодолимых природных сил, техногенных аварий и катастроф.

Меры предупреждения органически встроены в систему правоохраны и во многом отражают логику общественного развития. В этой связи из их системы исключаются определенные меры и дополняются новые. К числу первых относятся: принудительное лечение злостных алкоголиков в лечебно-трудовых профилакториях¹; официальное предостережение лиц, в отношении которых имеются достаточные основания полагать, что они занимаются проституцией, о недопустимости антиобщественного поведения².

Действующая система мер предупреждения отличается разнообразием, что позволяет решать самый широкий спектр правоохранительных задач. К их числу можно отнести: проверку соблюдения правил; реквизицию имущества; контрольные проверки; проверки документов; досмотр вещей, багажа, ручной клади; досмотр транспортных средств; личный досмотр; административное задержание; вхождение в дома граждан; введение карантина; закрытие участков государственной границы, участков дорог, улиц; принудительное выселение из домов, грозящих обвалом; технический осмотр транспортных средств; принудительное медицинское освидетельствование; административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы и др.

Существенную роль в обеспечении правопорядка и безопасности играют *меры пресечения*. Несмотря на их потенциал, роль в механизме правоохраны, в литературе отсутствует единство по вопросу об их самостоятельном статусе. Так, по мнению

---

¹ О принудительном лечении и трудовом перевоспитании хронических алкоголиков: указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 1 марта 1974 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1974. № 10, ст. 287; 1982. № 41, ст. 1513; 1985. № 40, ст. 1398.

² О внесении изменений и дополнений в законодательство РСФСР об ответственности за административные правонарушения: указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 29 мая 1987 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1987. № 23, ст. 800.

В.Д. Ардашкина, их следует рассматривать в системе мер защиты¹. Самостоятельность данных мер отрицалась и С.С. Алексеевым².

Вместе с тем, большинство исследователей акцентируют внимание на их самостоятельном статусе. Например, С.Н. Кожевников отмечает их встроенность в систему государственного принуждения: «Меры пресечения используются для того, чтобы обеспечить условия для применения восстановительных мер и средств юридической ответственности»³.

Обращение к действующему законодательству позволяет заключить, что меры пресечения получили правовое опосредование, но при этом отсутствует высокосистематизированное законодательство. Меры пресечения обнаруживаются в значительном числе нормативных правовых актов различной юридической силы: ФКЗ «О чрезвычайном положении»⁴, ФКЗ «О военном положении»⁵, Бюджетном кодексе РФ⁶, Налоговом кодексе РФ⁷, Таможенном кодексе Таможенного союза⁸, ФЗ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»⁹, ФЗ «О предупреждении распространения в Российской

---

¹ См.: *Ардашкин В.Д.* Меры защиты (пресечения) в советском административном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1968. С. 17.

² См.: *Алексеев С.С.* Общая теория права: в 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 270–273.

³ *Кожевников С.Н.* Предупредительные и пресекательные меры по советскому праву и условия их реализации // Вопросы реализации норм административного права: ученые труды. Свердловск, 1975. Вып. 47. С. 45.

⁴ О чрезвычайном положении: федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23, ст. 2277.

⁵ О военном положении: федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 5, ст. 375.

⁶ Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31, ст. 3823.

⁷ Налоговый кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31, ст. 3824.

⁸ Таможенный кодекс Таможенного союза (приложение к Договору о Таможенном кодексе таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества от 27 ноября 2009 г. № 17) // Собрание законодательства РФ. 2010. № 50, ст. 6615.

⁹ О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании: закон Российской Федерации от 2 июля 1992 г. № 3185-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1992. № 33, ст. 1913.

Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)»¹, ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»², ФЗ «Об охране окружающей среды»³, ФЗ «О полиции»⁴ и др.

Подобная ситуация, когда отсутствует единый нормативный правовой акт, ставит на повестку дня необходимость систематизации источников, закрепляющих нормы пресечения. Учитывая качественную неоднородность данных норм, их применение в различных сферах и отраслях деятельности, кодифицировать данное законодательство не представляется возможным. Выходом из такой ситуации является унификация законодательства.

Меры пресечения закреплены в санкциях правовых норм. Следует отметить, что отдельные авторы считают, что они закрепляются в диспозициях норм права⁵. Мы считаем, что А.П. Корневым было убедительно доказано, что меры пресечения закреплены в санкциях правовых норм. Данный автор назвал их *санкциями пресечения*⁶. Данная позиция нашла свою поддержку как в теории права, так и в отраслевой литературе⁷.

---

¹ О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции): федеральный закон от 30 марта 1995 г. № 38-ФЗ // Российская газета. 1995. 12 апреля.

² О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения: федеральный закон от 30 марта 1999 г. // Российская газета. 1999. 6 апреля.

³ Об охране окружающей среды: федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 2, ст. 133.

⁴ О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию: федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ // Российская газета. 1996. 22 августа.

⁵ См.: *Капунов А.И.* Административное принуждение, применяемое органами внутренних дел (системно-правовой анализ): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 234–235; *Серегин А.В.* Советский общественный порядок и административно-правовые средства его укрепления: учебное пособие. М., 1975. С. 38.

⁶ См.: *Корнев А.П.* Нормы административного права и их применение. М., 1978. С. 31.

⁷ См.: *Галаган И.А.* Административная ответственность в СССР: государственное и материально-правовое исследование. Воронеж, 1970. С. 117; *Серегина В.В.* Государственное принуждение по советскому праву. Воронеж, 1991. С. 92.

При анализе мер пресечения важно учитывать фактические основания их применения. К их числу относятся правонарушения различной степени общественной опасности, а также объективные противоправные деяния¹. В этой связи не является обязательным установление в действиях лица состава правонарушения. В силу этого допускается применение мер пресечения в отношении лиц, не достигших возраста юридической ответственности, а также невменяемых². Данное свойство позволяет сделать вывод, что для реализации мер пресечения определяющим является факт противоправного поведения, а субъектные характеристики не играют определяющей роли³. В этой связи объектом пресекательного воздействия выступает поведение лица, которое представляет опасность для общества⁴.

Отмечая особенности мер пресечения, следует отметить возможность их применения в отношении субъектов, обладающих правовым иммунитетом. Потенциальная вероятность их применения в отношении депутатов, судей, прокуроров, дипломатов и других субъектов свидетельствует об их универсальном характере. В этой связи можно говорить, что меры пресечения выступают не только эффективным средством правоохраны, но и способствуют реализации принципов равенства и справедливости.

Применение меры пресечения осуществляется в строгих пространственно-временных рамках. При этом связь реализации данных мер с указанными факторами выступает не условиями эффективности, а требованиями законности. «Меры,

---

¹ Бахрах Д.Н. Административная ответственность: учебное пособие. М., 1999. С. 10; Административное право: учебник / под ред. Ю.М. Козлова, Л.Л. Попова. М., 1999. С. 303–304.

² О полиции: федеральный закон № 3-ФЗ от 7 февраля 2011 г. (п. 1 ст. 23) // Российская газета. 2011. 8 февраля.

³ Попов Л.Л. Эффективность административно-правовых санкций в сфере охраны общественного порядка. М., 1976. С. 53.

⁴ См.: Князьков А.С. Применение и использование огнестрельного оружия сотрудниками милиции как мера административно-правового пресечения: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1998. С. 31.

применяемые после его (правонарушения) совершения, не могут достичь цели пресечения и по своему характеру являются обеспечительными, процессуальными мерами»¹.

Фактор времени играет важную роль и должен быть учтен при реализации не только мер пресечения, но и при осуществлении позитивного регулирования общественных отношений². Рассматриваемая особенность мер пресечения создает дополнительные сложности в ходе их реализации, но игнорирование временного фактора свидетельствует о незаконности осуществляемой деятельности. «Меры административного пресечения характеризует то, что их применение вызывается реально возникшей противоправной ситуацией и имеет смысл лишь тогда, когда нарушение правопорядка еще длится. Главная цель применения этих мер состоит в обеспечении прекращения нарушения, устранения противоправной ситуации»³.

Вызывает определенные споры выделение такой особенности мер пресечения, как применение в интересах не только общества и государства, но и принуждаемого. Оперативная реализация мер пресечения прекращает правонарушение меньшей опасности и не позволяет им трансформироваться в деяния большей общественной опасности. Например, пресечение административного правонарушения, которое выражено в нецелевом использовании бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов, что образует состав административного правонарушения, предусмотренного статьей 15.14 КоАП РФ⁴. В этой связи своевременное применение мер пресечения позволит предупредить преступления, предусмотренные статьями 285¹, 285² УК РФ.

---

¹ Кисин В.Р. Меры административно-процессуального принуждения, применяемые милицией: учебное пособие. М., 1987. С. 13.

² См.: Тенилова Т.Л. Пространство и время в правовой системе общества: монография. Н. Новгород, 2014.

³ Зеленько В.Л. Вопросы теории и практики применения милицией мер административного пресечения правонарушений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1975. С. 5.

⁴ В данном случае размер ущерба не должен превышать одного миллиона пятисот тысяч рублей (примечание к ст. 285¹ УК РФ).

Важное значение при характеристике мер пресечения имеет их целевое назначение. В этой связи М.И. Еропкин отметил: «Применяя меры административного пресечения, органы государственного управления или их полномочные представители принудительно прекращают нарушение правовой нормы, вынуждают нарушителя вести себя правомерно»¹. Д.Н. Бахрахом было уточнено их целевое назначение, так как «цель пресечения – прекратить противоправное деяние и не допустить новых»².

Данный подход разделяет А.Н. Крамник: «Применение мер пресечения не позволяет развиваться деянию, продолжить причинять вредные последствия или не допускает их вообще, а, возможно, предотвращает совершение новых правонарушений. В этом смысле оно таит в себе предупредительную направленность, не являясь по сути своей предупредительным принуждением»³.

Меры пресечения, как было отмечено выше, органично встроены в систему государственного принуждения. При этом в ряде ситуаций они создают условия для реализации других мер государственного принуждения. Чаще всего речь идет о мерах правосознания (защиты) и юридической ответственности. На данную особенность обращено внимание в литературе. «Меры пресечения применяются для того, чтобы не допустить нарушений, предотвратить вредные последствия правонарушений, *обеспечить условия для применения мер наказания и восстановительных мер* (курсив наш. – Н.М.)»⁴.

Меры пресечения отличает качественная неоднородность. С одной стороны такое положение позволяет решать значительный объем правоохранительных задач, а с другой – создает значительные сложности для правоприменителя. В арсенале государства имеются меры пресечения различной степени

---

¹ Еропкин М.И. Сущность административного принуждения // Методы и формы государственного управления. М., 1977. С. 113.

² Бахрах Д.Н. Административное право: учебник для вузов. М., 2000. С. 450.

³ Крамник А.Н. Административно-правовое принуждение. Минск, 2005. С. 51.

⁴ Бахрах Д.Н. Советское законодательство об административной ответственности: учебное пособие. Пермь, 1969. С. 116.

правоограничительной интенсивности, начиная от требования прекратить правонарушения и до применения огнестрельного оружия. Такая широкая линейка мер пресечения дает возможность их применения для прекращения противоправных ситуаций в различных сферах общественной жизни.

Рассматривая специфику мер пресечения, следует учитывать, что их применение может сопровождаться правоограничениями различной степени интенсивности. При этом правоприменитель в значительном числе случаев имеет возможность выбора. В этой связи на последнего возлагается дополнительная ответственность, которая носит как нравственный, так и юридический характер. Д.Н. Бахрахом закономерно было обращено внимание на опасность злоупотребления мерами пресечения: «Нельзя применять оружие для задержания лиц, нарушающих общественный порядок; не следует приостанавливать работу всего цеха, если в неисправном состоянии находится один станок. Необходимо определенное соответствие между избранной мерой пресечения и желаемым результатом»¹.

Субъект, который наделен правами по применению мер пресечения, должен обладать высокими нравственными качествами. В этом случае он будет «экономить» правопрекращающий потенциал, исключать из необоснованного применения. Наряду с этим следует избегать тенденциозности и принимать решения по применению мер пресечения с учетом реально складывающейся правоохранительной ситуации.

Специфика применения мер пресечения требует их оперативного задействования, что проявляется более остро, чем в отношении мер предупреждения. В этой связи меры пресечения применяются в упрощенном процессуальном порядке. В ряде случаев не требуется вынесение предварительного правоприменительного акта². Так, о фактах применения специальных мер

---

¹ Бахрах Д.Н. Советское законодательство об административной ответственности: учебное пособие. Пермь, 1969. С. 117.

² См.: Ключищенко А.П., Самойленко А.В., Зеленько В.Л. Меры административного пресечения, применяемые милицией, как средство охраны советского правопорядка. Киев, 1974. С. 26.

пресечения (физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия) в случаях, предусмотренных законодательством, осуществляется соответствующее оформление¹.

Меры пресечения представляют собой обособленную форму государственного принуждения – систему мер, применяемых уполномоченными субъектами в упрощенном процессуальном порядке в целях прекращения правонарушений и объективно противоправных деяний, создания условий для реализации мер юридической ответственности и правовой защиты на месте и в момент совершения таких действий.

Меры пресечения весьма разнообразны и включают: требование прекратить правонарушение, приостановление деятельности, аннулирование лицензии (разрешения), прекращение финансирования (кредитования), запрещение транспортировки взрывоопасных, ядовитых веществ в случае нарушения установленных правил, административное задержание, применение физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия и др.

В систему государственного принуждения органически встроены *меры процессуального обеспечения*. Обособление данных мер в отдельную форму носит дискуссионный характер. В пользу их самостоятельности свидетельствует необходимость обеспечения единства материального и процессуального регулирования, что обуславливает необходимость наличия соответствующей формы государственного принуждения². Н.В. Витруком в этой связи было отмечено: «В общей теории права и в отраслевых науках наряду с мерами юридической ответственности выделяют и другие формы государственного принуждения, а именно: меры профилактики (меры предупреждения, превенции); меры пресечения, *меры процессуального обеспечения* (курсив наш. – **Н.М.**); меры чрезвычайной (экстраординарной) правовой охраны; меры

---

¹ О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3 (гл. 5) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7, ст. 900.

² См.: *Лейст О.Э.* Санкции и ответственность по советскому праву (теоретические проблемы). М., 1981. С. 102–103.

защиты и др.»¹. Данная позиция получила широкую поддержку в литературе².

Ряд авторов при рассмотрении мер процессуального обеспечения, применяемых в производстве по делам об административных правонарушениях, отмечают, что они соединяют в себе как процессуальную, так и пресекательную составляющие³. С данным суждением следует согласиться, так как наряду с решением процессуальных задач в ряде случаев происходит прекращение административных правонарушений, однако это не говорит о том, что они являются единой формой государственного принуждения.

При анализе специфики мер процессуального обеспечения (принуждения) следует исходить из того, что они взаимодействуют с материальными мерами государственного принуждения и часто создают условия для реализации последних. На данную особенность было обращено внимание Д.Н. Бахраха: «Необходимо различать материальные, основные и *несамостоятельные, обеспечительные принудительные средства* (курсив наш. – Н.М.). Обеспечительные средства (меры уголовно-процессуального, административно-процессуального, гражданско-процессуального принуждения) <...> В тех случаях, когда это возможно, обеспечительное процессуальное средство засчитывается при назначении основной принудительной меры»⁴. Данная точка зрения была поддержана И.А. Галаганом: «Материально-правовые санкции – это основа такого явления, как государственное принуждение, а проце-

---

¹ Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности: монография. М., 2008. С. 39.

² См.: Кожевников С.Н. Государственное принуждение: регулятивно-охранительное назначение, формы // Российский юридический журнал. 2011. № 2. С. 26; Курганова А.С. Уголовно-исполнительная система в механизме государственного принуждения (общеправовой анализ): дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007. С. 17.

³ См.: Административное право: учебник / под ред. Ю.М. Козлова, Л.Л. Попова. М., 1999. С. 312.

⁴ Бахрах Д.Н. Советское законодательство об административной ответственности: учебное пособие. Пермь, 1969. С. 27–28.

дурно-процессуальные санкции – *вспомогательные* (курсив наш. – Н.М.), призванные способствовать обеспечению нормального хода процессуальной деятельности по применению, в частности, материально-правовых санкций»¹.

В пользу самостоятельности процессуального принуждения свидетельствует ряд исследований, авторы которых детально обосновали их специфику². Следует акцентировать внимание на том, что меры процессуального обеспечения решают процессуальные задачи и при этом взаимодействуют с мерами других форм государственного принуждения. Данные процессуальные задачи конкретизированы прежде всего в АПК РФ³, ГПК РФ⁴, КАС РФ⁵, КоАП РФ⁶, УПК РФ⁷. В подавляющем большинстве случаев участки соответствующих юридических процессов добровольно исполняют возложенные на них обязанности, но при отказе задействуется потенциал мер процессуального принуждения.

Меры процессуального обеспечения отличаются качественной неоднородностью⁸. При этом следует принимать во внимание тот факт, что процессуальные отрасли (административная,

---

¹ Процессуальные нормы и отношения в советском праве / науч. ред. И.А. Галаган. Воронеж, 1985. С. 70.

² См.: *Коврига З.Ф.* Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж, 1975. С. 16–17; *Каплунов А.И.* Административное принуждение, применяемое органами внутренних дел (системно-правовой анализ): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 368–371.

³ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. 2002. № 30, ст. 3012.

⁴ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. 2002. № 46, ст. 4532.

⁵ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. 2015. № 10, ст. 1391.

⁶ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. 2002. № 1, ч. 1, ст. 1.

⁷ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. 2001. № 52, ст. 4921.

⁸ См.: *Сорокин В.Д.* Правовое регулирование: предмет, метод, процесс (макроуровень). СПб., 2003. С. 14–68.

арбитражная, гражданская, уголовная) по числу не совпадают с количеством материальных отраслей права.

Применение мер процессуального обеспечения ориентировано на решение как задач юридического процесса, так и их отдельных элементов, то есть отправления отдельных юридических процедур.

Признавая потенциал мер процессуального обеспечения при решении процессуальных задач, следует иметь в виду их роль для создания условий применения мер других форм государственного принуждения, прежде всего мер защиты и юридической ответственности. Такое положение обусловлено тем, что меры процессуального обеспечения в ряде случаев способствуют установлению фактических оснований применения вышеназванных форм государственного принуждения. Нарушение такой логической взаимосвязи в ряде ситуаций может привести к невозможности реализации юридической ответственности и мер защиты.

Обращение к процессуальному законодательству и юридической литературе дает возможность определить *процессуальное обеспечение в качестве самостоятельной формы государственного принуждения, которая представлена системой правовых мер*, основанных на нормах процессуальных отраслей права, реализуемых уполномоченными субъектами права в целях осуществления процессуальных задач и создания условий для привлечения к юридической ответственности и применения мер защиты.

Наибольший потенциал мер процессуального обеспечения включает в себе уголовно-процессуальное законодательство. Названные меры закреплены в разделе IV УПК РФ «Меры процессуального принуждения». При этом законодатель дифференцировал их на задержание подозреваемого (гл. 12 УПК РФ), меры пресечения (гл. 13 УПК РФ), иные меры процессуального принуждения (гл. 14 УПК РФ). К числу мер пресечения отнесены: подписка о невыезде; личное поручительство; наблюдение командования воинской части; пристмотр за несовершеннолетним обвиняемым; запрет опреде-

ленных действий; залог; домашний арест; заключение под стражу. В свою очередь к иным мерам процессуального принуждения отнесены: обязательство о явке; привод; временное отстранение от должности; наложение ареста на имущество. Такой широкий перечень видов мер уголовно-процессуального принуждения позволяет решать процессуальные задачи в различных сферах и отраслях, в том числе сфере обеспечения экономической безопасности.

Б.Б. Булатовым при исследовании уголовно-процессуального принуждения было определено, что система данных мер опирается на теоретические разработки в области уголовного судопроизводства, хотя и не лишена в определенной мере дискуссионного характера¹. Мы полагаем, что необходимости в подобной законодательной дифференциации не было. С позиции юридино-технического оформления текста можно было бы обойтись без подобной структурной организации.

Основной объем мер административно-процессуального обеспечения изложен в КоАП РФ и КАС РФ. Меры административно-процессуального обеспечения, применяемые в рамках производства по делам об административных правонарушениях закреплены в главе 27 КоАП РФ. В литературе акцентируется внимание на их роли в правоохранительной деятельности. «Значение этих мер в системе правоохранительных средств трудно переоценить, поскольку в ходе их применения пресекается общественно опасная деятельность нарушителя, обеспечивается возможность привлечения к ответственности»².

Данная система включает следующие меры административно-процессуального обеспечения: доставление; административное задержание; личный досмотр, досмотр вещей, досмотр транспортного средства, находящихся при физическом лице; осмотр принадлежащих юридическому лицу помещений,

---

¹ См.: Булатов Б.Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2003. С. 12–13.

² Попов Л.Л., Шергин А.П. Классификация мер административного принуждения // Советское государство и право. 1970. № 5. С. 44.

территорий, находящихся там вещей и документов; изъятие вещей и документов; отстранение от управления транспортным средством соответствующего вида; освидетельствование на состояние алкогольного опьянения; медицинское освидетельствование на состояние опьянения; задержание транспортного средства; арест товаров, транспортных средств и иных вещей; привод; временный запрет деятельности; залог за арестованное судно; помещение иностранных граждан или лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению, в специальные учреждения.

Система мер административно-процессуального обеспечения дополняется мерами, которые применяются при отправлении административного судопроизводства. Они закреплены в главе 11 КАС РФ «Меры процессуального принуждения». В данную систему включены: ограничение выступления участника судебного разбирательства или лишение участника судебного разбирательства слова; предупреждение; удаление из зала судебного заседания; привод; обязательство о явке; судебный штраф. Вместе с тем, к числу названных мер следует отнести меры главы 7 КАС РФ «Меры предварительной защиты по административному иску»: приостановление полностью или в части действия оспариваемого решения; запрещение совершать определенные действия; иные меры предварительной защиты по административному иску¹. Данная система дополняется мерами процессуального обеспечения, которые применяются в рамках отдельных производств в административном судопроизводстве.

Значительным правоограничительным потенциалом обладают меры гражданско-процессуального и арбитражно-процессуального законодательства. Их роль возрастает в силу динамического развития гражданско-правового и предпринимательского права. На востребованность и необходимость применения данных мер обращается внимание в лите-

---

¹ См.: Макарейко Н.В. Государственное принуждение в административном судопроизводстве // Журнал административного судопроизводства. 2017. № 2. С. 5–11.

ратуре. «Из смысла норм процессуального законодательства (ст. 35 ГПК РФ, ст. 41 АПК РФ) следует, что каждый случай недобросовестного использования процессуальных прав должен немедленно пресекаться либо особой, специально сформулированной для этого случая санкцией, либо (при ее отсутствии) наступлением каких-либо общих неблагоприятных последствий»¹. Главой 13 ГПК РФ «Обеспечение иска» определен основной объем мер гражданско-процессуального принуждения, который включает: наложение ареста на имущество, принадлежащее ответчику и находящееся у него или других лиц; запрещение ответчику совершать определенные действия; запрещение другим лицам совершать определенные действия, касающиеся предмета спора, в том числе передавать имущество ответчику или выполнять по отношению к нему иные обязательства; возложение на ответчика и других лиц обязанности совершить определенные действия, касающиеся предмета спора о нарушении авторских и (или) смежных прав, кроме прав на фотографические произведения и произведения, полученные способами, аналогичными фотографии, в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет»; приостановление реализации имущества в случае предъявления иска об освобождении имущества от ареста (исключении из описи); приостановление взыскания по исполнительному документу, оспариваемому должником в судебном порядке.

Данный перечень не является исчерпывающим и судья или суд могут реализовать и другие меры, то есть речь идет о закреплении «открытого» перечня. Наряду с этим предусмотрена возможность применить одновременно нескольких мер по обеспечению иска. Такое законодательное решение повышает эффективность применения названных мер и в конечном счете позитивно сказывается на решении гражданско-процессуальных задач в целом.

---

¹ *Медведев И.Р.* Гражданско-процессуальная ответственность: некоторые проблемы // Журнал российского права. 2006. № 7. С. 135.

Необходимо учитывать роль юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в сфере экономики в связи с ростом востребованности мер государственного принуждения, установленных арбитражно-процессуальным законодательством. Меры арбитражно-процессуального принуждения объединены в главе 8 АПК РФ «Обеспечительные меры арбитражного суда». Правовая позиция Пленума Высшего арбитражного суда РФ акцентирована на том, что обеспечительные меры должны соответствовать заявленным требованиям, то есть быть непосредственно связанными с предметом спора, соразмерными заявленному требованию, необходимыми и достаточными для обеспечения исполнения судебного акта или предотвращения ущерба¹. В дальнейшем оно было воспроизведено в пункте 13 постановления Пленума Высшего арбитражного суда РФ от 12 октября 2006 года № 55 «О применении арбитражными судами обеспечительных мер»².

Рассмотрение системы мер процессуального обеспечения свидетельствует о том, что они могут качественно решать задачи по обеспечению экономической безопасности. Такое положение объясняется тем, что в данную систему включены меры, которые позволяют оказать комплексное принудительное воздействие. Немаловажной характеристикой данных мер является и то, что они представляют собой динамичную развивающуюся систему. В этой связи можно своевременно реагировать на существующие и перспективные угрозы экономической безопасности.

Нами ранее было отмечено, что меры процессуального обеспечения создают условия для реализации юридической ответственности. Необходимо отметить, что внимание исследователей традиционно акцентируется на характеристике

---

¹ О практике рассмотрения арбитражными судами заявлений о принятии обеспечительных мер, связанных с запретом проводить общие собрания акционеров: постановление Пленума Высшего арбитражного суда РФ от 9 июля 2003 г. № 11 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2003. № 9.

² Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2006. № 12.

юридической ответственности в целом и отдельных ее видах¹. Такое положение, с одной стороны, свидетельствует о ее потенциале, а с другой – о возникшем серьезном доктринальном и дидактическом дисбалансе.

Признавая наличие самых различных публикаций по проблеме юридической ответственности как в целом, так и ее отдельных видов, следует отметить существование ряда дискуссионных вопросов, требующих дополнительного осмысления. Прежде всего, следует отметить рассмотрение юридической ответственности с позиции ретроспективного и позитивного подходов.

---

¹ См.: *Авдеенкова М.П.* Система юридической ответственности на современном этапе развития российского права. М., 2007; *Базылев Б.Т.* Юридическая ответственность (теоретические вопросы). Красноярск, 1985; *Боброва Н.А., Зражевская Т.Д.* Ответственность в системе конституционных норм. Воронеж, 1985; *Братусь С.Н.* Юридическая ответственность и законность (очерк теории). М., 1976; *Денисов Ю.А.* Общая теория правонарушения и ответственности. Л., 1983; *Дик В.П.* Ответственность в системе общественных отношений: взаимосвязь общих и особенных свойств: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Улан-Удэ, 2013; *Иванов А.А.* От талиона к индивидуализации юридической ответственности: исторический очерк становления правового принципа. М., 2009; *Колосов Ю.М.* Ответственность в международном праве. М., 1975; *Краснов М.А.* Ответственность в системе народного представительства (методологические подходы). М., 1995; *Лейст О.Э.* Санкции и ответственность по советскому праву (теоретические проблемы). М., 1981; *Литинский Д.А.* Проблемы юридической ответственности. СПб., 2003; *Литинский Д.А., Хачатуров Р.Л., Шишкин А.Г.* Меры юридической ответственности: монография. М., 2014; *Литинский Д.А., Мусаткина А.А.* Юридическая ответственность, санкции и меры защиты. М., 2013; *Лучков В.В.* Юридическая ответственность в механизме правового регулирования. Тольятти, 2004; *Малеин М.С.* Юридическая ответственность и справедливость. М., 1992; *Мироненко М.Б.* Принципы юридической ответственности. Тольятти, 2001; *Петелин А.И.* Проблемы правовой ответственности в социалистическом обществе. Омск, 1976; *Поляков С.Б.* Юридическая ответственность государства. М., 2007; *Самоценко И.С., Фарукишин М.Х.* Ответственность по советскому законодательству. М., 1971; *Тархов В.А.* Ответственность по советскому гражданскому праву. Саратов, 1973; *Ушаков Н.А.* Основание международной ответственности государства. М., 1983; *Чирков А.П.* Ответственность в системе права. Калининград, 1996; *Шиндяпина М.Д.* Стадии юридической ответственности. М., 1998; *Хачатуров Р.Л., Литинский Д.А.* Общая теория юридической ответственности. СПб., 2007; и др.

Идеи позитивной юридической ответственности были заложены в начале XX столетия и во многом основывались на трудах Э. Ферри¹. Впоследствии они были развиты в трудах Ф. Поллака, Ж. Сартра, Н. Хейнса, получили поддержку в юридической литературе². Н.И. Матузов, критикуя отрицание позитивной ответственности, пишет: «Ретроспективный подход к ответственности, который пока преобладает в литературе, сужает проблему, выглядит односторонним и неполным. При таком подходе на первый план выступает лишь карательно-принудительный момент. ...В современных условиях проблема ответственности (особенно позитивной) стоит как никогда остро, поскольку неизмеримо возросла роль отдельного человека в окружающем мире, расширилась его свобода и в то же время зависимость от внешней социальной и естественной среды»³.

Дискуссионный характер носит восприятие позитивной юридической ответственности. Существующие в правовой доктрине подходы по данной проблеме могут быть сведены к

---

¹ См.: *Ферри Э.* Уголовная социология / сост. и предисл. В.С. Овчинского. М., 2005. С. 5–124.

² См.: *Венедиктов В.С.* Юридическая ответственность по советскому трудовому праву: учебное пособие. Киев, 1989. С. 19; *Витрук Н.В.* Общая теория юридической ответственности: монография. М., 2008. С. 22–32; *Кудрявцев В.Н.* Закон. Поступок. Ответственность. М., 1986. С. 286–287; *Литинский Д.А.* Проблемы юридической ответственности / под ред. Р.Л. Хачатурова. СПб., 2003. С. 15–42; *Литинский Д.А., Хачатуров Р.Л., Шишкин А.Г.* Меры юридической ответственности: монография. М., 2014. С. 19–54; *Мордовец А.С.* Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина. Саратов, 1996. С. 224; *Разгильдиев Б.Т.* Уголовно-правовые отношения и реализация ими задач уголовного права. Саратов, 1994. С. 252; *Смирнов В.Г.* Уголовная ответственность и наказание // Правоведение. 1963. № 4. С. 9; *Смирнов Л.Б.* Юридическая ответственность осужденных в пенитенциарных учреждениях (теоретико-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1990. С. 7; *Фаткуллин Ф.Н.* Проблемы теории государства и права: курс лекций. Казань, 1987. С. 265; *Шабуров А.С.* Политические и правовые аспекты социальной ответственности личности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1992. С. 9; и др.

³ *Матузов Н.И.* Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2004. С. 58, 62.

следующему: осознанию долга; обязанности дать отчет; обязанности соблюдать предписания, требования правовых норм; обязанности действовать правомерно, требование по соблюдению правовых норм; статусной юридической ответственности; правомерному поведению; поощрительной позитивной ответственности¹.

В юридической литературе существуют и альтернативные подходы, которые говорят не только об удвоении терминологии, а об объединении в рамках юридической ответственности различных явлений². Р.О. Халфина отмечает, что «...в последние годы делаются попытки толковать этот термин с точки зрения его философского значения». Данный автор в дальнейшем отмечает специфичность, конкретность содержания. Было бы ошибочным отождествление общеупотребительного и юридического³.

Очевидно, что в рамках ограниченного объема исследования нельзя более глубинно проникнуть в сущность объема понятия «юридическая ответственность». Мы же считаем, что более продуктивным является обращение к характеристике существующих концепций ретроспективной ответственности. При всей неоднородности они могут быть сведены к следующему: *мера государственного принуждения*⁴; *наказание*⁵; *реализация санкции*⁶; *обязанность претерпеть*

---

¹ См.: *Литинский Д.А.* Проблемы юридической ответственности / под ред. Р.Л. Хачатурова. СПб., 2003. С. 15–22.

² См.: *Халфина Р.О.* Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 317; *Малеин Н.С.* Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М., 1985. С. 128.

³ См.: *Халфина Р.О.* Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 316–317.

⁴ См.: *Самощенко И.С., Фарукишин М.Х.* Ответственность по советскому законодательству. М., 1971. С. 123–124; *Овсяян Ж.И.* Юридическая ответственность и государственное принуждение (Общетеоретическое и конституционно-правовое исследование). Ростов н/Д, 2005. С. 204.

⁵ См.: *Малеин Н.С.* Об институте юридической ответственности // Юридическая ответственность: проблемы и перспективы: ученые записки Тартусского государственного университета. Тарту, 1989. С. 30.

⁶ См.: *Явич Л.С.* Право и социализм. М., 1982. С. 135; *Лейст О.Э.* Санкции и ответственность по советскому праву (теоретические проблемы). М., 1981. С. 102–103.

лишения¹; обязанность принудительного исполнения²; обязанность дать отчет; осуждение³; реакция общества на правонарушение⁴; правовое отношение⁵.

Наличие различных подходов свидетельствует в пользу сложности явления. Наряду с этим необходимо отметить, что в каждом из них существуют рациональные элементы. Не вдаваясь в детальное рассмотрение названных подходов, следует отметить, что важное значение имеет вопрос момента возникновения отношений юридической ответственности. Именно с ним связывается возникновение взаимных прав и обязанностей у субъектов отношений юридической ответственности. В литературе отмечается, что отношения юридической ответственности возникают: с момента совершения правонарушения, безотносительно к тому, было оно обнаружено или не обнаружено уполномоченным субъектом⁶; применения мер процессуального пресечения⁷; предъявления обвинения⁸; принятия уполномоченными

---

¹ См.: *Алексеев С.С.* Общая теория права: в 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 277; *Витченко А.М.* Метод правового регулирования социалистических правовых отношений. Саратов, 1974. С. 132; *Иоффе О.С., Шаргородский М.Д.* Вопросы теории права. М., 1961. С. 314–318; *Кондратьева С.Л.* Юридическая ответственность: соотношение норм материального и процессуального права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 42; *Лаврентьев А.Р.* Коллизии института юридической ответственности в России: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999. С. 34; *Черданцев А.Ф., Кожевников С.Н.* О понятии и содержании юридической ответственности // Правоведение. 1976. № 6. С. 49–51.

² См.: *Братусь С.Н.* Юридическая ответственность и законность (очерк теории). М., 1976. С. 4.

³ См.: *Огуцов Н.А.* Правоотношение и ответственность в советском уголовном праве. Рязань, 1976. С. 159.

⁴ См.: *Лившиц Р.З.* Теория права. М., 1994. С. 147.

⁵ См.: *Базылев Б.Т.* Юридическая ответственность (теоретические вопросы). Красноярск, 1985. С. 70, 87; *Сенякин И.Н.* Юридическая ответственность // Теория государства и права / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 1997. С. 543.

⁶ См.: *Базылев Б.Т.* Юридическая ответственность (теоретические вопросы). Красноярск, 1985. С. 75.

⁷ См.: *Огуцов Н.А.* Правоотношения и ответственность в советском уголовном праве. Рязань, 1976. С. 161–162.

⁸ См.: *Брайнин Я.М.* Уголовная ответственность и ее основания в советском уголовном праве. М., 1963. С. 21–23; *Марцев А.И.* Уголовная ответственность как средство предупреждения преступлений: лекция. Омск, 1980. С. 24.

субъектами правоприменительного акта о назначении наказания (взыскания)¹.

Очевидно, что более аргументированным является подход, в соответствии с которым моментом возникновения ответственности выступает совершение правонарушения. «Любая ответственность – гражданско-правовая, уголовно-правовая, административно-правовая и т. д. возникает с момента совершения правонарушения. Именно с этого момента у правонарушителя возникает обязанность подвергнуться мерам юридической ответственности, а у государства появляется право и обязанность привлечь последнего к ответственности»².

Возникновением отношения ответственности выступает момент совершения правонарушения, но отношения юридической ответственности при этом находятся в потенциальном состоянии и материализуются в реальное отношение при получении повода к возбуждению соответствующего дела (уголовного, об административном правонарушении) и его соответствующем оформлении уполномоченным субъектом. В дальнейшем происходит назначение наказания (взыскания) и завершение его исполнением. В этой связи Н.В. Витруком было отмечено: «Установление правонарушения, определение меры юридической ответственности и ее реализация осуществляется в неразрывном действии норм материального и процессуального права. Реализация материальных норм юридической ответственности нуждается в четкой процессуальной регламентации. Движение (динамика) материального правоотношения ответственности неотделимо от

---

¹ См.: *Ребане И.А.* Убеждение и принуждение в деле борьбы с посягательствами на советский правопорядок // Ученые записки Тартуского университета. Труды по правоведению. Тарту, 1966. С. 11; *Санталов А.И.* Теоретические вопросы уголовной ответственности. Л., 1982. С. 62; *Щербаков В.В.* Уголовная ответственность и ее основание: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1998. С. 14.

² *Литинский Д.А.* Проблемы юридической ответственности / под ред. Р.Л. Хачатурова. СПб., 2003. С. 78.

соответствующей процессуальной формы, более того – зависит от нее»¹.

Рассматривая характеристику юридической ответственности, следует предостеречь от ее отождествления с наказанием (взысканием), что не соответствует существующей правовой действительности. В юридической литературе дореволюционного периода термин «ответственность» практически не использовался. Его заменял термин «наказание». Иллюстрацией существующего подхода является позиция Г.В. Шершеневича: «Последствия правонарушения выражаются, главным образом, в двух формах: 1) наказание; 2) вознаграждение за труд. Наказание состоит в причинении нарушителю права страданий отнятием у него какого-либо блага, обеспечивающему, как и всем гражданам, самим правом: жизни, свободы, телесной неприкосновенности, имущественной неприкосновенности (штраф, конфискация)»².

Разграничение ответственности и наказания (взыскания) важно в свете того, что юридическая ответственность может быть реализована и без применения наказания (взыскания). Такое возможно при наличии обстоятельств, освобождающих от наказаний по законодательству об административных правонарушениях³ и уголовно-правовому законодательству⁴.

Спорный характер носит разрешение вопроса системы юридической ответственности. Так, Н.В. Витруком было отмечено, что «традиционным является различие гражданско-правовой, материальной, дисциплинарной, административной и уголовной ответственности...»⁵. При осуществлении классификации указанным автором был использован комплексный подход, о чем свидетельствуют критерии дифференциации.

---

¹ Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности: монография. М., 2008. С. 267.

² Шершеневич Г.В. Общая теория права. Вып. III. М., 1912. С. 639.

³ См. статьи 2.6.1–2.6.2, 2.9, 24.5 КоАП РФ.

⁴ См. статьи 79–83 УК РФ.

⁵ Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности: монография. М., 2008. С. 93.

Наряду с этим необходимо отметить, что названные виды юридической ответственности существенно отличаются. Такое положение обусловлено тем, что потенциал административно-правовой, гражданско-правовой и уголовно-правовой ответственности используется для охраны общественных отношений, возникающих практически во всех сферах общественных отношений, то есть являются многоотраслевыми видами юридической ответственности. В то время как дисциплинарная и материальная ответственность охраняют трудовые и служебные отношения, то есть являются моновидами юридической ответственности.

Использование многофакторного подхода позволяет классифицировать юридическую ответственность по следующим основаниям: *с учетом системы права* различают юридическую ответственность в публичном и частном праве; *отраслевой критерий* позволяет на ответственность в области конституционно-правовых, административно-правовых, гражданско-правовых, трудовых, финансово-правовых и др. отношений; с учетом *фактических оснований* можно выделить конституционную, административную, гражданскую, дисциплинарную, материальную, уголовную ответственность; с учетом критерия *интенсивности применения* называют разовую и длящуюся ответственность; использование критерия *субъекта применения* дает возможность классифицировать юридическую ответственность на применяемую государственными и негосударственными субъектами; с учетом *характера наступаемых правоограничений* различают материальные, организационные, личные правоограничения; по *субъекту принуждения*, применяемые к физическим лицам, и универсальные, реализуемые как в отношении физических, так и юридических лиц; с учетом *порядка применения* различают применяемую в судебном и внесудебном порядке.

Известный интерес представляет обособление новых видов юридической ответственности. Развитие общественных отношений предполагает приспособление данного правового института к существующим и потенциальным вызовам. В этой связи

возникает вопрос о возможности охраны общественных отношений существующими видами юридической ответственности или необходимости формирования новых видов ответственности. Чаще всего к их числу относят финансовую, бюджетную, налоговую, таможенную, экологическую ответственность. Можно предположить, что развитие общественных отношений формирует новые виды юридической ответственности, однако это является недостаточным аргументом.

В юридической литературе повышенное внимание уделяется финансовой (финансово-правовой) ответственности, что является предметом многочисленных научных дискуссий¹. По мнению М.Б. Разгильдиевой, финансово-правовая ответственность представляет собой «ограничение прав лица, налагаемое в порядке, установленном финансово-правовыми нормами, в связи с совершением финансового правонарушения в целях предупреждения совершения иного правонарушения посредством наказания правонарушителя»².

С данной позицией сложно согласиться. Во-первых, финансовое право неоднородно и включает бюджетное, налоговое, эмиссионное, страховое, валютное право в качестве его институтов. В этой связи следует вести речь о соответствующих видах юридической ответственности.

---

¹ См.: *Емельянов А.С., Черногор Н.Н.* Финансово-правовая ответственность. М., 2004; *Саттарова Н.А.* Принуждение в финансовом праве / под ред. И.И. Кучерова. М., 2006; *Арсланбекова А.З.* Правовое регулирование финансовых санкций. Махачкала, 2007; *Затулина Т.Н.* Конституционные аспекты финансово-правовой ответственности // Финансовое право. 2007. № 3; *Мусаткина А.А.* Понятие позитивной финансово-правовой ответственности // Финансовое право. 2005 № 7; *Ее же.* Финансовая ответственность в системе юридической ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тольятти, 2004; *Разгильдиева М.Б.* Теория финансово-правового принуждения и сферы его применения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2011; *Тютин Ю.В.* Содержание финансово-правовой ответственности // Финансовое право. 2009. № 2; и др.

² *Разгильдиева М.Б.* Теория финансово-правового принуждения и сферы его применения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2011. С. 18.

Во-вторых, спорным видится наличие самостоятельного фактического основания предлагаемого вида юридической ответственности. Очевидно, что здесь следует вести речь об административных правонарушениях, реже о преступлениях в сфере финансовых отношений.

Иногда в качестве аргумента в пользу самостоятельности финансовой ответственности приводится наличие самостоятельной нормативной правовой базы. В этой связи показательной является позиция А.П. Зрелова, что «в настоящее время финансово-правовая ответственность благодаря наличию Налогового и Бюджетного кодексов получила свое наиболее четкое выражение в виде соответственно налогово-правовой ответственности, именуемой «ответственность за налоговые правонарушения», и бюджетно-правовой ответственности, именуемой «ответственность за нарушение бюджетного законодательства»¹.

С данной позицией также нельзя согласиться, так как в настоящее время действует более двадцати кодифицированных нормативных правовых актов, но это не позволяет обосновывать наличие соответствующих видов юридической ответственности.

Необходимо обратиться к авторитетному мнению Ю.А. Тихомирова, который указал на существующие недостатки нормативного правового регулирования института административной ответственности: «КоАП РФ должен был заменить положения об административной ответственности, содержащиеся в тематических отраслевых законах – НК РФ, ТмК РФ, ЗК РФ и ГрК РФ. Например, последние изменения, синхронно внесенные в Административный и Таможенный кодексы, демонстрируют отказ ТмК РФ в регулировании вопросов административной ответственности, как это было ранее.

Однако эта задача решена не в полном объеме, и некоторые виды административных правонарушений по-прежнему устанавливаются в тематических законах, в частности в Налоговом кодексе; нет полного соответствия статей об административной

---

¹ Цит. по: *Грачева Е.Ю., Щекин Д.М.* Комментарий к диссертационным исследованиям по финансовому праву. М., 2009. С. 563.

ответственности Бюджетного кодекса и КоАП РФ»¹. Данная позиция была высказана в литературе и другими исследователями².

Критическую оценку обоснования новых видов юридической ответственности дал П.П. Серков. Данным автором была отмечена несостоятельность выдвигаемых при этом аргументов, в связи с чем делается вывод, что «налоговое законодательство и налоговые правоотношения должны быть объектами защиты традиционных видов юридической ответственности, в том числе мерами административной ответственности»³.

Схожую позицию занимает С.М. Зырянов: «Уголовная и административная ответственность охраняют отношения любой природы (конституционные, гражданские, трудовые, семейные, экологические, финансовые, административные и др.). Поэтому, кстати, утверждение о существовании отраслевых видов юридической ответственности (экологической, финансовой и т. д.) не имеют смысла»⁴.

Целесообразно обратиться к точке зрения Н.В. Витрука по данной проблеме: «Для выводов о бюджетной, налоговой, таможенной и других видах юридической ответственности нет достаточных научных и правовых оснований, так как в конечном счете авторы вынуждены признать, что в обозначенных сферах общественных отношений государство в качестве охранных средств использует меры традиционных видов юри-

---

¹ Тихомиров Ю.А. Административное право и процесс: полный курс. 2-е изд. М., 2005. С. 629.

² См.: Салищева Н.Г. Проблемные вопросы института административной ответственности в России // Государство и право. 2005. № 1. С. 5–27; Хаманева Н.Ю. Административная ответственность за нарушение законодательства о налогах и сборах // Административная ответственность: вопросы теории и практики / под ред. Н.Ю. Хаманевой. М., 2005. С. 73.

³ Серков П.П. Административная ответственность в российском праве: современное осмысление и новые подходы: монография. М., 2012. С. 403.

⁴ Зырянов С.М. Административная ответственность как самостоятельный вид юридической ответственности // Юридическая ответственность: современные вызовы и решения: материалы VIII Ежегодных научных чтений памяти профессора С.Н. Братуся / отв. ред. Н.Г. Доронина. М., 2013. С. 118.

дической ответственности – гражданско-правовую, имущественную, дисциплинарную, административную и уголовную ответственность. Подтверждению этого служит действующее законодательство»¹.

В настоящее время не следует идти по пути поиска «новых» видов юридической ответственности, а «освободить ряд нормативных правовых актов от мер административной ответственности, включив нормы, содержащие административную ответственность, в КоАП РФ»².

Универсальный характер юридической ответственности предопределил его широкое применение при охране самого широкого спектра общественных отношений. При этом следует взвешенно подходить к использованию данного правоохранительного средства. Необходимо исходить из того, что применение любого вида юридической ответственности влечет за собой наступление правоограничений. Между тем не следует без необходимых оснований отказываться от применения данной формы государственного принуждения. Отрадным является тот факт, что почти три десятилетия назад было предложено широко использовать механизм экономической ответственности. В этой связи М.А. Коробейников отметил: «Широкое применение экономической ответственности в механизме хозяйствования путем усиления роли персональной, личной ответственности кадров за ясно и точно поставленные задачи в ходе перестройки выдвигается на первый план»³.

Цитируемый автор отметил, и с этим следует согласиться, что специфика экономических отношений нуждается в потенциале юридической ответственности. Наряду с этим, в полной мере нельзя разделить точку зрения об объединении

---

¹ *Витрук Н.В.* Общая теория юридической ответственности: монография. М., 2008. С. 130.

² См.: *Аникеенко Ю.Б.* Проблемы квазиадминистративной ответственности юридических лиц // Государство и право в условиях глобализации: проблемы и перспективы: тезисы научных докладов Международной научно-практической конференции. Екатеринбург, 2004. С. 260–265.

³ *Коробейников М.А.* Механизм экономической ответственности. М., 1989. С. 27.

как позитивных, так и ретроспективных аспектов юридической ответственности. Ответственное отношение субъектов экономической деятельности к исполнению своих обязанностей имеет важное значение, но в данном случае следует вести речь о добросовестном поведении в экономической сфере. Сущность экономической юридической ответственности должна, по нашему мнению, заключаться в постпротивоправном реагировании на факт совершения правонарушения в данной сфере.

Значительным потенциалом в механизме правоохраны обладают *меры защиты*. Такое положение обусловлено необходимостью восстановления прав граждан, пострадавших от правонарушений. Истоки данных мер обнаруживаются в части 1 статьи 45 Конституции РФ, в которой определено, что государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется. Наряду с этим гражданам предоставлена возможность самостоятельно использовать не запрещенные законом средства¹, а также обращаться к государственной защите, в том числе с использованием судопроизводства².

На потенциал мер защиты в охране общественных отношений было обращено внимание С.С. Алексеева³. Данная позиция нашла поддержку в отраслевой юридической науке. «Эти меры непосредственно направлены на восстановление нарушенных правоотношений, на принудительную реализацию невыполненной обязанности, восстановление нарушенных прав. Применяя восстановительные меры, государственные органы охраняют правопорядок путем принудительного восстановления того, что было, возмещение того, что потеряно»⁴.

---

¹ См.: Горбачева С.В. Самозащита прав по российскому законодательству: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005; Мальцев М.Н. Самозащита субъективных прав по российскому законодательству (теоретико-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006.

² Статья 46 Конституции РФ.

³ См.: Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Свердловск, 1964. Вып. 2. С. 184–189.

⁴ Бахрах Д.Н. Советское законодательство об административной ответственности: учебное пособие. Пермь, 1969. С. 157.

Обращение к юридической литературе позволяет отметить, что проблематика мер защиты постепенно входит в орбиту доктринального внимания¹. При этом законодатель также использует понятие «защита» как в названиях федеральных законов, а также и в их текстах: ФЗ «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг»², ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля»³, ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизвод-

---

¹ См.: *Алексеев Н.А.* Защита конституционных прав граждан РФ: теория и практика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1993; *Антокольская М.В.* Меры защиты и ответственности в алиментных обязательствах // Советское государство и право. 1990. № 8; *Ардашкин В.Д.* Меры защиты (пресечения) в советском административном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1968; *Бессолицын А.Г.* Цели и функции юридических мер защиты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2009; *Евдокимов С.В.* Правовосстановительные меры в российском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999; *Звягинцева Л.М.* Меры защиты в советском семейном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1980; *Кархалев Д.Н.* Соотношение мер защиты и мер ответственности в гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003; *Кожевников С.Н.* Меры защиты в советском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1968; *Левков А.А.* Меры защиты в российском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2002; *Литинский Д.А., Мусаткина А.А.* Юридическая ответственность, санкции и меры защиты: монография. М., 2013. С. 124–134; *Стоякин Г.Я.* Меры защиты в советском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1973; *Тунтаев Р.И.* Система мер защиты права интеллектуальной собственности: общетеоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2011; *Чертов А.В.* Правовосстановительная ответственность и ее место в системе юридических мер защиты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007; *Ярошенко К.Б.* Совершенствование гражданско-правовых форм защиты личных неимущественных прав граждан по советскому праву: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1990.

² О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг: федеральный закон от 5 марта 1999 г. № 46-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1999. № 10, ст. 1163.

³ О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля: федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ // Российская газета. 2008. 30 декабря.

ства»¹, ФЗ «О защите конкуренции»², ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»³.

Наряду с этим получила распространение практика использования в текстах законов терминов «защита», «меры защиты (безопасности)» в различных интерпретациях. Например, статьями 11–13 ФЗ «О чрезвычайном положении»⁴ закреплён перечень мер, которые могут быть применены при введении данного экстраординарного правового режима. В главе 2 ФЗ «О специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мерах при импорте товаров»⁵ регламентируются специальные защитные меры, которые применяются для защиты определенных товаров. Статьей 5 ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов»⁶ определен перечень мер безопасности, которые могут быть применены для обеспечения защиты жизни и здоровья данной категории служащих, членов их семей, сохранности их имущества. В статье 9 ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»⁷ определены «меры по защите прав ребенка при осуществлении деятельности в области его образования и воспитания».

---

¹ О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ // Российская газета. 2004. 25 августа.

² О защите конкуренции: федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ // Российская газета. 2006. 27 июля.

³ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Российская газета. 2006. 29 июля.

⁴ О чрезвычайном положении: федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23, ст. 2277.

⁵ О специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мерах при импорте товаров: федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 165-ФЗ // Российская газета. 2003. 17 декабря.

⁶ О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов: федеральный закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ // Российская газета. 1995. 26 апреля.

⁷ Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ // Российская газета. 1998. 5 августа.

Несмотря на очевидную принудительную сущность, их видовую специфичность меры защиты далеко не всегда выделяются в качестве самостоятельной формы государственного принуждения¹. По мнению О.В. Николайченко, меры защиты, как и восстановительные меры, относятся к пресекательным мерам². В ряде случаев меры защиты относят к разновидностям санкций³. О.Э. Лейст выделял две разновидности санкций: правовосстановительные и штрафные. В этой связи высказана точка зрения, что реализация правовосстановительных санкций приводит к реализации правовосстановительной ответственности, которая наступает и при неисполнении деликтных обязательств⁴. Приведенная точка зрения нашла поддержку в литературе⁵.

Признавая наличие публикаций, авторы которых отрицали самостоятельность мер защиты, их отождествление с мерами защиты, большинство исследователей обособляют названные меры в отдельную форму. Так, С.С. Алексеев обращает внимание на ошибочность отнесения принудительного исполнения возложенной на субъекта юридической обязанности или восстановления нарушенного правового состояния (признание акта недействительным, принудительное взыскание налога, привод, задержание, арест, установление алиментных обязанностей и т. д. является не юридической ответственностью, а мерами защиты)⁶.

---

¹ См.: Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву (теоретические проблемы). М., 1981. С. 90–96.

² См.: Николайченко О.В. Последствия несоблюдения гражданских процессуальных норм: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. С. 12.

³ См.: Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву (теоретические проблемы). М., 1981. С. 96.

⁴ См.: Общая теория государства и права: академический курс: в 2 т. / под ред. М.Н. Марченко. М., 1998. Т. 2. С. 602–612.

⁵ См.: Самощенко И.С., Фарушкин М.Х. Ответственность по советскому законодательству. М., 1971. С. 58–60; Тархов В.А. Понятие юридической ответственности // Правоведение. 1973. № 2. С. 33–40; Его же. Гражданско-правовая ответственность и меры защиты // Саратов. 1977. Вып. 3. Хозяйство, право, управление. С. 15–21.

⁶ См.: Алексеев С.С. Общая теория социалистического права: курс лекций. М., 1971. С. 184–187.

С.В. Евдокимовым дано убедительное обоснование того, что меры защиты являются самостоятельной формой государственного принуждения и их отождествление с другими мерами, прежде всего предупреждения и пресечения, является ошибочным. «Если правовые последствия предупредительных (превентивных) мер заключаются в превенции возможных правонарушений, а правовые последствия пресекательных мер – в прекращении (пресечении) правонарушения, то правовые последствия правосоставления состоят в восстановлении (возрождении) нарушенного субъективного права в полном объеме его первоначального (до нарушения) состояния»¹. Названным автором было отмечено, что меры защиты (правовосстановительные меры) отличаются от других форм государственного принуждения в силу функций, оснований, процесса (порядка) применения, порождаемых правовых последствий, субъектной направленности, наличия (невозможности) применения альтернатив, возможности самостоятельного исполнения соответствующих мер без властного вмешательства уполномоченного субъекта².

Одной из проблем мер защиты, которая выступает предметом дискуссии, является использование понятийного аппарата. В литературе рассматриваемое явление определяется посредством терминов «меры защиты», «правовосстановительные меры», «меры пресечения», «объективные санкции» и т. д., однако чаще всего используются термины – «мера защиты» и «правовосстановительная мера».

По мнению С.Н. Кожевникова, термин «меры защиты» во многом носит условный характер и применяется к восстановительным мерам правового воздействия, целью которых является защита нарушенных субъективных прав³. Другими словами, предлагается использовать термины «мера защиты» и «правоостановительная мера» в качестве синонимов.

---

¹ *Евдокимов С.В.* Правовосстановительные меры в российском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999. С. 84.

² См. там же. С. 94–100.

³ См.: *Кожевников С.Н.* Меры защиты в советском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1968. С. 4.

Схожей позиции придерживался и С.С. Алексеев, которым было отмечено, что меры защиты носят отчетливо выраженный восстановительный характер, главной целью их применения является защита права – «государственно-принудительная деятельность, направленная на осуществление «восстановительных» задач – на восстановление нарушенного права, обеспечение исполнения юридической обязанности»¹. Данный автор и в последующих своих работах придерживался такой позиции².

Необходимо отметить тот факт, что и в отраслевой литературе встречаются различные подходы по использованию терминологического аппарата. В этой связи Д.Н. Бахрах пишет: «Восстановительные меры применяются с целью возмещения причиненного ущерба, восстановления прежнего положения вещей»³. В то же время другой специалист в области административного права по данному вопросу придерживается противоположной точки зрения. «Таким образом, меры защиты – государственно-властная, принудительная деятельность, направленная на осуществление восстановительных задач, на восстановление нарушенного права, обеспечение исполнения юридической обязанности (в гражданском праве такие меры могут быть представлены признанием сделки недействительной с возвращением сторон в первоначальное имущественное положение, переводом неисправного плательщика на предварительную оплату счетов, реальным исполнением договорных обязательств (допоставка, доукомплектование продукции); в семейном праве – взысканием алиментов; отобранием детей без лишения родительских прав; в административном праве – принудительным лечением; взысканием денежных сумм (налогов); в трудовом праве – восстановлением на работе незаконно уволенных лиц)»⁴.

---

¹ Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 280.

² См.: Алексеев С.С. Государство и право: начальный курс. 2-е изд. перераб. и доп. М., 1994. С. 101.

³ Бахрах Д.Н. Административная ответственность граждан в СССР: учебное пособие. Свердловск, 1989. С. 190–191.

⁴ Леженин А.В. Административно-предупредительные меры правового принуждения: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2004. С. 20.

Специалист в области уголовного судопроизводства И.Л. Петрухин отождествляет меры защиты и праввосстановительные меры: «Под мерами защиты правопорядка следует понимать применение компетентными органами государства праввосстановительных санкций или других принудительных мер для восстановления нарушенного правопорядка, обеспечения обязанностей, возложения на гражданина, общественную или государственную организацию, чтобы способствовать реализации прав, осуществление которых по тем или иным причинам затруднительно для гражданина»¹.

Вместе с тем, С.В. Евдокимов стоит на позиции необходимости проведения различия между «мерами защиты» и «праввосстановительными мерами». Термин «меры защиты» более широкий по объему и наряду с восстановлением нарушенного права решает задачи предупреждения и пресечения правонарушений. Данным автором предлагается под «праввосстановительными мерами понимать «средства государственно-правового принудительного воздействия, применяемые управомоченными субъектами в целях восстановления нарушенного правоотношения (независимо от субъективных оснований) путем понуждения субъекта к исполнению ранее возложенной, но не выполненной юридической обязанности»².

Мы полагаем, что отсутствуют аргументы для расширения объема понятия «меры защиты» за счет включения в него мер других форм государственного принуждения. В этой связи мы считаем, что более убедительной по этому вопросу является точка зрения, высказанная В.К. Бабаевым и В.М. Барановым: «Меры защиты (восстановления) – разновидность правового принуждения, представляющего собой деятельность по обеспечению исполнения юридической обязанности, защиту права (принудительное изъятие вещи на основе

---

¹ Петрухин И.Л. Уголовно-процессуальное принуждение. М., 1985. С. 67.

² Евдокимов С.В. Праввосстановительные меры в российском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999. С. 48.

виндикационного иска, исключение имущества из описи, признание акта недействительным)»¹.

Полагаем, что терминологические споры вокруг рассматриваемого явления носят искусственный характер и не способствуют проникновению в сущность рассматриваемой проблематики. Важнейшим критерием в пользу самостоятельного статуса мер защиты в качестве формы государственного принуждения является их целевое назначение. Следует отметить, что по данному вопросу отсутствует единство. Так, по мнению А.А. Мусаткиной, мерам защиты свойственны цели «предупреждения, пресечения, регулирования, восстановления, а также обеспечения безопасности»². В данном случае имеет место причисление к целям мер защиты таких, которые достигаются (должны быть достигнуты) посредством применения мер других форм государственного принуждения, в частности, предупреждения и пресечения. Данная точка зрения получила поддержку в литературе³.

Опасность такого подхода заключается в том, что посредством мер защиты будут предприниматься попытки по достижению целей, которые не могут быть ими достигнуты. Очевидно, что меры защиты заключают в себе предупредительный и пресекательный потенциал, но он реализуется в рамках доминирующей цели восстановления нарушенного правового состояния. В.Д. Ардашкиным в этой связи было отмечено, что «назначение мер защиты: прекратить нарушение правопорядка (правовую аномалию), восстановить нормальные правовые связи и отношения путем принуждения субъекта к исполнению ранее возложенной, но не выполненной юридической обязанности»⁴.

---

¹ *Бабаев В.К., Баранов В.М.* Общая теория права: краткая энциклопедия. 1997. С. 158.

² *Литинский Д.А., Мусаткина А.А.* Юридическая ответственность, санкции и меры защиты: монография. М., 2013. С. 129.

³ См.: *Звягинцева Л.М.* Меры защиты в советском семейном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1980. С. 10; *Левков А.А.* Меры защиты в российском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2002. С. 7; *Бессолицын А.Г.* Цели и функции юридических мер защиты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 10.

⁴ *Ардашкин В.Д.* О принуждении по советскому праву // Советское государство и право. 1970. № 7. С. 37.

В пользу самостоятельности мер защиты выступает их закрепление в структуре нормы права, которые содержатся в особых правовых санкциях (правовосстановительные санкции). В.В. Серегиной в этой связи было отмечено: «Нормативной основой правосстановительных форм принуждения служат так называемые правосстановительные санкции»¹.

Мы не разделяем позицию тех авторов, которые допускают альтернативную форму закрепления мер защиты. В этой связи А.А. Мусаткина полагает, что одним из признаков мер защиты является то, что «они могут быть закреплены как в санкции, так и в диспозиции норм права»². Такая точка зрения явилась результатом того, что данный автор к мерам защиты относит те, которые являются мерами предупреждения.

С.В. Евдокимов при рассмотрении специфики закрепления мер защиты отмечает: «Во-первых, санкции служат нормативной основой для правосстановительных мер. Во-вторых, понятие «санкции» шире понятия «праввосстановительные меры», а точнее – правосстановительные меры есть не что иное, как реализация санкции правовой нормы»³.

При характеристике мер защиты следует учитывать, что они являются результатом постпротивоправной реакции на факт причинения вреда общественным отношениям. При сравнении их с мерами предупреждения, которые применяются при отсутствии реального факта (презюмируемого), в данном случае речь идет о реакции на факт причинения вреда. В этой связи реализация мер защиты до совершения факта причинения вреда или в момент его причинения является противоправным и требует соответствующей правовой оценки.

Расширению практики применения мер защиты способствует их потенциальная возможность реализации как при

---

¹ *Серегина В.В.* Государственное принуждение по советскому праву. Воронеж, 1991. С. 95.

² *Липинский Д.А., Мусаткина А.А.* Юридическая ответственность, санкции и меры защиты: монография. М., 2013. С. 127.

³ *Евдокимов С.В.* Праввосстановительные меры в российском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999. С. 55.

виновном, так и невиновном невыполнении соответствующей юридической обязанности. В ходе применения большинства мер государственного принуждения установление вины принуждаемого является обязательным¹. Меры предупреждения и гражданской ответственности в некоторых случаях могут быть применены при отсутствии вины принуждаемого. В этой связи следует разделить точку зрения А.М. Хужина: «В данном случае субъективная сторона не имеет значения для реализации мер защиты, для их применения достаточно объективного факта нарушения правопорядка. Таким образом, невиновное нарушение выступает одним из фактических оснований применения мер защиты»².

Нельзя согласиться с тем, что меры защиты реализуются при невиновном поведении, а меры ответственности – при виновном поведении субъектов³. В этой связи О.Ю. Ситкова сделала весьма спорный вывод, что «одна санкция – отмена усыновления, выступает в разных видах – мера защиты для усыновленного при отсутствии виновного поведения и мера ответственности для усыновителей при их виновном поведении»⁴. Принимая во внимание, что меры защиты реализуются в случае необходимости восстановления нарушенного правового состояния, то есть безотносительно к наличию вины, пунктом 3 статьи 1259 ГК РФ определено, что отсутствие вины нарушителя не освобождает его от обязанности прекратить нарушение интеллектуальных прав, а также не исключает применение в отношении нарушителя мер, направленных на защиту таких прав.

---

¹ См.: *Хужин А.М.* Невиновное поведение в праве: методология, теория, практика: монография. М., 2012; *Его же.* Невиновное поведение в праве (общетеоретический аспект): дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2013.

² *Хужин А.М.* Меры защиты как гарантии экономической безопасности при невиновном нарушении прав // *Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения*: Вестник Нижегородской академии МВД России. Н. Новгород, 2009. № 1 (10). С. 60.

³ См.: *Копцев А.Н., Копцева Л.А.* К вопросу об ответственности в семейном праве // Семейное и жилищное право. 2010. № 1. С. 10.

⁴ *Ситкова О.Ю.* Меры ответственности и меры защиты нарушенных субъективных прав в семейном праве // *Правоведение*. 2011. № 2. С. 225.

В ходе применения мер защиты важное значение имеет порядок их реализации (процессуальная форма). В этой связи следует согласиться с С.В. Евдокимовым, который пишет: «Совершенствование процедур восстановления нарушенных прав и свобод индивида – важнейшая и неотложная задача Российского государства»¹. Показательной здесь является позиция О.Э. Лейста, который не обособлял мер защиты в качестве самостоятельной формы государственного принуждения, тем не менее, отмечает: «...предположение, что так называемые «меры защиты» (то есть правосстановительные санкции) не относятся к «мерам ответственности», ведет к выводу, что они могут осуществляться *вне процессуальных форм* (курсив наш. – Н.М.), обеспечивающих принуждаемому защиту его прав и охраняемых законом интересов»². Данную точку зрения нельзя разделить, так как все меры государственного принуждения должны быть реализованы исключительно только в соответствующем процессуальном порядке. При этом данные формы будут отличаться в зависимости от интенсивности принудительного воздействия.

С учетом изложенного меры защиты можно определить в качестве формы государственного принуждения, системы правовых мер, применяемых уполномоченными субъектами в установленном процессуальном порядке в целях защиты и восстановления нарушенного правового состояния путем понуждения субъекта к исполнению ранее возложенной, но не исполненной обязанности независимо от вины нарушителя.

Меры защиты весьма неоднородны – это отмена незаконных актов; возмещение ущерба (вреда), причиненного преступлениями; взыскание недоимки; взыскание пени; возврат излишне взысканного налога (сбора); сокращение лимитов бюджетных обязательств; изъятие бюджетных средств; списание в беспорядном порядке сумм бюджетных средств, выданных

---

¹ Евдокимов С.В. Правосстановительные меры в российском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999. С. 123.

² Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву (теоретические проблемы). М., 1981. С. 96.

на возвратной основе; списание процентов (платы) за пользование бюджетными средствами, выданными на возвратной основе; списание в бесспорном порядке сумм бюджетных средств, используемых не по целевому назначению; пени за несвоевременный возврат средств бюджета, предоставленных на возвратной основе, просрочку уплаты процентов за пользование бюджетными средствами, предоставленными на возвратной основе; изъятие имущества и документов; принудительное прекращение права собственности; взыскание незаконно полученного; снос самовольно возведенного строения; административное выселение из незаконно занимаемых жилых помещений; восстановление положения, существовавшего до нарушения права; ограничение размера удержаний из заработной платы; восстановление работника на прежней работе; возмещение среднего заработка работнику за все время вынужденного прогула; выплата разницы в заработной плате при выполнении нижеоплачиваемой работы; изменение записи основания увольнения

Завершая рассмотрение вопроса классификации государственного принуждения, необходимо подчеркнуть, что их отличает неоднородность. Такое положение, с одной стороны, дает возможность решать широкий круг правоохранительных задач, а с другой – порождает проблему выбора соответствующих мер государственного принуждения. При этом следует учитывать, что в ряде случаев эффективное решение правоохранительных задач требует комплексного использования различных мер, которые как входят в одну форму государственного принуждения, так и относятся к различным ее формам. В случае комплексного применения мер государственного принуждения следует принимать во внимание порядок, в том числе очередность применения соответствующих мер. Наряду с этим эффективность правоохранительной деятельности требует использования как принудительного, так и непринудительного государственного управленческого и общественного воздействия.

ГЛАВА 2

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ПРАВООХРАНЫ

---

§ 1. Понятие экономической безопасности

Каждое государство должно обладать мощным экономическим потенциалом, который призван создать должные условия для реализации прав и свобод граждан. При этом следует учитывать, что данные права и свободы не ограничиваются экономическим блоком, а включают всю их систему, которая закреплена в главе 2 Конституции РФ¹. Такое положение объясняется тем, что экономика является материальной основой для функционирования общества, всех его сфер.

Законодатель в последнее время обратил внимание на проблему нормативного правового регулирования отношений в области безопасности² и экономической безопасности

---

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Собрании законодательства РФ. 2014. № 31, ст. 4398.

² О безопасности: закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 (утратил силу) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 15, ст. 769; О безопасности: федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1, ст. 2; Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 1300 (утратил силу) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 52, ст. 5909; О Концепции национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 10 января 2000 г. № 24 (утратил силу) // Собрание законодательства РФ. 2000. № 2, ст. 170; Вопросы Совета Безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 6 мая 2011 г. № 590 // Собрание законодательства РФ. 2011. № 19, ст. 2721; Об отдельных специальных экономических мерах, применяемых в целях обеспечения безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 29 июля 2015 г. № 391 // Собрание законодательства РФ. 2015. № 31, ст. 4669; О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1, ч. II, ст. 212; и др.

в частности¹. Такое направление вектора нормативного правового внимания субъекта правотворчества вполне оправданно. Качественное нормативное правовое регулирование является обязательным условием должного обеспечения безопасности вообще и экономической в частности.

Рассмотрение нормативных правовых актов, регулирующих отношения в сфере экономической безопасности, позволяет выявить ряд недостатков. Учитывая значимость экономической безопасности как объекта правовой охраны, было бы целесообразным разработать и принять соответствующий федеральный закон, проект которого нами был предложен². Его принятие позволило бы поднять на более высокий уровень нормативное правовое регулирование по охране экономических отношений,

---

¹ О государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (Основных положениях): указ Президента РФ от 29 апреля 1996 г. № 608 (утратил силу) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 18, ст. 2117; О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 6 августа 2014 г. № 560 // Собрание законодательства РФ. 2014. № 32, ст. 4470; Об отдельных специальных экономических мерах, применяемых в целях обеспечения безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 29 июля 2015 г. № 391 // Собрание законодательства РФ. 2015. № 31, ст. 4669; О мерах по обеспечению экономической безопасности и национальных интересов Российской Федерации при осуществлении международных транзитных перевозок грузов с территории Украины на территорию Республики Казахстан или Киргизской Республики через территорию Российской Федерации: указ Президента РФ от 1 января 2016 г. № 1 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1, ч. II, ст. 215; О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20, ст. 2902; О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 1 января 2016 г. № 1 «О мерах по обеспечению экономической безопасности и национальных интересов Российской Федерации при осуществлении международных транзитных перевозок грузов с территории Украины на территорию Республики Казахстан или Киргизской Республики через территорию Российской Федерации»: постановление Правительства РФ от 1 января 2016 г. № 1 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 2, ч. I, ст. 408.

² См.: Макарейко Н.В. Государственное принуждение в механизме обеспечения экономической безопасности: теоретические и прикладные проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2016. С. 15.

представить в распоряжение правоприменителей необходимый правовой инструментарий. Наряду с этим такое законодательное решение явилось бы логическим шагом по пути систематизации законодательства в сфере обеспечения экономической безопасности и минимизации подзаконного нормативного правового регулирования.

Реформирование нормативного правового регулирования требует доктринального осмысления ряда аспектов экономической безопасности. К их числу относятся и содержание экономической безопасности. Обращение к Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года (далее – Стратегия экономической безопасности) позволяет отметить, что там предложено следующее определение понятия: «Экономическая безопасность – состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации»¹.

Следует отметить, что практически во всех работах, посвященных проблематике экономической безопасности, как правило, предлагаются соответствующие определения, понятия, но этого не достаточно для целостного восприятия рассматриваемого явления. Категория «экономическая безопасность» относительно недавно введена в научный оборот. Первенство здесь принадлежит США. Кризисные явления в североамериканской экономике в первой трети XX столетия выдвинули на повестку дня проблему принципиального переосмысления роли государства в обществе, а в сфере экономики особенно. Потенциал саморегулирования экономики в условиях кризиса показал свою несостоятельность и потребовал всемерного повышения потенциала органов государства в регулировании экономических отношений. Наряду с этим

---

¹ О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20, ст. 2902.

следует принимать во внимание социальную составляющую экономических кризисов – массовое обнищание населения. В сложившихся условиях возникла потребность в принятии неотложных антикризисных мер, что и явилось поводом для провозглашения президентом США Ф.Д. Рузвельтом «нового курса» («New Deal»), в рамках которого была сформирована программа по выходу из кризиса. В этот период впервые было использовано на официальном уровне сочетание «национальная экономическая безопасность». В целях субъектного обеспечения контроля за осуществлением программы антикризисных мер в 1934 году был создан Комитет по экономической безопасности (Committee on Economic Security).

Следует признать, что обеспечение экономической безопасности в США и в настоящее время остается одним из приоритетных направлений деятельности.

Значительное внимание вопросам экономической безопасности уделяется в государствах Западной Европы. Так, немецкий автор Н. Machowski отмечает, что экономическая безопасность призвана обеспечить достаточно высокую степень независимости от партнера по жизненно важным экономическим параметрам, которые в случае их нарушения не влияют на свободу выбора в политических решениях и неприемлемы с коммерческой точки зрения¹.

При анализе экономической безопасности Н. Maul акцентирует внимание на том, что экономическую безопасность следует понимать как отсутствие существенной угрозы, которая является минимальной к приемлемому уровню основных ценностей, который нация считает необходимым. Реальная угроза экономической безопасности возникает в том случае, когда внешние экономические параметры изменяются до такой степени, что возникают условия, способные разрушить существующую социально-политическую систему. Наряду с этим источник угрозы приводит к отторжению от наших первостепенных

---

¹ See: *Machowski H. Ost-West Handel: Entwicklung, Interessenlagen, Aussichten // Aus Politik. Zeitgeschichte. Bonn. № 5. S. 5–18.*

ценностей¹. Важным является тот факт, что экономическая безопасность, ее обеспечение признается необходимым, в то время как наличие угроз, их несвоевременное устранение рассматривается как посягательство на общественные ценности.

В советской плановой экономике проблема экономической безопасности в четко структурированном виде не рассматривалась и не была включена в официальный и научный лексиконы. Академик РАН ССР Л.И. Абалкин в числе первых задействовал термин «экономическая безопасность» в ходе проведения научных исследований². Такое решение вполне оправданно, так как сформировавшаяся экономическая ситуация, мощнейшая дезорганизация экономических отношений в России, усиление различного рода угроз, невозможность их качественной защиты потребовали не только ввести в официальный оборот термин «экономическая безопасность», но и принять меры по ее реальной защите.

Анализируя существующие подходы по восприятию экономической безопасности, Н.Н. Потрубач сводит их в следующие группы:

- гипотетическое отсутствие опасности, самой возможности каких-либо потрясений, катаклизмов для социума;
- реальная защищенность от опасностей, способность надежно противостоять им³.

Сложность явления экономической безопасности предопределило отсутствие единства в ее восприятии. Так, Р.Г. Халиуллин в диссертационном исследовании показал существующий широкий содержательный спектр подходов по определению понятия «экономическая безопасность» в российской и зарубежной литературе⁴.

---

¹ See: *Maul H. Raw materials, energy and Western security*. L., 1984.

² См.: *Абалкин Л.И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики*. 1994. № 12. С. 4–13.

³ См.: *Потрубач Н.Н., Борисевич А.Н. Социально-экономическая безопасность социума // Социально-гуманитарные знания*. 2001. № 3. С. 154.

⁴ См.: *Халиуллин Р.Г. Структурно-функциональный анализ экономической безопасности России: дис. ... канд. юрид. наук*. Н. Новгород, 2008. С. 33–37.

В свою очередь, С.Н. Максимов¹ объединил существующие подходы по определению понятия «экономическая безопасность» в следующие группы. К первой отнесены исследования, авторы которых связывают экономическую безопасность «с уровнем развития экономики, необходимым для защиты важнейших интересов». При этом названный подход наиболее широко представлен в литературе². Сторонники второго подхода рассматривают экономическую безопасность во взаимосвязи условий и факторов, которые обеспечивают независимость национальной экономики, а в долгосрочной перспективе – в производстве максимального объема экономических ресурсов на душу населения³. Третий подход представлен авторами, которые связывают экономическую безопасность со способностью национальной экономики эффективно удовлетворять потребности общества на международном и международном уровнях⁴.

Предваряя формирование авторской дефиниции «экономическая безопасность», следует учесть ряд обстоятельств, названных В.М. Барановым.

1. Центральным звеном законодательной конструкции должно стать понимание того, что экономическая безопасность – это особое, специфическое и неотъемлемое состояние общества, государства и личности.

---

¹ См.: Максимов С.Н. Административно-правовое обеспечение экономической безопасности в Российской Федерации: концептуальные и методические аспекты: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 28–30.

² См.: Багланов И.Я. Экономическая безопасность России: теория и практика. М., 2001; Вечканов Г.С. Экономическая безопасность. СПб., 2007; Гордиенко Д.В. Основы экономической безопасности государства. М., 2009; Кочергина Т.Е. Экономическая безопасность. Ростов н/Д, 2007; Сенчагов В.К. Экономическая безопасность. М., 2005; и др.

³ См.: Абалкин Л.И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. 1994. № 12; Илларионов А.И. Критерии экономической безопасности // Вопросы экономики. 1998. № 10. С. 49; и др.

⁴ См.: Афонцев С.А. Дискуссионные проблемы национальной экономической безопасности // Россия XXI. 2001. № 2. С. 66; Грунин О.А., Макаров А.Д. Экономическая безопасность: учебник для вузов. М., 2010; и др.

2. Принципиальным элементом содержания понятия «экономическая безопасность» выступает стабильность, при которой хозяйствующие субъекты (в целом государство, его составные части, производственные и общественные объединения, граждане) свободно, самостоятельно и инициативно осуществляют свою деятельность, не нанося вреда другим агентам экономической сферы.

3. Говоря о законодательном фиксировании понятия «экономическая безопасность государства», нельзя упускать из вида необходимость обозначения юридической составляющей рассматриваемого феномена.

4. Трудно согласиться с теми авторами, которые отстаивают мысль о том, что у экономической безопасности существует несколько уровней: ...безопасность либо есть, либо ее нет, слабой (низкой, неудовлетворительной и т. п.) безопасность быть не может.

5. Актуальной исследовательской проблемой является определение целей экономической безопасности, что обязательно должно отразиться в законодательной дефиниции.

6. На фоне дальнейшей разработки и уточнения такого понятия, как «экономическая угроза», необходим анализ сопутствующих понятий, среди которых особенно выделяются категории «экономическая опасность» и «экономическое бедствие»¹.

При анализе содержания и дальнейшего формирования определения понятия «экономическая безопасность» необходимо установить особенности, отличающие ее от других смежных явлений.

Одной из важнейших особенностей *экономической безопасности* считается то, что она является видом (составным элементом) национальной безопасности. Данная диалектическая взаимосвязь, к сожалению, не была подчеркнута законодателем.

---

¹ См.: Баранов В.М. Законодательное определение понятия «экономическая безопасность государства» и современные проблемы ее правового обеспечения // Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2001. № 1. С. 21–25.

Так, в статье 1 ФЗ от 28 декабря 2010 года № 390-ФЗ «О безопасности»¹ перечислены виды безопасности, к числу которых отнесены: безопасность государства, общественная безопасность, экологическая безопасность, безопасность личности. Вместе с тем, не называется экономическая безопасность, что, по нашему мнению, является существенным юридико-техническим недостатком, но перечень видов безопасности является «открытым» и в этой связи экономическая безопасность реально встраивается в систему национальной безопасности. Данный недостаток преодолен на уровне подзаконного нормативного правового регулирования. В пункте 3 Указа Президента РФ от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»² закреплено, что национальная безопасность включает государственную, общественную, информационную, экологическую, *экономическую*, транспортную, энергетическую безопасность, а также безопасность личности.

Наличие различных видов безопасности, которые в своей совокупности образуют национальную безопасность, может поставить на повестку дня вопрос об их приоритете, выстраивании соответствующей иерархии. С учетом заявленной темы исследования можно было бы предположить, что ведущая роль отводится экономической безопасности. Мы убеждены в ошибочности и даже вредности такого подхода. Все виды безопасности представляют существенное значение для граждан и общества в целом. В этой связи приоритетность государственного внимания к обеспечению одного вида безопасности недопустима и может привести к «разбалансированию» отношений в области обеспечения безопасности. Правоохранительные органы должны предпринимать консолидированные усилия для обеспечения всех видов безопасности с целью получения должного состояния национальной безопасности.

---

¹ О безопасности: федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1, ст. 2.

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1, ч. II, ст. 212.

По мнению С.Н. Максимова, «существует логическая взаимосвязь, которая выстраивается в определенную логическую цепочку: «безопасность» – «национальная безопасность» – «национальная безопасность в экономической сфере» – «экономическая безопасность»¹. Следует разделить данный подход. Он свидетельствует о необходимости создания всемерного механизма обеспечения безопасности в обществе.

Национальная безопасность России может быть обеспечена при условии создания должной системы защиты от различного рода как существующих, так и потенциальных угроз, что позволит в итоге обеспечить реализацию национальных интересов, территориальную целостность, политическую, экономическую и национально-этническую стабильность. Возвращаясь к тексту ФЗ «О безопасности», необходимо преодолеть важный юридико-технический пробел, который связан с отсутствием соответствующей нормы-дефиниции. Убеждены, что в данный Федеральный закон целесообразно включить следующее определение понятия: *«Безопасность – состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечивается устойчивое, поступательное, позитивное развитие личности, общества и государства»*.

Экономическая безопасность является результатом защищенности экономики от различных угроз. Исследователи проблемы обеспечения экономической безопасности традиционно связывают ее с защищенностью от опасности, а опасности, как правило, предшествуют соответствующие угрозы. Они при определенных условиях могут быть трансформированы в опасность, а могут остаться в потенциальном состоянии или быть локализованы и устранены.

Обращение к Толковому словарю живого великорусского языка В.И. Даля позволяет установить, что угроза позволяет «грозить, стращать, наводить опасность либо опасение, держать

---

¹ Максимов С.Н. Административно-правовое обеспечение экономической безопасности в Российской Федерации: концептуальные и методические аспекты: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 45.

кого-то под страхом, под опаскою; пригравивать»¹. С.И. Ожегов рассматривает угрозу как запугивание, обещание причинить кому-нибудь вред, зло, возможная опасность. Здесь обнаруживается связь между угрозой и опасностью². При этом не всякая угроза может быть трансформирована в опасность, для этого необходимы определенные условия. В Большом толковом словаре русского языка опасность определяется как угроза бедствия, несчастья, катастрофы³.

В литературе имеют место и отличные подходы. Так, К.С. Бельский абсолютизирует связь угрозы и опасности: «Синонимом угрозы является опасность, то есть явление, способное причинить зло, несчастье, какой-либо ущерб личности, материальным ценностям, окружающей среде»⁴. Полагаем, что нет необходимости в абсолютизации такой взаимосвязи, так как это не соответствует действительности и может негативно сказаться на деятельности по обеспечению соответствующего вида безопасности.

Мы считаем, что угроза экономической безопасности представляет собой опасность на стадии перехода из состояния возможного в состояние сущего. В.И. Ярочкин и Я.В. Бузанова при анализе проблемы обеспечения безопасности отмечают, что «угроза – результат имеющихся и формирующихся в самом обществе, в межгосударственных отношениях противоречий, и без их выявления и решения никакая безопасность обеспечена быть не может. Именно поэтому в методологическом аспекте причины опасности – противоречия, а не угрозы – приобретают качество сущностной характеристики»⁵.

---

¹ См.: *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб., 1996. Т. 4. С. 470.

² См.: *Ожегов С.И.* Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. 22-е изд., стер. М., 1990. С. 823.

³ См.: *Большой толковый словарь русского языка* / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2001. С. 715.

⁴ *Бельский К.С.* Полицейское право: лекционный курс / под ред. А.В. Куракина. М., 2004. С. 197.

⁵ *Ярочкин В.И., Бузанова Я.В.* Теория безопасности. М., 2005. С. 31.

С данным подходом мы согласиться не можем. В обществе могут сформироваться определенные угрозы, но трансформироваться в опасность они могут только при определенных условиях. Наряду с этим, угроза является не простым предположением, а реально существующим предметным противоречием, которое при определенных условиях может привести к опасности. В этой связи важно не только своевременно диагностировать угрозы, но и понять механизм их «перерастания» в опасность. В этом случае станет возможным выработать и применить инструменты предупреждения, предотвращения и локализации соответствующих угроз.

На законодательном уровне в настоящее время не закреплено определение понятия угрозы безопасности в ФЗ от 28 декабря 2010 года № 390-ФЗ «О безопасности». В Законе РФ от 5 марта 1992 года «О безопасности», который утратил силу, угроза безопасности определяется как «совокупность условий и факторов, создающих опасность жизненно важным интересам личности, общества и государства. Реальная и потенциальная угроза объектам безопасности, исходящая от внутренних и внешних источников опасности, определяет содержание деятельности по обеспечению внутренней и внешней безопасности»¹.

Следует отметить, что в Стратегии экономической безопасности содержится определение понятия «угроза экономической безопасности», под которой понимается «совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам Российской Федерации в экономической сфере»².

Наряду с угрозами при характеристике экономической безопасности используется категория «вызовы экономической безопасности», которые рассматриваются как «совокупность

---

¹ Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1992. № 15, ст. 769.

² О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 (подп. 4 п. 7) // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20, ст. 2902.

факторов, способных при определенных условиях привести к возникновению угрозы экономической безопасности»¹. Такая трактовка в полной мере не отвечает его словарному толкованию. С.И. Ожеговым предложено определять вызов как «выраженное словами, поступками, взглядом желание вступить в борьбу, спор»². Полагаем, что нельзя признать оправданные «удвоение» терминологии, так как в пункте 12 Стратегии экономической безопасности отсутствует дифференцированный перечень вызовов и угроз. В этой связи закономерно возникает вопрос, как отличить вызовы и угрозы, а также при каких условиях вызовы перерастают в угрозы, каков их механизм.

Знание угроз экономической безопасности позволяет вести планомерную деятельность по их предупреждению, что в конечном счете скажется на состоянии защищенности экономических отношений. Качественное разнообразие угроз экономической безопасности требует проведения их классификации с учетом многофакторного подхода:

- с учетом источника формирования: внутренние и внешние;
- по способу проявления в деятельности субъектов экономической деятельности: действия, бездействие, события;
- с учетом отрасли экономической деятельности: в сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство; рыболовство, рыбоводство; добыча полезных ископаемых; обрабатывающие производства; производство и распределение электроэнергии, газа и воды; строительство и др.³);
- с учетом масштаба угроз: глобальные, общегосударственные, межрегиональные, региональные, муниципальные, локальные;

---

¹ О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 (подп. 5 п. 7) // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20, ст. 2902.

² Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. 22-е изд., стер. М., 1990. С. 117.

³ Общероссийский классификатор видов экономической деятельности ОК 029-2001 (ОКВЭД) (КДЕС Ред. 1): введен в действие постановлением Госстандарта РФ от 6 ноября 2001 г. № 454-ст. М., 2002.

- по степени прогнозирования: внезапные, частично ожидаемые, ожидаемые;
- с учетом степени вероятности возникновения: маловероятные, вероятные, высоковероятные;
- с учетом ожидаемых последствий: необратимые, обратимые, мутагенные, доминантные, катализирующие;
- по значению: допустимые, недопустимые;
- по степени вероятности: маловероятные, вероятные, высоковероятные;
- по интенсивности возникновения: мгновенные, длящиеся, законсервированные;
- по структуре: простые, сложные, альтернативные;
- по ожидаемому урону: материальные, моральные, организационные, комплексные.

Следует давать реалистическую оценку угроз экономической безопасности. Прежде всего, следует иметь в виду, что они являются обязательным спутником функционирования экономики каждого государства. Другое дело, когда необходимо постоянно контролировать их состояние, прогнозировать появление новых, давать их объективную оценку, заблаговременно принимать необходимые превентивные меры.

Экономическая безопасность представляет собой особое правовое состояние. Признавая динамику экономических отношений, их ускорение или замедление, следует учитывать, что они имеют и статическую характеристику. Обращение к Стратегии экономической безопасности позволяет заключить, что в ней используется категория «состояние» при характеристике экономики, данное понятие должно отвечать «требованиям экономической безопасности Российской Федерации, характеризоваться определенными качественными критериями и параметрами (пороговыми значениями), обеспечивающими приемлемые для большинства населения условия жизни и развития личности, устойчивость социально-экономической ситуации, военно-политическую стабильность общества, целостность государства, возможность противостоять влиянию внутренних и внешних угроз», а также при характеристике «природно-ресурсного, производственного

и научно-технического потенциала страны», «финансово-бюджетной и кредитной систем», «окружающей среды».

Необходимо отметить, что ранее профессором В.М. Барановым была обоснована перспективность использования термина «состояние» при характеристике экономической безопасности. «Нельзя не отметить, что характеристика «экономической безопасности государства» через «состояние» открывает возможности количественного анализа, перспективы математического анализа»¹.

Использование конструкции «правовое состояние» позволяет решать ряд задач. Во-первых, дает возможность задействовать потенциал мониторинга, что важно как для экономической безопасности в целом, так и применительно к конкретной деятельности отдельного объекта экономической деятельности. Во-вторых, провести дифференциацию экономической безопасности с позиции ее качественного состояния. В-третьих, направлять и корректировать деятельность по обеспечению экономической безопасности.

Ценность состояния экономической безопасности представляется в том, что она (безопасность) должна обеспечить достойные условия жизни граждан Российской Федерации. Здесь важно не декларировать призрачные ориентиры, а направлять субъектов экономических отношений на конкретные результаты деятельности. Использование термина «состояние» применительно к экономической безопасности позволяет иметь инструментарий для оперативного и реалистического замера состояния экономики, а в конечном счете выработать соответствующий механизм ее обеспечения².

---

¹ Баранов В.М. Экономическая безопасность как правовое состояние // Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2005. № 5. С. 5.

² См.: Халиуллин Р.Г. Структурно-функциональный анализ экономической безопасности России: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008. С. 48–71.

Экономическая безопасность обеспечивается уполномоченными субъектами. Деятельность по защите экономических отношений требует соответствующего субъектного обеспечения. Такое положение обусловлено тем, что обеспечение экономической безопасности в подавляющем числе случаев связано с применением мер государственного принуждения. Предупреждение незаконного применения указанных мер требует ограничения субъектов, полномочных применять подобные средства.

Рассматривая обеспечение экономической безопасности, следует учитывать сложность данной деятельности, ее многоуровневый характер. Данная посылка в полной мере относится и к характеристике субъектов, которые занимаются ее обеспечением. Осуществление данной деятельности требует решения ряда задач, которые находятся как в экономической, так и политической, социальной сферах и в этой связи требует задействования потенциала различных субъектов.

Система субъектов, обеспечивающих экономическую безопасность, имеет сложную многоуровневую иерархическую организацию и не ограничивается государственными органами и органами местного самоуправления. В этой связи В.П. Смирнов указывает: «Субъекты экономической безопасности – это национальные государства и их органы (в том числе таможенные), юридические и физические лица, обеспечивающие функционирование и развитие соответствующих социальных систем»¹.

Вовлечение в данную деятельность различных субъектов, организация их качественного взаимодействия является залогом качественного обеспечения экономической безопасности. Государство должно определять и формировать собственную систему обеспечения экономической безопасности. Такое положение обусловлено самобытностью и неповторимостью экономики отдельно взятого государства, индивидуальностью существующих угроз, их реальностью и другими факторами.

---

¹ Смирнов В.П. Экономическая безопасность России: сущность, основные угрозы: монография. Владивосток, 2004. С. 12.

Очевидно, что существуют определенные закономерности для экономик различных государств. В этой связи субъектное обеспечение экономической безопасности может иметь общие черты. В конечном счете архитектура субъектов экономической безопасности имеет определенную правовую форму, то есть закрепляется в соответствующих нормативных правовых актах.

Успех обеспечения экономической безопасности во многом зависит от тех, кто реально осуществляет данную деятельность. В этой связи следует критически подходить к использованию зарубежного опыта, пусть и самого успешного. Необходимо при этом учитывать российские реалии. Необходимо принимать во внимание, что система субъектов обеспечения экономической безопасности должна быть консервативной, что характеризует ее стабильность, прогнозируемость, наработку определенного опыта и как результат – эффективную работу в данном направлении.

Учитывая значительное число субъектов обеспечения экономической безопасности, необходимо наряду с их закреплением организовать их взаимодействие. «Только при наличии дееспособных, эффективных и соответствующих современному состоянию общества и общественных отношений структур, выполняющих задачи его защиты, может быть гарантирована стабильность этого общества, его успешное развитие, реализация его ценностей, целей и задач»¹.

При формировании системы субъектов обеспечения экономической безопасности в Российской Федерации необходимо учитывать состояние экономических отношений, федеративное устройство государства, действующее законодательство и ряд других факторов.

Экономическая безопасность имеет сложную структурную организацию. Данная особенность объясняется тем, что она выступает не исключительно экономическим явлением,

---

¹ Правоохранительные органы Российской Федерации: учебное пособие для юридических вузов и факультетов: в 2 ч. Ч. 1 / под общ. ред. Ю.Ф. Кваши. М., 2000. С. 3.

а представляет собой сложное переплетение экономических, политических, организационных, идеологических и иных факторов. В защищенности экономики, как в фокусе выражены все те сложности, противоречивости современного российского общества, что оказывает влияние на уровень защищенности экономических отношений.

Структура экономической безопасности представляет бесспорный эвристический интерес, так как ознакомление с ее внутренней организацией позволяет глубже проникнуть в сущность рассматриваемого явления. Вместе с тем, знание структуры данного явления имеет самое непосредственное прикладное значение, так как должно быть учтено в ходе практической деятельности по ее обеспечению. Наша позиция нашла поддержку в литературе. «Основной проблемой исследования экономической безопасности является, однако, не конструкция ее идеального образа, который в данном случае играет подчиненное, хотя и очень важное значение, а анализ механизма обеспечения этой безопасности на всех уровнях организации публичной власти в России»¹.

При рассмотрении структуры экономической безопасности академик Л.И. Абалкин включил в нее следующие элементы: экономическую независимость (подконтрольность государству национальных ресурсов); стабильность и устойчивость национальной экономики (защита собственности, стимулирование предпринимательской активности, борьба с деструктивными процессами в экономике); способность к саморазвитию и прогрессу (благоприятный инвестиционный климат, поддержка инноваций и модернизация производства и т. п.)².

Отличный подход, касающийся структуры экономической безопасности, предложил И.Я. Богданов. По мнению данного

---

¹ Аникин Л.С., Дыльнов Г.В. Методические проблемы исследования экономической безопасности общества // Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2001. № 1. С. 35.

² См.: Абалкин Л.И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. 1994. № 12. С. 4.

автора, в ее состав включены такие элементы, как макроэкономические показатели, соответствующие средним параметрам экономического развития стран «большой семерки»; защищенность реального производства и внутреннего рынка от внешней финансовой и экономической зависимости; низкая доля теневой, прежде всего криминальной, экономики и как следствие – небольшая часть не облагаемых налогами доходов предпринимателей и населения; соответствующие развитым странам дифференциация и уровень благосостояния населения, делающие невозможным возникновение значимых социальных конфликтов¹.

Во многом схожий с точки зрения методологии подход предложил Н.М. Блинов. Он выделяет в составе экономической безопасности следующие элементы: производственно-техническую безопасность, финансовую безопасность, инфляцию, валютную безопасность, таможенную безопасность, управляемость экономики².

Отличный подход был предложен К. Самсоновым. Данный автор является сторонником так называемого деятельного подхода, что позволило ему включить в структуру экономической безопасности: сохранение устойчивости народно-хозяйственного комплекса страны; обеспечение функционирования экономики в условиях чрезвычайных ситуаций; поддержку военно-экономической стабильности; преобразование отношений собственности; эффективное внешнеэкономическое взаимодействие³.

Атрибутивная характеристика строения экономической безопасности со всеми основаниями позволяет отнести ее к числу сложных систем. Мы считаем, что экономическая безопасность

---

¹ См.: *Богданов И.Я.* Экономическая безопасность России: теория и практика. М., 2001. С. 40.

² См.: *Блинов Н.М.* Экономическая безопасность центра и регионов // Материалы выступлений на Всероссийской научно-практической конференции «Региональная политика в современной России». Краснодар, 1995. С. 15.

³ См.: *Самсонов К.* Элементы концепции экономической безопасности // Вопросы экономики. 1994. № 12. С. 15.

включает следующие элементы: объекты экономической безопасности; субъекты обеспечения экономической безопасности; угрозы экономической безопасности; силы и средства ее обеспечения; прямые и обратные связи.

Развитие экономики, формирование нового явления, которое получило название «цифровая экономика», требуют внесения серьезных коррективов при создании механизма ее обеспечения. Прежде всего следует учитывать усложнение экономических отношений, создание новых дополнительных уровней ее охраны. Важно учитывать, что использование правоохранительных средств обеспечения экономической безопасности в определенной мере замедляет развитие экономических отношений. Вместе с тем, отказ от них может привести к негативным разрушительным последствиям, что несопоставимо с теми издержками, которые необходимы для обеспечения экономической безопасности. «Устойчивость системы связана с ее способностью сохранять равновесие, успешно адаптироваться посредством политических, экономических, правовых и иных механизмов к изменяющимся условиям существования, в том числе эффективно преодолевать кризисные явления, разрешать социальные конфликты, справляться с различными природными катаклизмами, обеспечивать обновляющиеся духовные потребности людей»¹.

Знание структуры экономической безопасности позволяет говорить о востребованности реализации комплексного подхода по ее обеспечению. В этом случае будет возможно поддерживать качественное состояние экономической безопасности, задействовать потенциал прогнозирования, воссоздания идеальных моделей экономической деятельности, осуществлять ее плановое развитие. Обеспечение экономической безопасности требует не только внешнего воздействия, но и использования потенциала самоорганизации и саморегулирования. В этой связи, опираясь на идеи теории синергетики,

---

¹ Позднышов А.Н. Государственная служба в сфере обеспечения общественной безопасности. Ростов н/Д, 2003. С. 19.

можно утверждать, что экономическая система является сложной самоорганизующей неравновесной системой открытого типа, стабильность которой обеспечивается системой внутренних связей и механизмов¹. Анализ экономической безопасности как сложной системы позволяет в необходимой мере учесть ее потенциал, с минимальным использованием принуждения ее обеспечить, защитить от угроз.

Экономическая безопасность обеспечивается при помощи соответствующих методов. Нами неоднократно обращалось внимание на значимость инструментария обеспечения экономической безопасности. Методы обеспечения экономической безопасности являются своеобразными индикаторами, по которым можно судить о состоянии всего государственного организма.

Специфика объекта правоохраны требует применения тех методов, а точнее, их сочетания, которые позволяют получить запрограммированный результат с наименьшими издержками. В этой связи не теряет своей актуальности суждение М.И. Пискотина о том, что «проблема методов непосредственно связана с более общей проблемой – соотношением целей и средств их достижения»².

Своеобразие экономической сферы требует поиска и применения тех методов, которые позволили, с одной стороны, качественно защитить экономические отношения и с другой – не препятствовать их развитию. Закрепленный в части 1 статьи 8 Конституции РФ принцип экономической свободы гарантирует единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержку конкуренции, свободу экономической деятельности³. Данный принцип должен быть положен в основу деятельности государства в

---

¹ См.: *Шишкин В.В.* Синергетический подход в теории права: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007.

² Методы и формы государственного управления. М., 1977. С. 6.

³ См.: *Баранова М.В., Макарейко Н.В.* Государственное принуждение в механизме ограничения экономической свободы // Вестник Владимирского юридического института. 2017. № 2 (43). С. 125–133.

сфере экономики, выступать своеобразной экономической конституцией¹.

Линейка методов, применяемых в сфере экономической безопасности, позволяет использовать их в самых различных ситуациях. Неоднородный состав методов требует от правоприменителей реализации творческого подхода, учета многообразия складывающихся обстоятельств. Методы выступают в качестве своеобразного связующего звена между участниками экономических отношений, которые позволяют обеспечить решение стоящих правоохранительных задач, создать условия для эффективной деятельности субъектов экономических отношений.

Методы экономической безопасности являются не только инструментарием обеспечения экономической безопасности, но и своеобразным индикатором гуманности государственной власти в данной области деятельности. Такое положение связано не только соотношением различных методов, прежде всего интенсивностью применения методов государственного принуждения, но и обоснованностью их применения. Необходимо преодолеть сложившееся заблуждение, что принуждение является показателем негуманности государственной власти. Мы убеждены, что в ряде ситуаций отказ от применения государственного принуждения, его несвоевременное применение причиняют больший урон, чем его применение.

Экономическая безопасность направлена на обеспечение стабильности экономических отношений, их качественной защищенности. Указанная цель является тем глобальным результатом, который должен быть достигнут в ходе деятельности субъектов обеспечения экономической безопасности.

---

¹ См.: Гаджиев Г.А. Конституционные принципы рыночной экономики (Развитие основ гражданского права в решениях Конституционного суда Российской Федерации). М., 2004; Его же. Экономическая конституция. Конституционные гарантии свободы предпринимательской (экономической) деятельности // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2009. № 1 (16). С. 4–15.

Цель данной деятельности детализируется, приобретает конкретные черты применительно к определенной правоохранительной ситуации. В этой связи обоснованным является встраивание соответствующей иерархии целей, которые должны быть достигнуты в ходе обеспечения экономической безопасности различных органов государственной власти и должностных лиц.

Цель обеспечения экономической безопасности имеет принципиально важное значение для решения вопроса об эффективности деятельности по ее обеспечению. Именно степень достижения отдельной цели в итоге приводит к качественному обеспечению экономической безопасности.

С учетом изложенного, *экономическую безопасность можно определить как состояние защищенности прав, свобод и законных интересов личности, общества и государства в сфере экономики от внутренних и внешних угроз, способность экономической системы обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие общества, государственный суверенитет, достойное качество и уровень жизни граждан Российской Федерации.*

Экономическая безопасность, ее состояние имеют принципиально важное значение для государства. Отсутствие экономической защиты в ряде ситуаций может привести к утрате государственного суверенитета. В этой связи современное государство обязано задействовать значительные ресурсы для достижения указанной цели. Вместе с тем, следует диагностировать, определять приоритетные направления деятельности по обеспечению экономической безопасности. Полагаем, что в качестве последних должны выступить:

1. Формирование качественного нормативного правового регулирования экономических отношений. В этой связи необходимо всемерно использовать научный потенциал, провести ревизию действующего законодательства и сформировать качественное высокосистематизированное экономическое законодательство. Наряду с этим необходимо минимизи-

ровать подзаконное нормативное правовое регулирование экономических отношений, обеспечить его стабильность, разумный консерватизм.

2. Создание оптимальной структуры органов исполнительной власти на федеральном и региональном уровнях, осуществляющих государственное управление экономикой¹. На разрешение этой многосложной задачи во многом и было направлено принятие соответствующих программных документов². Наличие должного субъектного обеспечения экономических отношений непосредственным образом окажет влияние на обеспечение экономической безопасности.

3. Становление в стране «цифровой экономики». Наряду с этим необходимо обеспечить независимость российской экономики от зарубежных информационно-коммуникационных ресурсов, что особенно актуально в финансовой сфере.

4. Повышение уровня наукоемкости экономики, научной составляющей в производимой продукции. В этой связи создать и реализовать условия для преодоления сырьевой ориентации российской экономики. Необходимо возродить функционировавшие в СССР научно-производственные объединения.

5. Стимулирование инвестиционной активности в сфере экономики, прежде всего, за счет использования внутригосударственных ресурсов. Создание и применение механизмов ограничения вывоза капиталов из страны.

6. Создание действенных механизмов защиты экономических отношений от различного рода внутренних и внешних угроз, обеспечение необходимого уровня экономической безопасности личности, общества и государства.

---

¹ См.: Милькер Б.З. Управление: пути преодоления кризиса. На пути к цивилизованному рыночному хозяйству. М., 1997. С. 70.

² О долгосрочной государственной экономической политике: указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 596 // Российская газета. 2012. 9 мая.

§ 2. Соотношение экономической безопасности с другими социально-правовыми явлениями

При характеристике экономической безопасности в предыдущем параграфе нами было обращено внимание на то, что она является разновидностью безопасности и находится в тесной взаимосвязи с другими явлениями. Правовая наука традиционно уделяет внимание рассмотрению данной проблемы, что имеет важное научное и практическое значение. Следует отметить, что это является продолжением традиции отечественной юриспруденции. У советских правоведов вопросы характеристики общественного порядка, общественной безопасности, правопорядка, законности их взаимосвязи традиционно выступали в качестве приоритетного объекта исследования. Это дало возможность Л.С. Мамуту определить такое положение, как «фирменный знак» российской правовой науки¹.

Следует признать, что не теряет своей актуальности и значимости тезис, выдвинутый А.П. Мамыкиной, которая в диссертационном исследовании обратила внимание на то, что не следует преувеличивать автономный характер экономической безопасности и существуют связи, взаимообусловленности экономической и других видов безопасности².

Наличие органической взаимосвязи экономической безопасности с другими социально-правовыми явлениями обусловлено наличием единого синтезирующего начала, в роли которого выступают социальные и, прежде всего, правовые нормы. Они являются нормативной базой, фундаментом названных социально-правовых явлений. Мы полагаем, что для реализации поставленных нами исследовательских задач,

---

¹ См.: Мамут Л.С. Разработке концепции законности – новые импульсы // Правовой режим законности: вопросы теории и истории: материалы межвузовской научно-теоретической конференции (Санкт-Петербург, 15 февраля 2001 г.) / под общ. ред. Д.И. Луковской. СПб., 2001. С. 5.

² См.: Мамыкина А.П. Теоретико-методологические аспекты экономической безопасности: дис. ... канд. экон. наук. М., 2003. С. 9.

более глубокого проникновения в сущность экономической безопасности, а также выработки рекомендаций по организации эффективной деятельности уполномоченных субъектов по ее обеспечению необходимо рассмотреть соотношение экономической безопасности с другими социальными правовыми явлениями. Речь идет, прежде всего, о таких явлениях, как безопасность, национальная безопасность, государственная безопасность, общественная безопасность, охрана собственности, правопорядок, продовольственная безопасность, информационная безопасность.

Рассмотрение взаимосвязи экономической безопасности с перечисленными явлениями даст возможность: во-первых, более основательно проникнуть в сущность экономической безопасности, то есть речь идет о реализации гносеологической функции; во-вторых, субъекту правотворческой деятельности скорректировать направленность правотворческой деятельности в сфере обеспечения экономической безопасности и других, связанных с ними явлений; в-третьих, скорректировать границы применения соответствующих методов обеспечения экономической безопасности, прежде всего, государственного принуждения; в-четвертых, минимизировать юридические ошибки в ходе осуществления деятельности по обеспечению экономической безопасности; в-пятых, оптимизировать систему субъектов обеспечения экономической безопасности, их полномочия, а также оптимизировать формы и методы их деятельности.

Экономическая безопасность наиболее тесно связана с *безопасностью*, что обусловлено их соотношением как общего и особенного, на что нами было обращено внимание ранее. Безопасность как явление окружающей действительности интересовало мыслителей на различных этапах общественного развития. Платон трактовал безопасность как отсутствие зла (опасности) для человека. В исследованиях Нового времени, о чем свидетельствуют работы Т. Гоббса, Д. Локка, Ж.-Ж. Руссо, безопасность рассматривалась как состояние спокойствия, появляющееся в результате отсутствия реальной,

физической или моральной опасности¹. Не взирая на то, что термин «безопасность» употреблялся длительное время, до XVII столетия он заключал в себе в основном нравственную характеристику и только позднее его начали использовать при анализе целевого назначения государства. «Поэтому термин «безопасность» получил в это время новую трактовку: состояние, ситуация спокойствия, появляющееся в результате отсутствия реальной опасности (как физической, так и моральной), а также материальные, экономические, политические условия, соответствующие органы и организации, способствующие созданию данной ситуации»².

В законодательстве современных государств термин «безопасность» закономерно получил широкое распространение. Обращение к Конституции РФ, в частности к статьям 55, 56, позволяет заключить, что безопасность является тем критерием, посредством которого решается вопрос ограничения основных прав и свобод человека и гражданина.

Нами ранее обращалось внимание на то обстоятельство, что в настоящее время отсутствует легальное определение понятия «безопасность». Вместе с тем, ранее данная дефиниция содержалась в статье 1 Закона РФ от 5 марта 1992 года № 2446-1 «О безопасности»³, где безопасность была определена как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз». Парадоксален тот факт, что в действующем ФЗ «О безопасности» не закреплена дефиниция «безопасность», но при этом изложена характеристика принципов ее обеспечения, содержания деятельности, государственной политики в данной области, определена правовая основа и субъекты обеспечения.

---

¹ См.: *Чапчиков С.Ю.* Теоретико-правовые аспекты защиты экономической безопасности Российской Федерации как функции государства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

² Экономическая и национальная безопасность: учебник / под ред. Е.А. Олейникова. М., 2005. С. 13–14.

³ О безопасности: закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 // Ведомости СНД ВС и ВС РФ. 1992. № 15, ст. 769.

Отсутствие соответствующей нормы-дефиниции, в которой закреплось бы определение понятия «безопасность» нельзя признать обоснованным, так как, по сути, отсутствует конкретизация предмета регулирования данного федерального закона, что является существенным дефектом с позиции законодательной техники.

Современная научная литература располагает большим числом определений понятия «безопасность», что свидетельствует, с одной стороны, о сложности данного явления, его многогранном характере, а с другой стороны – об отсутствии единства методологических подходов по определению объема понятия, о невнимательности со стороны законодателя в нормативном правовом закреплении названного социально-правового явления. Очевидно, что выработка понятия «безопасность» направлена на то, чтобы с верных методологических позиций подойти к характеристике ее качественных разновидностей.

В литературе термин «безопасность» иногда трактуется с помощью метода от противного – как реакция на угрозу безопасности. Такое понимание акцентировано на пассивное ожидание угроз и реагирование на них, только когда они появляются, реально существуют. При этом даются определения понятия «угроза». Угроза – «запугивание, обещание причинить кому-нибудь неприятность, зло, возможная опасность»¹.

Так, В.В. Гуцин отмечает, что безопасность в ее современном понимании и значении, исходя из механической, биологической и социальной систем, может быть разделена на три вида: техногенную, экологическую и социальную. В этой связи он утверждает, что именно последний вид безопасности впервые определен в Законе «О безопасности»².

---

¹ Правовое обеспечение безопасности Российской Федерации: научно-практическое пособие. М., 2005. С. 12–13.

² Гуцин В.В. Правовые и организационные основы обеспечения общественной безопасности в Российской Федерации при чрезвычайных ситуациях: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998. С. 27.

В литературе безопасность рассматривается как «отсутствие опасности», «свойство системы», «характеристика деятельности», «благоприятные условия», «совокупность отношений», «защищенность», «способность», «совокупность условий или факторов». При этом наиболее часто безопасность понимается как *определенное состояние*.

С учетом задач проводимого исследования нам предстоит установить взаимосвязь между безопасностью и экономической безопасностью. В литературе вполне обоснованно обращается внимание на органическую взаимосвязь между данными явлениями. «Об экономической безопасности государства следует говорить только в рамках так называемой *общей безопасности* (курсив наш. – Н.М.), включающей также национальную, военную, экологическую составляющую, а также безопасность личности. Такая связь является очевидной. Например, без обеспечения военной безопасности бессмысленными становятся и всякого рода рассуждения об экономической безопасности. С другой стороны, военная безопасность без экономической безопасности также недостижима»¹. Статьей 1 ФЗ «О безопасности» определены следующие виды безопасности: безопасность государства, общественная безопасность, экологическая безопасность, безопасность личности, иные виды безопасности. Такой законодательный подход не может быть признан оправданным. Наличие открытого перечня видов безопасности предполагает, что в него может быть включена и экономическая безопасность. Вместе с тем, значимость экономических отношений требует их обособления, непосредственного закрепления.

Безопасность с учетом признака масштабности подразделяется на следующие виды: глобальная (международная) безопасность; международная региональная безопасность; национальная безопасность; местная (муниципальная) безопасность; локальная безопасность.

---

¹ Сауляк О.П., Экимов А.И. Экономическая безопасность государства и правовые средства ее обеспечения // Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2002. № 2. С. 57.

На связь между безопасностью и национальной безопасностью обращается внимание в литературе¹. В этой связи представляет интерес рассмотрение взаимосвязи *экономической и национальной безопасности*. Термин «национальная безопасность» более столетия употребляется в официальном лексиконе зарубежных политиков, в практике регулирования международных отношений, нормативных правовых актах иностранных государств. Данный термин впервые был употреблен президентом США Т. Рузвельтом в 1904 году в послании Конгрессу США, в котором он обосновывал военную акцию по захвату зоны в районе будущего строительства Панамского канала интересами национальной безопасности. В дальнейшем проблема национальной безопасности, ее обеспечения стала одной из центральных в исследованиях западных политологов.

Изначально национальная безопасность отождествлялась с военной безопасностью, то есть предупреждением и отражением внешней агрессии, то в дальнейшем ее начали связывать с защитой национальных ценностей и интересов от внешних и внутренних угроз. Такой интерес к проблеме национальной безопасности вполне понятен и объясним. Это обусловлено необходимостью поиска, формирования и обеспечения функционирования должного механизма защиты личности, общества и государства в условиях роста различного рода угроз.

В законе США о Национальной безопасности 1947 года (National Security Act) определялась задача ряду органов государственной власти осуществлять интеграцию внутренней, внешней и военной политики в части обеспечения национальной безопасности во взаимодействии вооруженных сил,

---

¹ См.: Правовая основа обеспечения национальной безопасности Российской Федерации / под ред. проф. А.В. Опалева. М., 2004. С. 11–12; Экономическая и национальная безопасность: учебник / под ред. Е.А. Олейникова. М., 2005. С. 17; Экономическая безопасность: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям экономики и управления / под ред. В.А. Богомолова. 2-е изд. перераб и доп. М., 2009. С. 13, 47; и др.

министерств и ведомств, ориентированных на более эффективное достижение указанной цели¹.

Значительный вклад в развитие проблемы национальной безопасности внес основоположник школы политического реализма Г. Моргантау, который при определении национальной безопасности акцентировал внимание на большую политику, исключая ее отождествление с военной безопасностью, перенося акценты на интересы государства. В этой связи американский автор Д. Ромм отмечает, что «в течение многих десятилетий термин «национальная безопасность» был, по большому счету, синонимом военной безопасности. Сейчас же данное значение все чаще ставится под сомнение, поскольку убывающая напряженность холодной войны совпала с ростом обеспокоенности по поводу различных невоенных угроз безопасности Америки»².

В отечественных юридических исследованиях советского периода термин «национальная безопасность», несмотря на значимость, не получил должного внимания. Чаще всего при характеристике защищенности общественных отношений от существующих угроз использовался термин «государственная безопасность». Такое положение имело под собой реальную почву. Во-первых, это свидетельствовало о приоритете государства над интересами общества и отдельно взятого индивида. Во-вторых, существующая на тот период официальная идеология была интернациональной и использование термина «национальная безопасность» рассматривалось бы в качестве вызова официально закрепленным мировоззренческим позициям. В-третьих, в советский период происходило формирование своеобразной наднациональной социальной общности – «советский народ», когда сглаживались национальные идентификационные признаки больших социальных общностей.

---

¹ See: The National Security Act of 1947 – July 26, 1947 Public Law 253, 80th Congress; Chapter 343, 1st Session; S. 758. URL: <http://global.oup.com/us/companion.websites/9780195385168/resources/chapter10/nsa/nsa.pdf> (дата обращения: 24.05.2017).

² *Romm J.J.* Defining National Security: The Nonmilitary Aspects. New York, 1993. P. 12.

Термин «национальная безопасность» был введен в научный и официальный лексикон в 90-е годы XX столетия, когда в России начались преобразования, поставившие на повестку дня необходимость сохранения государственного суверенитета. В Концепции национальной безопасности данное явление было определено как «безопасность ее многонационального народа как носителя суверенитета и единственного источника власти в Российской Федерации»¹. Такое нормативное правовое определение рассматриваемого явления нельзя признать удачным в силу того, что отсутствуют четкие контуры явления, не закреплены основные ее свойства.

Следует признать аргументированность позиции А.В. Возженикова, который рассматривает национальную безопасность как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства во всех сферах их жизнедеятельности от внутренних и внешних угроз, характеризующееся таким положением страны, при котором обеспечивается ее целостность и внутренняя стабильность, суверенное и прогрессивное развитие, возможность выступать самостоятельным и полноправным субъектом международных правоотношений².

В.И. Илюхиным было предложено следующее определение понятия: «Национальная безопасность – это система средств и способов, обеспечивающих полноту национальной жизни и воспроизводства (желательно расширительного) национальной целостности»³. В данной дефиниции было акцентировано внимание не на характеристике национальной безопасности как социального явления, а на средствах ее обеспечения. В этой связи сложно сформировать представление о рассматриваемом явлении даже в первом приближении.

---

¹ Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 1300 // Собрание законодательства РФ. 1997. № 52, ст. 5909.

² См.: *Возжеников А.В.* Парадигма национальной безопасности реформирующейся России. М., 2000. С. 48.

³ *Илюхин В.И.* Нация – государство – безопасность (вопросы теории и практики): монография. М., 1999. С. 29.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года содержалось развернутое определение понятия национальной безопасности¹. Следует признать, что вышеназванный нормативный правовой акт стал своеобразным поворотным этапом в нормативном правовом регулировании государственной политики в области национальной безопасности. Прежде всего, обращает на себя внимание то обстоятельство, что данный документ стратегического планирования был рассчитан на длительный срок, что позволяло планомерно подходить к обеспечению данного вида правоохранительной деятельности².

Происходящие изменения в экономической и политической сферах поставили на повестку дня необходимость изменения в нормативном правовом регулировании вопросов национальной безопасности, что и предопределило утверждение новой Стратегии национальной безопасности, где национальная безопасность была определена как «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации»³. При конструировании данного определения понятия было акцентировано внимание на ее связи с конституционно закрепленными правами и свободами граждан Российской Федерации, а также детализированы цели, которые должны при этом быть достигнуты.

---

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 (п. 6) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 20, ст. 2444.

² О стратегическом планировании в Российской Федерации: федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 26, ч. I, ст. 3378.

³ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 (п. 6) // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1, ч. II, ст. 212.

Учитывая сложность внутренней организации национальной безопасности в вышеназванном нормативном правовом акте было закреплено, что к ее видам относятся: оборона страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией РФ и законодательством Российской Федерации, прежде всего государственная, общественная, информационная, экологическая, экономическая, транспортная, энергетическая безопасность, безопасность личности.

Следует обратить внимание на дискуссионный характер закрепленных видов безопасности. Так, А.Н. Позднышовым предложено включить в систему национальной безопасности ее следующие разновидности: государственная, политическая, экономическая, военная, общественная, экологическая, интеллектуальная, информационная и др., которые объединены общим названием – «национальная безопасность»¹.

Авторы коллективного учебника «Экономическая и национальная безопасность», задействовав в качестве критерия «тип угрозы», а также «содержание угрозы», называют такие виды безопасности, как экологическая безопасность; экономическая безопасность; военная безопасность; ресурсная безопасность; информационная безопасность; социальная безопасность; научно-техническая безопасность; энергетическая безопасность; ядерная безопасность; политическая безопасность; инновационная безопасность; правовая безопасность; культурная безопасность; техническая безопасность и др.²

Очевидно, что в зависимости от выбранного подхода можно ограничить или же расширить содержание классификационных групп. В этой связи В.М. Егоршин отмечает, что «перечень предметных сфер безопасности не является исчерпывающим и стабильным. С развитием цивилизации в понятии национальной безопасности появились новые параметры,

---

¹ Позднышов А.Н. Государственная служба в сфере обеспечения общественной безопасности: монография. Ростов н/Д, 2003. С. 10–11.

² См.: Экономическая и национальная безопасность: учебник / под ред. Е.А. Олейникова. М., 2005. С. 18.

претерпевают качественные изменения и параметры традиционные»¹.

Рассмотрение научной литературы, действующего законодательства и правоприменительной практики дает возможность заключить, что национальная безопасность соотносится с экономической безопасностью как общее и особенное. В этой связи можно утверждать, что экономической безопасности присущи те же свойства, что и национальной безопасности, а также другим образующим ее видам (политической, социальной, экологической, продовольственной, военной, информационной, культурной, правовой, инновационной, научно-технической, демографической, энергетической, интеллектуальной и др.).

По мнению М.А. Кочубей и З.З. Сохадзе, экономическая безопасность связана с национальной безопасностью как родовым явлением и формирует ее материальный базис. «Экономическая безопасность государства представляет собой защиту национальных экономических и социальных интересов государства и общества на основе достижения стабильного состояния и поступательного развития экономики с учетом обеспечения социальных потребностей общества как в государственном масштабе, так и на уровне региона, предприятий и отдельных граждан; защиту их от воздействия неблагоприятных внешних и внутренних факторов»².

Значительный потенциал экономической безопасности предопределил то обстоятельство, что в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации вопросам развития и защиты экономических отношений придается, без всякого преувеличения, первостепенное значение. В данном программном документе отмечается, что стратегическими целями обеспечения национальной безопасности являются развитие экономики страны, обеспечение экономической безопасности и создание условий для развития личности, перехода экономики на новый

---

¹ *Егоршин В.М.* Экономическая преступность и безопасность современной России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2000. С. 17.

² *Кочубей М.А., Сохадзе З.З.* Экономическая безопасность // Вестник Московского университета МВД России. 2006. № 3. С. 97.

уровень технологического развития, вхождения России в число стран – лидеров по объему валового внутреннего продукта и успешного противостояния влиянию внутренних и внешних угроз¹. При этом термин «экономическая безопасность» используется в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации более десяти раз.

В настоящее время состояние отечественной экономики не позволяет в полной мере качественно обеспечить национальную безопасность.

В качестве главных стратегических угроз национальной безопасности в области экономики определены: ее низкая конкурентоспособность, экспортно-сырьевая модель развития, высокая зависимость от внешнеэкономической конъюнктуры, отставание в разработке и внедрении перспективных технологий, незащищенность национальной финансовой системы от действий нерезидентов и спекулятивного иностранного капитала, уязвимость ее информационной инфраструктуры, несбалансированность национальной бюджетной системы, регистрация прав собственности в отношении значительной части организаций в иностранных юрисдикциях, ухудшение состояния и истощение сырьевой базы, сокращение добычи и запасов стратегически важных полезных ископаемых, прогрессирующая трудонедостаточность, сохранение значительной доли теневой экономики, условий для коррупции и криминализации хозяйственно-финансовых отношений, незаконной миграции, неравномерное развитие регионов, снижение устойчивости национальной системы расселения.

При этом состояние экономической безопасности усугубляется глобальными и региональными экономическими кризисами, эскалацией недобросовестной конкуренции, неправомерное использование юридических средств и другими факторами².

---

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 (п. 55) // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1, ч. II, ст. 212.

² Там же.

Признавая экономическую безопасность как составной элемент национальной безопасности, следует учитывать, что их взаимосвязь значительно сложнее, так как речь идет о сложных системах. «Поэтому (с известной степенью осторожности) можно утверждать, что экономическая безопасность, проявляясь в сферах влияния других видов национальной безопасности, проникая в них и взаимодействуя с ними, аккумулируют в себе их воздействия, оставаясь при этом основой (базисом) национальной безопасности»¹. Особый статус экономической безопасности, ее роль в обеспечении национальной безопасности объясняются тем, что от ее состояния зависит наличие или отсутствие материальных (экономических) условий качества основы обеспечения национальной безопасности².

При рассмотрении экономической безопасности представляется ее взаимосвязь с *государственной безопасностью*. В литературе отмечается специфика данной формы безопасности. «Понятие «государственная безопасность» выражает одну из форм и специфику понятия «безопасность» применительно к сфере государства, правовые и организационные средства ее обеспечения...»³. Ряд авторов закономерно связывают государственную безопасность с реализацией функций государства, в связи с этим отмечают, что «основной функцией государства является стабилизация общественных отношений путем принятия правовых норм, разрешение противоречий посредством наложения компромиссов, согласования волевых установок. Государственная безопасность выражает важнейшее свойство государства по поддержанию и последовательной реализации государственных интересов»⁴.

---

¹ Экономическая и национальная безопасность: учебник / под ред. Е.А. Олейникова. М., 2005. С. 130.

² См.: Сенчагов В.К. Экономическая безопасность как основа обеспечения национальной безопасности России // Вопросы экономики. 2001. № 8. С. 64–79.

³ Правовое обеспечение безопасности Российской Федерации: научно-практическое пособие. М., 2005. С. 19.

⁴ Там же. С. 21.

Анализ научной литературы позволяет заключить, что зачастую имеет место отождествление понятий «национальная безопасность» и «государственная безопасность». Такие подходы наиболее часто встречаются в международно-правовой практике, где термин «нация» используется как синоним терминов «государство», «страна». Об этом свидетельствует наименование самой авторитетной международной организации – Организации объединенных наций, в которой представлены практически все современные государства. В этой связи следует иметь в виду, в каком контексте используется тот или иной термин, что может повлечь за собой определенные неточности при исследовании отношений безопасности.

В настоящее время наблюдается возрастание роли государства при регулировании социальных процессов, в том числе и в экономической сфере, где одной из наиболее значимых доминант выступает деятельность органов государства по обеспечению защищенности прав, свобод и законных интересов как общества в целом, так и отдельно взятой личности. Вместе с тем, не иссякают публикации по экономической проблематике, где говорится о том, что государство не должно вмешиваться в экономические отношения.

Очевидно, что невмешательство государства в экономику негласно строится на сомнительном убеждении, что рынок якобы не нуждается в контроле со стороны государства, а механизмы рыночной саморегуляции в состоянии эффективно упорядочить экономические процессы, когда отдельно взятые личности и их коллективы в состоянии без участия государства стабилизировать экономические отношения. Однако свобода экономической деятельности открывает простор для проявления не только положительных, но и отрицательных качеств личности, что всемерно актуализирует участие государства в экономической деятельности, которую следует корректировать с учетом динамики экономических и иных общественных отношений.

Связь экономической безопасности и государственной безопасности является очевидной. Качественное состояние

защищенности экономических отношений, необходимое ресурсное (экономическое) обеспечение позволяют успешно решать задачи по обеспечению государственной безопасности. Очевидно, что противодействие проявлению терроризма, экстремизма, действиям, направленным на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации, нарушению работы или уничтожению военных, промышленных объектов, объектов жизнеобеспечения, дестабилизации функционирования органов государственной власти, местного самоуправления вызывает необходимость использования существенных экономических ресурсов¹.

Изложенное может создать иллюзию, что экономическая безопасность является составным элементом государственной безопасности, однако существующая связь значительно глубиннее и сложнее. Не отрицая роль экономической безопасности в обеспечении государственной безопасности, следует принимать во внимание, что наряду с экономической безопасностью на общегосударственном уровне существует региональная, муниципальная экономическая безопасность, безопасность организаций (фирм, учреждений и т. п.), а также, что весьма значимо в условиях формирования гражданского общества, экономическая безопасность отдельно взятой личности, уровень защиты ее экономических прав и свобод.

Подобную сложную взаимосвязь необходимо учитывать в ходе нормативно-правового регулирования, определения перспективных форм и методов обеспечения государственной и экономической безопасности, определения субъектов их обеспечения. Важно обеспечить баланс интересов различных субъектов экономических отношений, которые изначально обладают различным экономическим потенциалом. В современных условиях важно стимулировать развитие малого и среднего бизнеса, удельный вес которого в экономике России растет, а

---

¹ См.: *Петрянин А.В.* Концептуальные основы противодействия преступлениям экстремистской направленности: теоретико-прикладное исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2015.

государство принимает меры по стимулированию функционирования данных субъектов¹.

В этой связи существует потребность в децентрализации государственного управления в сфере экономики, но при этом усложняется проблема обеспечения экономической безопасности, поиск и применение адаптированных форм и методов деятельности. В таких условиях усложняется деятельность по обеспечению экономической безопасности, так как правоохранительные органы традиционно ориентированы на охрану крупных хозяйствующих субъектов. В этой связи правоохранительная система должна преодолеть косность, стать более мобильной, чутко реагировать на существующие и перспективные вызовы.

Следует иметь в виду, что современное государство обладает значительным потенциалом, который должен быть направлен на снятие угроз экономической безопасности. Эта деятельность имеет особенно важное значение в условиях «несилового» давления иностранных государств и международных организаций, что может выражаться в следующем: 1) спекуляциях на рынках энергоносителей, ценных бумаг, валюты; 2) введении эмбарго, заградительных таможенных пошлин; 3) технологической блокаде (запрет на предоставление передовых технологий); 4) необоснованном блокировании финансовых ресурсов физических и юридических лиц за рубежом.

Проведение государством глубоких структурных экономических реформ, поддержание отечественного товаропроизводителя, стимулирование реального (физического) роста объемов ВВП, повышение интеллектуальной составляющей в производимой продукции и иные мероприятия могут быть осуществлены только при активном участии государства и позитивным образом скажутся как на укреплении государственной, так и экономической безопасности.

---

¹ О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 31, ст. 4006.

Экономическая безопасность находится во взаимосвязи с *общественной безопасностью*. Общественная безопасность является разновидностью национальной безопасности. Выделение общественной безопасности обусловлено рядом объективных факторов: спецификой охраняемых отношений; наличием специального нормативного правового регулирования; установлением специальной системы правовой охраны (гл. 20 КоАП РФ, гл. 24 УК РФ); наличием специальных государственных и иных органов, осуществляющих ее обеспечение.

В литературе термин «общественная безопасность» зачастую используется в качестве синонима категории «национальная безопасность». В этом случае происходит обобщение общественной безопасности с родовым понятием, в качестве которого выступает национальная безопасность. Так, специалисты Фонда национальной и международной безопасности определили общественную безопасность как «состояние общества, человека, когда обеспечены благоприятные возможности для удовлетворения и реализации их жизненных, духовных и материальных потребностей, когда есть у них необходимый минимум устойчивости и стабильности, социальный иммунитет, готовность и способность противостоять деструктивным воздействиям, опасностям и угрозам жизни, здоровью, имуществу, всей совокупности прав, свобод, законных интересов граждан, их объединений»¹.

Подобный подход является скорее исключением. Наиболее часто общественная безопасность связывается с использованием источников повышенной опасности, то есть транспортных средств, объектов электроэнергетики, различных механизмов и агрегатов, а также в связи с действиями стихийных сил природы (землетрясения, наводнения, эпидемии, эпизоотии и т. п.). Рассматривая административно-правовые средства обеспечения общественной безопасности, Б.П. Кондрашов пишет: «Под общественной безопасностью как разновидностью социальной

---

¹ Позднышов А.И. Государственная служба в сфере обеспечения общественной безопасности: монография. Ростов на/Д, 2003. С. 18.

безопасности понимается система общественных отношений, урегулированных правовыми нормами в целях обеспечения безопасности личности, общественного спокойствия, благоприятных условий для труда и отдыха граждан, нормальной деятельности органов, общественных объединений, предприятий, учреждений и организаций, от угрозы, исходящей от преступных и иных противоправных деяний, нарушения порядка пользования источниками повышенной опасности, предметами и веществами, изъятыми из гражданского оборота, явлений негативного техногенного и природного характера, а также других особых обстоятельств»¹. В данном случае автором акцентировано внимание на связи с социальной безопасностью, нормативной правовой основе, целевом предназначении, источниках угроз рассматриваемого явления.

В советской правовой традиции вопросам общественной безопасности традиционно уделялось существенное внимание, что объясняется необходимостью защиты общественных отношений от угроз, которые были связаны с функционированием наиболее опасных объектов, а также с проявлениями стихийных сил природы. В настоящее время интерес к данной проблематике остается устойчивым, что объясняется потребностью в доктринальном осмыслении данной проблематики в условиях проводимых реформ. В пользу актуальности проведения исследований в области общественной безопасности свидетельствует появление новых угроз общественной безопасности, необходимость адаптации правоприменителей к деятельности в новых условиях.

В современных условиях проблема обеспечения общественной безопасности трансформировалась из рядовых общеправовых в «проблему проблем» в структуре противоречий любого социума. Такое положение обусловлено тем, что негативные последствия ненадлежащего обеспечения общественной безопасности столь ощутимы, что встает вопрос о

---

¹ Кондрашов Б.П. Общественная безопасность и административно-правовые средства ее обеспечения: монография. М., 1998. С. 8.

необходимости привлечения колоссальных ресурсов для их локализации и восстановления нарушенного правового состояния. Такое положение предопределило значительное внимание, которое уделено данному явлению в Стратегии национальной безопасности РФ¹.

Учитывая, что обеспечение общественной безопасности является одним из приоритетных направлений государственной политики в сфере национальной безопасности Российской Федерации, была принята Концепция общественной безопасности в Российской Федерации, где общественная безопасность была определена как «состояние защищенности человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»².

Признавая значимость и актуальность проблемы общественной безопасности, следует отметить необоснованность отказа в официальном опубликовании вышеуказанного стратегического документа. В то же время на официальном уровне уделяется внимание отдельным видам общественной безопасности, в частности пожарной безопасности, о чем свидетельствует принятие Основ государственной политики Российской Федерации в области пожарной безопасности на период до 2030 года³. С учетом высокого уровня дорожно-транспортных происшествий видится оправданным принятие Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018–2024 годы⁴.

---

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 (п. 42–49) // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1, ч. II, ст. 212.

² Концепция общественной безопасности в Российской Федерации: утв. указом Президента РФ 14 ноября 2013 г. № Пр-2685. Документ опубликован не был.

³ Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области пожарной безопасности на период до 2030 года: указ Президента РФ от 1 января 2018 г. № 2 // Собрание законодательства РФ. 2018. № 2, ст. 411.

⁴ Об утверждении Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018–2024 годы: распоряжение Правительства РФ от 8 января 2018 г. № 1-р // Собрание законодательства РФ. 2018. № 5, ст. 774.

Общественная безопасность, являясь составным элементом национальной безопасности, тесно взаимодействует с экономической безопасностью. Обеспечение общественной безопасности направлено на предупреждение, выявление и пресечение террористической и экстремистской деятельности, преступлений, связанных с коррупцией, незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, организацией незаконной миграции, торговлей людьми, а также других преступных посягательств на права и свободы человека и гражданина, материальные и духовные ценности общества, критически важные и (или) потенциально опасные объекты инфраструктуры Российской Федерации, а также профилактику социальных и межнациональных конфликтов, предупреждение, ликвидацию и минимизацию последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. В этой связи от ее состояния напрямую зависит качество обеспечения интересов личности, общества и государства, в том числе в сфере экономики.

Взаимосвязь прослеживается и в формах, методах обеспечения общественной и экономической безопасности, а также в субъектном обеспечении. Основными субъектами обеспечения безопасности вообще и отдельных ее видов является государство в лице органов законодательной, исполнительной и судебной власти. Существенная нагрузка здесь возлагается на органы внутренних дел. Его структурные подразделения и должностные лица наделяются значительными полномочиями по обеспечению общественной и экономической безопасности.

Состояние (уровень) обеспечения общественной безопасности оказывает влияние на состояние экономической безопасности. Имеет место и обратная связь. Так, пожары, в том числе и лесные, которые в последнее время происходят в районах Сибири и Дальнего Востока, причиняют урон не только общественной безопасности, экологической безопасности, но и влекут значительный экономический урон, негативно сказываются на состоянии экономической безопасности.

Необходимо также отметить, что объектом террористических атак в ряде случаев выступают важнейшие объекты экономической деятельности (электростанции, линии электропередач, объекты транспорта и т. п.), которые являются важнейшими объектами обеспечения жизнедеятельности, то есть объектами общественной безопасности. В то же время ненадлежащий уровень экономической безопасности (недостаточное экономическое обеспечение, финансирование системы жизнеобеспечения) негативным образом сказывается на мероприятиях по предупреждению и устранению угроз общественной безопасности, в том числе в ходе противодействия угрозам стихийного характера, противодействия терроризму и экстремизму.

Признавая наличие взаимосвязи между общественной и экономической безопасностью, следует учитывать и наличие существенных различий. Они проявляются, прежде всего, в объектах правоохраны. Нами было отмечено, что в качестве объекта экономической безопасности выступают экономические отношения, в то время как объектом общественной безопасности является широкий круг общественных отношений в экономической, административно-политической и социально-культурной сферах жизнедеятельности общества.

Принципиально важное отличие существует в нормативно-правовом регулировании данных явлений. Если нормативную основу экономической безопасности составляют правовые нормы, которые закрепляют (должны закреплять) экономические закономерности, то в основу общественной безопасности положены юридико-технические нормы. Они призваны регулировать способы воздействия человека на предметы и объекты внешнего мира, по поводу которых возникают общественные отношения¹. Речь в ряде случаев идет о технических нормах, которые необходимо «перевести» на правовой язык, то есть закрепить в соответствующих нормативных правовых актах различной юридической силы. Для субъектов

---

¹ См.: Административное право и административная деятельность органов внутренних дел: учебник / под ред. Л.Л. Попова. М., 1990. С. 144.

правотворчества необходимо познать законы механики, термодинамики, химии и других естественных наук с тем, чтобы выработать адекватные нормативные правовые предписания, в которых была бы учтена специфика названных отношений. В этой связи интерес представляет учет экспертных оценок при осуществлении нормативного правового регулирования.

Рассматривая взаимосвязь экономической безопасности с другими явлениями, целесообразно обратить внимание на взаимосвязь с *охраной собственности*. Нами неоднократно отмечалась относительная молодость термина «экономическая безопасность». В советский период при рассмотрении вопросов противодействия экономическим правонарушениям различной степени общественной опасности был использован термин «охрана собственности». Такой подход вполне объясним, так как в тот период была сформирована действенная система правовой охраны экономических отношений.

В настоящее время стоит задача защитить весь спектр экономических отношений, не ограничиваясь собственностью. При этом не следует сбрасывать со счетов, что собственность является ключевой экономической категорией, важнейшей характеристикой экономических отношений. Этим можно объяснить тот факт, что в статье 8 Конституции РФ собственность закреплена в качестве основ конституционного строя Российской Федерации.

Основопологающей ролью отношений собственности можно объяснить то, что они выступили в качестве самостоятельного объекта правовой охраны. Значимость отношений собственности столь велика, что законодателем, о чем свидетельствуют глава 7 КоАП РФ и глава 21 УК РФ, установлена административная и уголовная ответственность за посягательства в данной области.

Между охраной собственности и экономической безопасностью существует четкая взаимосвязь. Такое положение объясняется тем, что они характеризуют явления, которые имеют место в сфере экономики. От их состояния зависит в итоге качество экономических отношений. Наряду с этим имеют место

и определенные различия. Следует учитывать, что собственность выступает составным элементом вещного права, базой большинства экономических отношений. В этой связи состояние охраны собственности напрямую влияет на уровень защищенности экономических отношений и выступает показателем состояния экономической безопасности.

Рассматривая отличия понятий «охрана собственности» и «экономическая безопасность», следует отметить, что они носят разноуровневый характер. Понятие «охрана собственности» содержит информацию о комплексе правовых, экономических, организационных и иных мероприятий, проводимых в целях защиты отношений собственности, в то время как «экономическая безопасность» дает характеристику защищенности всей системы экономических отношений, в том числе и в сфере собственности от различных угроз. В этой связи должная защищенность экономических отношений не может быть без качественной защиты отношений собственности. В то же время экономические отношения отличаются разнообразием и не ограничиваются отношениями собственности, хотя следует признать, что последние играют определяющую роль в сфере экономики.

Рассматривая взаимосвязь экономической безопасности с другими явлениями, необходимо проанализировать взаимосвязь с *общественным порядком*. В литературе общественный порядок традиционно рассматривается как в широком, так и в узком (специальном) смыслах. В рамках широкого подхода общественный порядок – это состояние урегулированности всех отношений, существующих в обществе, что достигается в силу действия социальных норм. Профессор В.В. Лазарев определяет общественный порядок как «определенное качество (свойство) системы общественных отношений, состоящее в такой упорядоченности социальных связей, которая ведет к согласованности и ритмичности общественной жизни, беспрепятственному осуществлению участниками общественных отношений

своих прав и обязанностей и защищенности их обоснованных интересов, общественному и личному спокойствию»¹.

Узкое или специальное видение общественного порядка наиболее часто встречается в административно-правовой литературе и понимается как система волевых общественных отношений, складывающихся и развивающихся главным образом в общественных местах на основе соблюдения норм права и иных социальных норм, направленных на обеспечение личной безопасности граждан, общественной безопасности, на создание благоприятных условий для нормального функционирования предприятий, учреждений, организаций и общественных объединений, для труда и отдыха граждан, уважения их чести, достоинства и общественной нравственности².

Краткий ретроспективный анализ позволяет отметить, что в отечественном административном (полицейском) праве термин «общественный порядок» был позаимствован из французских источников начала XIX века, что объясняется влиянием французской полицейстики на отечественное полицейское право. Основной обязанностью, возложенной на полицию, являлась «охрана общественного порядка в каждой местности»³. Эволюция терминологии привела к тому, что в конце XIX века на смену термину «общественный порядок» были введены другие определения понятий: «благочиние» – правомерное поведение граждан в общественных местах, «благоустройство» – рациональное устройство улиц, «благополучие» – нормальное продовольственное, медицинское и экологическое состояние населения⁴.

Предметом самого пристального внимания общественный порядок стал в отечественной административистике на

---

¹ Лазарев В.В. Законности и правопорядок // Проблемы общей теории права и государства: учебник для вузов / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М., 1999. С. 475.

² См.: Колантаевский Ф.Е. Организационные основы охраны общественного порядка в современных условиях: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1996. С. 16.

³ Рейгард Н.В. Судебная полиция. Казань, 1900. С. 5.

⁴ См.: Бельский К.С. Феноменология административного права. Смоленск, 1996. С. 89.

рубеже 50–80-х годов XX столетия¹. Наибольшая заслуга в исследовании данного явления принадлежит специалистам, которые работали в учебных и научных учреждениях. К.С. Бельский в этой связи отметил, что для «теоретических работ об общественном порядке, несмотря на имеющиеся в них ценные и глубокие положения, характерен узкий «милицейский» взгляд на проблему в целом»².

С такой точкой зрения нельзя согласиться, так как она несет в себе в определенной мере отрицательную оценку и не отвечает действительности. Не оспаривая наличие «милицейского» взгляда на проблему, следует обратить внимание на четкую прикладную направленность тех работ, которые наряду с выявлением теоретических закономерностей стали реальным инструментарием, позволившим повысить эффективность деятельности органов внутренних дел по реализации возложенных на них задач по обеспечению общественного порядка. Органы внутренних дел на протяжении длительного времени выполняют наибольший объем работы по обеспечению общественного порядка. В этой связи ученые, которые работали в системе МВД, закономерно предметно занимались научным обеспечением этого вида правоохранительной деятельности.

Российский законодатель осуществил преемственность в правовом регулировании, и в соответствии с пунктом 6 части 1 статьи 2 ФЗ «О полиции» к одному из основных направлений деятельности полиции отнесено «обеспечение правопорядка в общественных местах».

Признавая важность и перспективность «широкого» и «узкого» подходов по отношению к общественному порядку, необходимо отметить и наличие критических суждений.

---

¹ См.: *Ерошкин М.И.* Управление в области охраны общественного порядка. М., 1965; *Серегин А.В.* Советский общественный порядок и административно-правовые средства его укрепления. М., 1975; *Веремеенко И.Н.* Механизм административно-правового регулирования в сфере охраны общественного порядка. М., 1981. Ч. 1–2; и др.

² *Бельский К.С.* Феноменология административного права. Смоленск, 1996. С. 89–90.

Так, некоторые авторы отмечают, что наличие такого подхода «заметно обедняет административно-правовую науку и сужает ее возможности в части выработки конструктивных рекомендаций по наведению правового порядка в стране, эффективному противодействию преступности и правонарушениям»¹.

В этой связи непоследовательным видится кардинально измененная позиция данных авторов по рассматриваемому вопросу, так как данные категории, по их мнению, выполняют ряд содержательных функций, необходимых: 1) уголовно-правовому и административному законодательству при формулировании основного или факультативного объекта противоправных посягательств; 2) криминологии при исследовании пространственно-территориального распределения преступлений и правонарушений; 3) правоохранительной и управленческой практике органов внутренних дел при анализе обоснованности и эффективности расстановки и использования сил и средств для охраны правопорядка на территории обслуживания; 4) органам исполнительной власти для решения комплекса вопросов, связанных с поддержанием надлежащего состояния территорий, их благоустройства, решения вопросов так называемой пассивной профилактики преступлений и правонарушений².

При рассмотрении соотношения экономической безопасности и общественного порядка целесообразно рассматривать последнее в широком смысле слова. В этой связи они органически взаимодействуют, и стабильный общественный порядок является гарантией качественной экономической безопасности. В свою очередь, низкий уровень защищенности экономических отношений лишает общественный порядок прочной экономической базы, негативно сказывается на деятельности по обеспечению общественного порядка. Нарушение общественного порядка в ряде случаев причиняет экономический урон, требует

---

¹ Аврутин Ю.Е., Кикоть В.Я., Сыдорук И.И. Правопорядок: организационно-правовое обеспечение в Российской Федерации. Теоретическое административно-правовое исследование: монография. М., 2003. С. 51.

² См. там же. С. 58.

дополнительного использования экономических ресурсов для восстановления нарушенного правового содержания.

Интерес представляет взаимосвязь *экономической безопасности с правопорядком*. Вопросы правопорядка традиционно анализируются в отечественной литературе¹. По мнению В.В. Борисова, правопорядок следует рассматривать как «юридическое оформление одного из важнейших свойств развития материи в высшей форме ее проявления – социальной жизни»².

Несмотря на некоторые отличия в существующих определениях правопорядка, они, на наш взгляд, укладываются в три основных «магистральных» подхода к пониманию и интерпретации этого феномена: 1) состояние общественных отношений, связанное с реализацией права и законности (Л.С. Явич, С.С. Алексеев, О.Ф. Мураметс, Т.М. Шамба, А.С. Шабуров и др.); 2) состояние общественных отношений, характеризующееся (выражающееся) системой правоотношений (В.В. Борисов, М.И. Байтин, Б.Л. Назаров, В.М. Сырых); 3) упорядоченность общественных отношений, выраженная в правомерном поведении (Г.С. Котляревский, А.Б. Лисюткин, В.Н. Казаков).

Безусловно, нуждается в корректировке утверждение о том, что правопорядок – результат законности. Скорее, правопорядок следует рассматривать как результат действия права, совокупный результат действия всех правовых средств, который выражается в фактической, реальной упорядоченности общественных отношений, в приобретении ими свойств системности, согласованности, непротиворечивости, гармоничности интересов в функционировании общества (общественных отношений) в рамках заданных правом параметров.

---

¹ Вопрос правопорядка традиционно находится в орбите внимания юристов-исследователей, что свидетельствует о значимости данной проблематики. См.: *Александров Н.Г.* Законность и правоотношения в советском обществе. М., 1955. С. 124–126; *Алексеев С.С.* Проблемы теории права: курс лекций: в 2 т. Свердловск, 1972. Т. 1. С. 124–125; *Борисов В.В.* Правовой порядок развитого социализма. Саратов, 1977. С. 56–57; и др.

² *Борисов В.В.* Правопорядок // Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 2000. С. 576.

Правопорядку, по нашему мнению, присущи следующие свойства: 1) обладает соответствующей нормативной правовой основой; 2) свойственно определенное содержание; 3) имеет единую качественную организованность общественных отношений, устойчивость и стабильность; 4) образующие его отношения обретают единство, согласованность, системность; 5) имеет определенную структуру; 6) обеспечиваются системой гарантий, в том числе мерами государственного принуждения; 7) отличается динамизмом, что обусловлено развитием общественных отношений и их нормативным правовым регулированием.

Между правом порядком и экономической безопасностью существуют различия, которые производны от их сущностной характеристики: 1) порядок представляет собой состояние общественных отношений в результате воздействия норм права, в то время как экономическая безопасность является не просто частью общественных отношений (в сфере экономики), а состоянием их защищенности от существующих и потенциальных угроз; 2) в источниках угроз: для порядка такими угрозами выступают правонарушения различной степени общественного порядка; для безопасности угрозы исходят как от экономических правонарушений, так и правовых аномалий стихийного (природного) и техногенного характера; 3) в формах и методах обеспечения; 4) субъектах обеспечения; 5) гарантиях обеспечения.

Наряду с различиями экономическая безопасность и порядок имеют и общие свойства. Они регламентируются действующим законодательством. При этом порядок регулируется большим разнообразием правовых норм, так как в данном случае применяются нормы всех отраслей российского права, в то время как отношения в сфере экономики регламентируются, как правило, нормами гражданского, предпринимательского, финансового права, а также административного и уголовного права. Высокое качество порядка способствует укреплению экономической безопасности. В свою очередь, должным образом защищенные экономичес-

кие отношения создают необходимые условия для реализации правовых норм.

Существенно реже в литературе обращается внимание на соотношение экономической безопасности и *правопорядка в экономике*, который рассматривается в качестве разновидности правопорядка. Так, при анализе состояния экономической преступности в экономической сфере П.Н. Панченко обращает внимание на необходимость оптимизации уголовной политики в экономической сфере: «Оптимизация уголовной политики и *экономического правопорядка* (курсив наш. – Н.М.) как интегрированная тенденция экономического развития, как осуществляемое дело государства пробивает дорогу сквозь толщу процессов, несущих в сегодняшний день «проклятое прошлое» в виде психологизации правоохранительной политики (выражающейся в наведении страха на население посредством применения к преступникам жестоких наказаний, в возведении строгих наказаний в ранг официальной государственной политики), ее политизация (подмена в противодействии преступлениям права политикой) и фетишизация (применение наказания на безальтернативной основе, так сказать, в их «голом» виде, когда они не подкрепляются мерами профилактического, предупредительного и иного неуголовно-правового характера)»¹.

Признавая обоснованность и даже необходимость использования термина «экономический правопорядок», следует отметить, что данный автор не дает определения понятия «экономический правопорядок». Мы полагаем, что экономический правопорядок можно определить как состояние урегулированности экономических отношений посредством правовых норм. Очевидно, при определенных обстоятельствах могут быть использованы такие термины, как «экономическая безопасность» и «экономический правопорядок». Они должны не конкурировать, а взаимно дополнять друг друга.

---

¹ Панченко П.Н. Оптимизация уголовной политики и проблемы правопорядка в экономике: монография / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2004. С. 21.

Заслуживает самого пристального внимания определение соотношения экономической безопасности с *продовольственной безопасностью*. Важность продовольственной безопасности весьма велика. При этом она проявляется как на макро- (общегосударственном), так и микроуровне (отдельного индивидуума). Необходимостью создать качественную научную составляющую обеспечения продовольственной безопасности можно объяснить наличие значительного числа публикаций по данной тематике¹.

В Модельном законе «О продовольственной безопасности»² продовольственная безопасность определяется как состояние экономики государства, при котором обеспечивается независимость страны и гарантируется физическая и экономическая доступность продовольствия для всего населения в количестве, необходимом для активной и здоровой жизни. Такая трактовка продовольственной безопасности получила вполне закономерную критику, так как определяющим при ее характеристике и, соответственно, ее обеспечении положен

---

¹ См.: *Балабанов В.С., Борисенко Е.Н.* Продовольственная безопасность: международные и внутренние аспекты. М., 2002; *Виноградов В.Н.* Продовольственная безопасность как сфера национальных интересов России. М., 2004; *Глотова Е.А.* Государственная политика обеспечения продовольственной безопасности современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Чита, 2011; *Дикарев О.В.* Методологические основы решения продовольственной проблемы и обеспечения продовольственной безопасности: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Воронеж, 2004; *Оловянников Д.Г.* Развитие продовольственного рынка региона в системе обеспечения продовольственной безопасности: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Улан-Удэ, 2010; *Парамонова С.В., Пашина Л.Л.* Продовольственная безопасность: измерение, оценка, планирование: монография. Благовещенск, 2004; *Пислярь В.И.* Продовольственная безопасность: сущность, методы ее обеспечения и направления развития: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Иркутск, 2002; *Рябова Т.Ф.* Экономическая безопасность: продовольственная безопасность. Термины и определения: словарь. М., 2001; *Филонова Т.Н.* Продовольственная безопасность и ее регулирование в условиях открытой экономики: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Орел, 2007.

² О продовольственной безопасности: модельный закон, принят на 14 пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участниц СНГ // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств – участников СНГ. 2000. № 23. С. 155–161.

исключительно количественный критерий, а качественный показатель отсутствует.

Значительную роль в обеспечении продовольственной безопасности призвана выполнить Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации, где в абзаце 2 пункта 5 продовольственная безопасность Российской Федерации определена как «состояние экономики страны, при котором обеспечивается продовольственная независимость Российской Федерации, гарантируется физическая и экономическая доступность для каждого гражданина страны пищевых продуктов, соответствующих требованиям законодательства Российской Федерации о техническом регулировании, в объемах не меньше рациональных норм потребления пищевых продуктов, необходимых для активного и здорового образа жизни»¹. Разработчики Доктрины учли как количественные, так и качественные подходы при определении понятия «продовольственная безопасность», что следует признать оправданным и обоснованным².

При всех различиях в подходах определения содержания продовольственной безопасности они могут быть объединены в две группы. Приверженцы первого подхода рассматривают продовольственную безопасность государства как способность обеспечения бесперебойного снабжения продуктами питания как отечественного, так и импортного производства на уровне, достаточном для сохранения жизни и здоровья населения. При этом акцент делается на количественное обеспечение продуктами питания населения безотносительно к источникам их происхождения. Сторонники второго подхода считают, что продовольственная безопасность характеризуется отсут-

---

¹ Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации: утв. указом Президента РФ от 30 января 2010 г. № 120 // Российская газета. 2010. 3 февраля.

² См.: Об основах государственной политики Российской Федерации в области здорового питания населения на период до 2020 года: распоряжение Правительства РФ от 25 января 2010 г. № 1873-р // Собрание законодательства РФ. 2010. № 45, ст. 5869.

ствием зависимости государства от импорта, то есть ее обеспечение исключительно за счет собственного (внутригосударственного) потенциала. В данном случае речь идет о самообеспеченности сельскохозяйственной продукцией, а также, что немаловажно, защиту интересов отечественных производителей продукции сельскохозяйственного назначения¹.

Анализ положений Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации позволяет утверждать, что речь идет о реализации на официальном уровне первого подхода. Полагаем, что продовольственную безопасность не следует сводить к «продовольственной самообеспеченности» и «продовольственной независимости». Признавая наличие существующих подходов, целесообразно вести речь о реализации консолидированного подхода. Продовольствие, состояние продовольственного рынка, продовольственная безопасность в настоящее время являются наиважнейшей характеристикой государства. Очевидно, что в современных условиях продовольственная безопасность является комплексным состоянием, которое должно включать в себя как самообеспеченность, так и независимость государства в области продовольственного обеспечения.

Продовольственная независимость раскрывается посредством соответствующих количественных характеристик, которые обусловлены наличием продовольствия в таких объемах, дающих возможность населению получать его не ниже рациональных норм потребления пищевых продуктов, необходимых для активного и здорового образа жизни. Важной составляющей продовольственной безопасности является продовольственная самообеспеченность. Здесь ключевой выступает способность государства обеспечивать самостоятельно в необходимых объемах население тем объемом продовольствия, который необходим для рациональных норм потребления пищевых продуктов.

---

¹ См.: Экономическая безопасность: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям экономики и управления / под ред. В.А. Богомолова. 2-е изд. перераб. и доп. М., 2009. С. 109.

В настоящее время необходимо ориентировать государственную политику в аграрном секторе на комплексное использование всех мер государственной поддержки, в том числе: государственный протекционизм, прямые инвестиции непосредственно сельскохозяйственным производителям, поддержание высокого уровня доходности сельскохозяйственного производства, стимулирование конкурентоспособности в аграрном секторе, введение «заградительных» пошлин на импортируемое производство и др.

Проблема обеспечения продовольственной безопасности в России усложняется в условиях международных санкций и необходимости реализации программы импортозамещения. Вместе с тем, следует отметить опасную тенденцию, когда вместо замещения импортируемых продуктов питания из США, Евросоюза, Австралии и некоторых других государств, Минсельхоз России и Минэкономразвития России привлекают на российский рынок сельскохозяйственную продукцию из других государств. В этом случае имеет место не импортозамещение, а замещение импортера.

Эффективность обеспечения продовольственной безопасности в Российской Федерации зависит от использования зарубежного опыта, осуществления преемственности в регулировании отношений в области аграрного сектора экономики, учета почвенно-климатических особенностей страны. Низкая рентабельность сельскохозяйственного производства в России предопределена тем, что около 90% земель сельскохозяйственного назначения находятся в зоне рискованного земледелия, а это требует осуществления государственных гарантий для сельскохозяйственных производителей. Следует учитывать температурный режим в России, а следовательно, снизить цену на электроэнергию, горючесмазочные материалы, которые используются в сельскохозяйственном производстве.

В связи со вступлением в ВТО на Российскую Федерацию возложены существенные ограничения по оказанию государственной поддержки сельхозпроизводителям. Вместе с тем,

стимулирование производства в аграрном секторе – это не только обеспечение продовольственной безопасности, но и преодоление ряда глобальных социальных вызовов, в том числе и демографического. В настоящее время в сельской местности проживает около трети населения России, и развитие сельскохозяйственного производства позволит обеспечить занятость населения, снять остроту проблемы урбанизации страны, сформировать необходимую систему социальной защиты сельского населения.

Одной из проблем обеспечения продовольственной безопасности в России является повышение цен на продовольственные товары. В связи с падением курса рубля по отношению к ведущим мировым валютам недобросовестные продавцы взвинтили цены на наиболее востребованные продукты питания. Для нормализации ситуации в 2015 году сотрудниками прокуратуры, Роспотребнадзора, Федеральной антимонопольной службы были проведены систематические комплексные проверки торговых предприятий на предмет обоснованности установления цен на продовольственные товары. К сожалению, данные мероприятия носили разовый характер и не трансформировались в системную контрольную деятельность в указанном направлении.

Очевидно, что при обеспечении продовольственной безопасности требуется реализация комплексного подхода. Существует потребность в обеспечении необходимого количества продуктов питания и при этом источником происхождения данных продуктов должен быть отечественный производитель. С этой целью следует проводить целенаправленную взвешенную политику как с учетом прав потребителей, так и интересов, в том числе и экономических, отечественных производителей сельскохозяйственной продукции. В этой связи следует стимулировать деятельность общественных объединений потребителей, сотрудничество агробизнеса с консьюмеристскими организациями, сотрудничество государственных органов с организациями потребителей, испытательными центрами и лабораториями, юристами, различного рода

консультантами, средствами массовой информации, торгующими организациями¹.

Между продовольственной и экономической безопасностью существует тесная взаимосвязь. Данная взаимосвязь обусловлена тем, что продовольственная безопасность предопределяется качеством функционирования агропромышленного комплекса. «Агропромышленный комплекс призван обеспечить потребительский рынок продовольствием и сырьем для промышленного производства. Как отрасль экономики она включает производство сельскохозяйственной продукции, ее заготовку, переработку и хранение»².

В этой связи складывается первое представление, что продовольственная безопасность является составным элементом экономической безопасности, поэтому большинство авторов рассматривают продовольственную безопасность как разновидность экономической безопасности³. Вместе с тем, такое соотношение гораздо сложнее, так как продовольственная безопасность не может быть сведена к одному из составных элементов экономической безопасности. Такое положение обусловлено тем, что продовольственная безопасность самым непосредственным образом оказывает воздействие на демографическую ситуацию в стране, на здоровье ее граждан. Состояние продовольственной безопасности в ряде случаев ставит на повестку дня проблему физического выживания человека, так как недостаток продуктов питания, несоответствие их качества предъявляемым требованиям приводит к физическому уничтожению

---

¹ См.: Продовольственная безопасность России: проблемы и перспективы / А.А. Афиногентова [и др.]; под ред. А.А. Афиногентовой. Саратов, 2004. С. 81.

² Административное право: учебник / под ред. Ю.М. Козлова, Л.Л. Попова. М., 1999. С. 556.

³ См.: *Корнилов К.Н.* Экономическая безопасность России: основы теории и методология исследования: учебное пособие. М., 2005. С. 25; *Максимов С.Н.* Административно-правовое обеспечение экономической безопасности в Российской Федерации: концептуальные и методические аспекты: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 86–89; *Халиуллин Р.Г.* Структурно-функциональный анализ экономической безопасности России: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008. С. 99–100; и др.

человека. В этой связи разработчики Доктрины продовольственной безопасности указали, что продовольственная безопасность является одним из главных направлений обеспечения национальной безопасности страны в среднесрочной перспективе, фактором сохранения ее государственности и суверенитета, важнейшей составляющей демографической политики, необходимым условием реализации стратегического национального приоритета – повышение качества жизни российских граждан путем гарантирования высоких стандартов жизнеобеспечения. При этом стратегической целью продовольственной безопасности является обеспечение населения страны безопасной сельскохозяйственной продукцией, рыбной и иной продукцией из водных биоресурсов и продовольствием. При этом гарантией ее достижения является стабильность внутреннего производства, а также наличие необходимых резервов и запасов¹.

В литературе встречаются весьма специфические подходы к характеристике продовольственной безопасности. Так, Л.Е. Калинина рассматривает ее в качестве части общественной безопасности². Мы полагаем, что данная позиция является ошибочной и строится на акцентировании внимания на безопасности пищевых продуктов как технической характеристике продовольственной безопасности.

По нашему мнению, экономическую и продовольственную безопасность целесообразно рассматривать как однопорядковые явления, то есть полноценные компоненты национальной безопасности. Качественное состояние экономической базы оказывает воздействие на состояние продовольственной безопасности, так как без нее не представляется возможным должным образом обеспечить продовольственную безопасность,

---

¹ Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 30 января 2010 г. № 120 (п. 2) // Собрание законодательства РФ. 2010. № 5, ст. 502.

² См.: *Калинина Л.Е.* «Продовольственная безопасность» и «безопасность пищевых продуктов» – соотношение понятий // Эффективность права: проблемы теории и практики: материалы Международной научно-практической конференции (Краснодар, 10–11 октября 2014 г.). Краснодар, 2014. С. 241.

изыскать необходимые экономические ресурсы обеспечения. В то же время экономическая безопасность не может быть полноценной при условии низкого качественного состояния продовольственной безопасности, так как агропромышленный комплекс выступает в качестве одного из важнейших отраслей экономики и подлежит в обязательном порядке правовой охране.

Существенный интерес представляет взаимосвязь экономической и *информационной безопасности*. Такой посыл обусловлен потребностью реформирования экономики, формирования его нового перспективного сегмента, в качестве которого выступает цифровая экономика. Президент РФ В.В. Путин на Петербургском международном экономическом форуме, прошедшем 1–13 июня 2017 года отметил, что «цифровая экономика – это не отдельная отрасль, по сути, это основа, которая позволяет создавать качественно новые модели бизнеса, торговли, логистики, производства, изменяет формат образования, здравоохранения, госуправления, коммуникаций между людьми, а следовательно, задает новую парадигму развития государства, экономики и всего общества»¹.

В этой связи на повестке дня стоит проблема функционирования экономики в новых условиях. Наряду с этим Президентом РФ было отмечено, что с учетом формирования и функционирования цифровой экономики требуется создание принципиально новой, гибкой нормативной правовой базы, что ставит на повестку дня обеспечение информационной безопасности как государства, бизнеса, так и граждан.

В настоящее время основополагающим нормативным правовым актом в данной области выступает Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»². Необходимо отметить принятие документа стратегического планирования в

---

¹ URL: <https://rg.ru/2017/06/04/reg-szfo/vladimir-putin-vnedrit-cifrovye-tehnologii-vo-vse-sfery-zhizni.html> (дата обращения: 21.02.2018).

² Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31, ч. I, ст. 3448.

данной области, которым является Доктрина информационной безопасности Российской Федерации¹. В данном нормативном правовом акте содержится соответствующее определение понятия «информационная безопасность Российской Федерации», под которым понимается «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства». Можно констатировать, что данная дефиниция существенно переработана, наполнена новым содержанием. Так, ранее информационная безопасность Российской Федерации определялась как «состояние защищенности ее национальных интересов в информационной сфере, определяющихся совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства»². В литературе в этой связи отмечались существенные недостатки в редакции определения данного понятия, включающего «...понятие «национальные интересы», которое в свою очередь должно быть определено; при этом из формулировки не очевидно, являются ли национальные интересы самостоятельной категорией или же это простая совокупность интересов личности, общества и государства; кроме того, не понятно, что означает «сбалансированность интересов», которые могут быть и противоположными»³.

Значимость защищенности информационных отношений обусловлена тем, что в настоящее время вся деятельность человека связана с использованием определенной информации.

---

¹ Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 50, ст. 7074.

² Доктрина информационной безопасности Российской Федерации: утв. Президентом РФ от 9 сентября 2000 г. № Пр-1895 // Российская газета. 2000. 28 сентября.

³ *Талимончик В.П.* Информационная безопасность в контексте всеобъемлющей системы международной безопасности // Правоведение. 2008. № 2. С. 103.

Ее отсутствие или низкое качество негативным образом сказывается на результатах соответствующей деятельности. Особенно остро данная проблема стоит в сфере экономики, где увеличение производства товаров, оказания услуг требует мощного увеличения объема информационного обеспечения. В литературе закономерно отмечается взаимосвязь информационной безопасности с другими ее видами. «Информационная сфера, являясь системообразующим фактом жизни общества, активно влияет на состояние политической, *экономической* (курсив наш. – Н.М.), оборонной и других составляющих безопасности Российской Федерации»¹.

Практическое обеспечение экономической безопасности требует качественной защиты каналов поступления, обработки, хранения и передачи экономической информации. Решение данной задачи предполагает дифференциацию информации по уровню значимости и установление соответствующих уровней ее защиты. В противном случае ущерб причиняется как информационной, так и экономической безопасности, что может выражаться в утечке, утрате или искажении информации.

Иллюстрацией взаимосвязи информационной и экономической безопасности является приостановление международными платежными системами MasterCard, Visa обслуживания карт российских банков, работающих в Крыму. Аналогичным образом поступили продавцы, которые работают через интернет. Так, в конце января 2015 года интернет-площадка купли-продажи товаров eBay прекратила работу с пользователями в Крыму. Аналогичным образом поступила глобальная система онлайн-платежей PayPal. Поисковая система Google, в свою очередь, ограничила обслуживание своих клиентов в Крыму, а с 1 февраля 2015 года компания Apple и ряд других прекратили работу в Крыму.

Приведенные примеры свидетельствуют в пользу значимости обеспечения безопасности отечественной платежной

---

¹ Молчанов Н.А. Правовые основы национальной безопасности (административные и информационные аспекты) // Административное право и процесс. 2014. № 1. С. 49.

системы, что изначально было predeterminedено Федеральным законом от 27 июня 2011 года № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»¹. Для обеспечения безопасности безналичного оборота и минимизации санкционного режима было создано Акционерное общество «Национальная система платежных карт» («НСПК»), 100% акций которой принадлежит ЦБ РФ. В январе 2015 года была запущена национальная платежная система «Мир», оператором которой выступило АО «НСПК». В этой связи С.П. Данченко было отмечено: «В отличие от международных платежных систем, операции по банковским картам “Мир” не могут быть приостановлены, никакие внешние экономические и политические факторы не могут повлиять на совершение платежей по картам российской платежной системы “Мир”. На сегодняшний день 373 банка в Российской Федерации выпускают и обслуживают карту “Мир”»². С 1 июля 2018 года бюджетные платежи физическим лицам будут осуществляться посредством платежной системы «Мир»³.

Взаимосвязь информационной и экономической безопасности проявляется не только в финансовой области, но и в других составных элементах экономической сферы. Обеспечение информационной и экономической безопасности, их взаимосвязь особенно очевидно проявляется, когда речь идет об интеллектуальной собственности, а ее ненадлежащая сохранность влечет за собой существенный экономический урон. Так, в статье 1225 ГК РФ установлено, что итогам интеллектуальной деятельности и приравненным к ним средствам индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий (интеллектуальной собственности) предоставляется правовая охрана. Вектор развития современных экономических

---

¹ О национальной платежной системе: федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 27, ст. 3872.

² Данченко С.П. Национальные платежные инструменты: российская карта «Мир» // Упрощенная система налогообложения: бухгалтерский учет и налогообложение. 2017. № 6. С. 48–54.

³ О национальной платежной системе: федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ (ст. 30.5) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 27, ст. 3872.

отношений с учетом официально заявленного курса на ее модернизацию на базе реализации инновационных подходов будет требовать усовершенствования систем защиты информации и, прежде всего, с использованием правовых средств, а должного состояния экономической безопасности нет и не может быть без необходимого информационного обеспечения.

Взаимосвязь между экономической и информационной безопасностью приобретает важное значение в свете роста киберпреступности и ее крайней формы кибертерроризма. Киберпреступность представляет собой совершение преступлений, в том числе и в экономической сфере, с использованием компьютерных сетей. Это представляет повышенную опасность в силу того, что практически все финансово-экономические операции осуществляются в электронной форме и ее защита должна выступать одной из приоритетных объектов правовой охраны. В подтверждение этого Одиннадцатым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию, состоявшемся 18–25 апреля 2005 года в Бангкоке, были рассмотрены вопросы об экономических, финансовых преступлениях и о противодействии коррупции, а также о преступлениях в сфере использования компьютеров и компьютерных технологий. По итогам работы Конгресса ООН было предложено государствам и участникам конгресса разработать национальные программы профилактики преступного поведения. Конкретно речь шла о разработке и принятии трансконтинентальной международной программы профилактической деятельности.

Следует также отметить, что состояние экономики, ее безопасность оказывают влияние на обеспечение информационной безопасности. Отсутствие собственных производств информационной техники, заимствование каналов связи у иностранных юридических лиц, дефицит программного обеспечения не позволяют в должной мере обеспечить информационную безопасность. Очевидно, что Российское государство должно изыскивать необходимые ресурсы для поддержания необходимого уровня экономической безопасности, в том числе и создание предприятий по выпуску соответствующей техники.

Развитие общественных отношений в современном мире, рост числа реальных и потенциальных угроз будут требовать все больших затрат на создание и обеспечение действенного механизма их обеспечения. В этой связи рассмотренные нами вопросы в ближайшей перспективе не утратят своей остроты. К сожалению, объем исследования не позволил обратить внимание на отдельные виды безопасности, которые самым тесным образом связаны с экономической безопасностью. Так, энергетическая безопасность в условиях роста энергоемкости экономических производств требует большего внимания. И.И. Небольсина отмечает, что энергетическая безопасность – это «урегулированная законодательством и регулируемое в практической деятельности органов исполнительной власти и местного самоуправления состояние защищенности конституционных и иных законных интересов личности, общества, государства, его экономики (курсив наш. – Н.М.) от угроз надежного топливо- и энергообеспечения, при которых отсутствуют вредоносные техногенные факторы в работе топливо-энергетического комплекса страны, связанные с неправомерными действиями должностных и юридических лиц по использованию предметов, процессов и явлений – техногенных и природных источников опасности конституционных и иных законных интересов личности, общества, государства»¹.

Д. Роммом было отмечено, что многие из новых угроз национальной безопасности взаимосвязаны. Так, по мнению данного автора, энергетическая безопасность, например, неразрывно связана с вопросами экологической и экономической безопасности².

В настоящее время вектор государственной политики в экономике должен быть ориентирован на энергосбережение,

---

¹ Небольсина И.И. Энергетическая безопасность Российской Федерации и административно-правовое регулирование условий ее стабилизации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2012. С. 10.

² См.: Romm J.J. Defining National Security: The Nonmilitary Aspects. New York, 1993. P. 32.

его реализация станет значимым стимулом для развития экономики. Практическое осуществление подобных технологий позволит высвободить ресурсы, которые возможно более эффективно использовать в других отраслях экономической деятельности.

Состояние отечественной экономики в настоящее время свидетельствует о том мощном влиянии, которое оказывает энергетика, в частности, цены на энергоносители на экономическую безопасность (курс рубля, цены на товары и услуги, уровень благосостояния граждан и др.). Не отрицая очевидности взаимосвязи экономической и энергетической безопасности, следует отметить неотложную потребность в уменьшении влияния энергоносителей на экономическую деятельность, повышение интеллектуальной составляющей в готовой продукции.

В результате краткого анализа взаимосвязи экономической безопасности с другими явлениями представляется возможным сделать определенные выводы: во-первых, экономическая безопасность тесно взаимодействует с рядом явлений; во-вторых, данные взаимосвязи необходимо учитывать на различных уровнях и стадиях обеспечения экономической безопасности; в-третьих, процессы в области безопасности отличаются высокой динамикой, что следует принимать во внимание в ходе деятельности по их обеспечению; в-четвертых, при анализе взаимодействия, взаимовлияния на состояние экономической безопасности других явлений необходимо учитывать, что в определенное время можно говорить о приоритете в обеспечении тех или иных из перечисленных явлений, но при этом не сбрасывать со счетов потребность комплексного подхода; в-пятых, качественное состояние экономической безопасности является обязательным условием поступательного общественного развития.

ГЛАВА 3

ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

---

§ 1. Методологические проблемы эффективности государственного принуждения в сфере обеспечения экономической безопасности

Проблема эффективности в целом и отдельные ее аспекты привлекают внимание как теоретиков, так и практиков. Первыми, кто обратил свои взоры на указанную проблематику, были экономисты. Такое положение имеет вполне очевидное объяснение, так как экономическая деятельность ориентирована на получение высоких результатов при минимализации затрат. В дальнейшем происходит существенное расширение практики исследования проблемы эффективности.

Следует разделить позицию М.Н. Андрущенко, по мнению которого «практика использования понятия «эффективность» показывает, что эффективность выступает метой возможности, но не любой, а той, которая выражает цель человека, реализует его идею, то есть эффективность есть мера возможности с точки зрения ее близости к наиболее целесообразному, необходимому (нужному) человеку результату. Более точно, речь идет о близости к цели в ее оптимальном выражении»¹. В этой связи обращение к проблеме эффективности государственного принуждения в ходе обеспечения экономической безопасности является вполне закономерным. Такое положение объясняется поиском и последующим применением наиболее рациональных моделей закрепления и дальнейшего применения названного метода государственного управления.

---

¹ *Андрущенко М.Н.* Понятие эффективности и его философский смысл // Ученые записки кафедры общественных наук вузов г. Ленинграда. Л., 1971. Вып. 12. С. 45–46.

Государственное принуждение занимает весомое место в системе государственно-правового инструментария. Его ценность важна не сама по себе, а как действенное средство разрешения задач, возникающих в ходе государственного строительства в его самых различных сферах и областях. В этой связи следует приветствовать то внимание, которое уделяется вопросам эффективности в праве в целом, а также отдельных его явлений¹.

---

¹ См.: *Никитинский В.И.* Эффективность норм трудового права. М., 1971; *Лазарев В.В.* Эффективность правоприменительных актов: вопросы теории и практики. Казань, 1975; *Фаткуллин Ф.Н., Чулюкин Л.Д.* Социальная ценность и эффективность правовой нормы. Казань, 1977; Эффективность действия правовых норм. М., 1977; *Мищенко В.Л.* Эффективность гражданско-правовой ответственности в области охраны природы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1984; *Марочкин С.Ю.* Эффективность норм международного права: понятие, критерий и условия: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1984; *Правоприменение в Советском государстве / под ред. И.Н. Кузнецова, И.С. Самощенко.* М., 1985. С. 87–105; Эффективность закона: методология и конкретные исследования / отв. ред. В.М. Сырых, Ю.А. Тихомиров. М., 1997; *Аврутин Ю.Е.* Эффективность деятельности органов внутренних дел: государственно-правовые, социальные и организационные аспекты изучения, оценки, проектирования: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1998; *Зеленукин А.А.* Проблемы эффективности российского законодательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000; *Якушев А.О.* Эффективность действия норм общей части налогового права: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2003; *Швецов С.Б.* Эффективность правоприменительной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004; *Просандеев Д.В.* Эффективность правореализационного процесса: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004; *Сабирова Л.Л.* Эффективность процессуально-правовых норм в сфере частного права: вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005; *Скрябин А.Л.* Эффективность актов официального юридического толкования: дис. ... канд. юрид. наук. Армавир, 2005; *Абрамова А.А.* Эффективность механизма правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2006; *Захарова О.С.* Эффективность норм административно-деликтного права // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». Воронеж, 2006. № 1 (1). С. 151–166; *Губенок И.В.* Эффективность правосудия как гарантия защиты нарушенного права (проблемы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007; *Мешков Д.Н.* Эффективность воздействия права на отношения личности и государства: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007; *Жинкин С.А.* Эффективность права: антропологическое и ценностное измерение: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2009; *Нартымов Д.М.* Проблемы повышения эффективности наказания: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2010; *Мамай Е.А.* Эффективность правоприменительных процедур (теория, практика, техника): дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011; *Рогачева О.С.* Эффективность норм административно-деликтного права: монография. Воронеж, 2011; и др.

Отрадным является тот факт, что в Указе Президента РФ от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»¹, в котором определены национальные цели и стратегические задачи развития государства на ближайшие шесть лет, неоднократно используется термин «эффективность». Он связывается с формированием профориентации обучающихся, использованием земельных ресурсов, обращением с отходами производства, функционированием системы общественного контроля, формированием системы разделения труда.

Обращение к действующему законодательству позволяет констатировать, что законодатель широко использует термин «эффективность» и производные от него². Статьей 9.16 КоАП РФ установлена административная ответственность при нарушении законодательства об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности.

В настоящее время деятельность органов исполнительной власти оценивается через призму эффективности, о чем свидетельствует статья 26.3.2 Федерального закона от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»³, в

---

¹ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 // Российская газета. 2018. 9 мая.

² Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 23 ноября 2009 г. № 261-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2009. № 48, ст. 5711; О содействии развитию и повышению эффективности управления в жилищной сфере и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 225-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29, ч. I, ст. 4351; О неотложных мерах по повышению эффективности борьбы с терроризмом: указ Президента РФ от 13 сентября 2004 г. № 1167 // Собрание законодательства РФ. 2004. № 38, ст. 3779; и др.

³ Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1999. № 42, ст. 5005.

которой нормативно закреплена оценка эффективности деятельности органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации. В названной статье использована бланкетная конструкция¹ и делается отсылка к Указу Президента РФ от 14 ноября 2017 года № 548 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации»², которым определен перечень показателей эффективности деятельности указанных органов государственной власти.

Отрадным является тот факт, что нормативному правовому регулированию проблемы эффективности функционирования органов исполнительной власти на региональном уровне уделяется постоянное внимание. Об этом свидетельствует постановление Правительства РФ от 19 апреля 2018 года № 472 «Об осуществлении мер по реализации государственной политики в сфере оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации»³, где содержатся и Методика оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по повышению уровня социально-экономического развития, и Методика оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по достижению высоких темпов наращивания экономического (налогового) потенциала территорий, а также Правила предоставления субъектам Российской Федерации

---

¹ См.: *Иванов Н.В., Китарисов Ф.Г.* Эссе о теории, практике, технике бланкетного правового регулирования: монография / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2014; *Труфанов М.Е.* Бланкетность норм административного права: учебное пособие. Краснодар, 2015.

² Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации: указ Президента РФ от 14 ноября 2017 г. № 548 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 47, ст. 6963.

³ Об осуществлении мер по реализации государственной политики в сфере оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 19 апреля 2018 г. № 472 // Собрание законодательства РФ. 2018. № 18, ст. 2625.

грантов в форме межбюджетных трансфертов в целях содействия достижению и (или) поощрения достижения наилучших значений показателей по итогам оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по достижению высоких темпов наращивания экономического (налогового) потенциала территорий. В этой связи можно говорить о попытке комплексного нормативного правового регулирования эффективности функционирования органов исполнительной власти на региональном уровне.

Практическое решение проблемы обеспечения безопасности также должно находиться во взаимосвязи с эффективностью. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации декларируется эффективная защита национальных интересов, функционирование системы обеспечения национальной безопасности как принцип обеспечения обороны страны, как требование к защите прав и законных интересов российских граждан за рубежом, условие деятельности субъектов обеспечения национальной безопасности. Всего в вышеназванном нормативном правовом акте эффективность упоминается более 20 раз. Наряду с этим в п. 29 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации говорится и о неэффективности применения ненасильственных мер в целях защиты национальных интересов, что оправдывает применение военной силы. Следует отметить, что и в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года термин «эффективность» используется одиннадцать раз.

Данный иллюстративный материал подтверждает востребованность рассмотрения проблемы обеспечения экономической безопасности через призму эффективности правоохранительной деятельности. Учитывая тот факт, что данная деятельность осуществляется посредством широкого применения мер государственного принуждения, то избранная проблематика является актуальной, востребованной в практическом плане.

Во второй главе нами было отмечено, что в ряде случаев разноплановые деструктивные явления могут в различной степени влиять на состояние экономической безопасности. В этой

связи заблаговременное диагностирование существующих и потенциальных вызовов, а главное, применение предупредительных, пресекательных и праввосстановительных мер государственного принуждения не позволяет им трансформироваться в реальные угрозы экономической безопасности.

Наличие оптимального принудительного инструментария в арсенале субъектов обеспечения экономической безопасности, их своевременное применение позволяет не только качественно решить соответствующую правоохранительную задачу, но и «сэкономить» принудительный потенциал. При реализации данного подхода наряду с обеспечением экономической безопасности в минимальной мере будут ограничены права, свободы, законные интересы физических и юридических лиц.

Очевидно, что для непосредственного осуществления практической деятельности по обеспечению экономической безопасности посредством государственного принуждения интерес представляют факторы, влияющие на эффективность названной деятельности. Вместе с тем, для их уточнения требуется осмыслить ряд методологических вопросов. К их числу относится, в частности: уточнение понятия эффективности применения мер государственного принуждения в сфере обеспечения экономической безопасности; определение критериев эффективности данной деятельности; непосредственный анализ факторов, оказывающих влияние на эффективность рассматриваемой деятельности.

Следует уточнить, что сложное переплетение самых разнообразных связей и отношений в сфере экономической безопасности предполагает учет самых разнообразных факторов, не ограничивающихся экономическими и правовыми. Конечно, доминируют последние, но в ряде ситуаций социологические, демографические, психологические аспекты могут оказывать значительное влияние на принудительное обеспечение экономической безопасности. При этом может не только снижаться эффективность применения государственного принуждения, но и признаваться незаконным факт их применения.

С учетом поставленных нами задач целесообразно обратиться к этимологическому анализу термина «эффективность», что позволяет установить его латинские корни (от лат. *Effectus*), его значение рассматривается как результат, следствие каких-либо причин, действий¹. В Оксфордском словаре (*Oxford Advanced Learner's Dictionary*) термин «effective» определяется как «1) производящий результат, который задуман и желаем (результативный)²; 2) существующий на самом деле (фактический); 3) (о законе, правилах) вступивший в действие (действующий)³. В этой связи можно признать, что в ряде случаев термин «эффективность» рассматривается в качестве синонима определения «рациональный».

Термин «эффективность» носит универсальный характер, что и предопределило его востребование не только в экономике, праве, но и философии, социологии, физике, а также в иных сферах⁴. В управлении предлагается следующее определение понятия: «Эффективность – мерило общественной практики»⁵.

Значимость эффективности в праве столь велика, что она оказалась в орбите мощной научной дискуссии. Ее активное обсуждение проходило в период 60–70-х годов прошлого столетия. Отправным моментом для активизации разработки названной проблемы явилась статья ленинградских правоведов А.С. Пашкова и Д.М. Чечота, в которой были предложены методы определения эффективности правового регулирования, последствия воздействия права, его отдельных компонентов на общественные отношения⁶.

---

¹ См.: *Зражевская Т.Д.* Реализация конституционного законодательства: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 1999. С. 172.

² Здесь и далее при ссылках на *Oxford Advanced Learner's Dictionary* в скобках нами приводятся наиболее близкие по значению русские слова-синонимы.

³ *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Seventh edition.* Oxford, 2009. P. 489.

⁴ См.: *Мамай Е.А.* Эффективность правоприменительных процедур (теория, практика, техника): монография / под ред. В.А. Толстика. М., 2012. С. 76–88.

⁵ Проблемы эффективности работы управленческих органов. М., 1973. С. 39.

⁶ См.: *Пашков А.С., Чечот Д.М.* Эффективность правового регулирования и методы ее выявления // Советское государство и право. 1965. № 8. С. 3–11.

В данную дискуссию активно включились И.С. Самощенко и В.И. Никитинский, по мнению которых важнейшим средством определения эффективности правовой нормы выступает цель, то есть тот результат, который был запрограммирован субъектом правотворчества на момент ее создания. Важно, что при этом акцентировалось внимание на необходимости разнопланового учета последствий действия правовой нормы. В таких условиях реализовался комплексный подход, где были учтены как положительные, так и отрицательные факторы воздействия¹.

Несколько позже указанные авторы совместно с А.Б. Венгеровым в некоторой мере скорректировали свою позицию. Они обосновали потребность выведения соотношения положительных и отрицательных результатов действия права за границы определения эффективности, так как, по их мнению, указанное соотношение дает характеристику не эффективности реализации права, а его экономичности, полезности².

А.С. Пашковым и Л.С. Явичем для развития заочной дискуссии была опубликована в 1970 году статья «Эффективность действия правовых норм»³. В ней справедливо был сделан акцент на том, что в качестве основного критерия эффективности правовой нормы выступает не ее цель, а те материальные затраты, человеческие ресурсы, а также идейно-политические издержки, которые были произведены в ходе ее реализации.

Результатом развернувшейся полемики между ленинградскими и московскими правоведами явилась подготовка и издание соответствующих монографий⁴. Позиция ленинградских исследователей (А.С. Пашков, Л.С. Явич, Э.А. Фомин) крити-

---

¹ См.: Самощенко И.С., Никитинский В.И. Изучение эффективности действующего законодательства // Советское государство и право. 1969. № 8. С. 5–6.

² См.: Венгеров А.Б., Никитинский В.И., Самощенко И.С. К изучению эффективности действующего законодательства // Правоведение. 1971. № 4. С. 25–27.

³ См.: Пашков А.С., Явич Л.С. Эффективность действия правовых норм // Советское государство и право. 1970. № 3. С. 40–48.

⁴ См.: Эффективность действия правовых норм / под ред. А.С. Пашкова, Л.С. Явича, Э.А. Фомина. Л., 1977; Эффективность правовых норм / В.В. Глазырин [и др.]. М., 1980.

ковалась в силу недостаточного внимания и недооценки цели правовой нормы при определении эффективности¹. Критика в адрес позиции московской школы (А.Б. Венгеров, В.И. Никитинский, И.С. Самощенко) связывалась с недостаточным вниманием к учету фактов, оказывающих воздействие на эффективность реализации права. Вместе с тем, следует отметить тот положительный эффект, который был в итоге достигнут. Издание указанных монографий явилось своеобразным катализатором продолжения, прежде всего, отраслевого исследования проблемы эффективности в праве.

В настоящее время в правовой науке сформировалось два направления исследования проблемы эффективности. Первое связано с рассмотрением эффективности права в целом или отдельных правовых явлений. Второе направление связано с познанием эффективности деятельности отдельных субъектов права (государства, его органов, органов местного самоуправления, соответствующих должностных лиц, негосударственных образований и т. п.). В первом случае акцентируется внимание на связи между правовыми нормами, их содержанием и результатом их применения. Во втором устанавливается и анализируется связь между правовыми предписаниями как идеальной моделью деятельности субъектов права и реальными результатами такой деятельности².

Вместе с тем, отдельными авторами предпринимались попытки объединить данные подходы. По мнению Л.Л. Попова, в этом случае допускается принципиальная ошибка, так как речь идет не об эффективности реализации права, его явлений, а об эффективности социального управления в целом³.

Предваряя непосредственное рассмотрение проблемы эффективности государственного принуждения в сфере обеспе-

---

¹ См.: *Алексеева Л.Б., Строгович М.С., Ларин А.М.* Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. М., 1979. С. 211.

² См.: *Шергин А.П.* О показателях эффективности административной юрисдикции // *Право и управление*. М., 1982. Вып. 7. С. 157–171.

³ См.: *Попов Л.Л.* Эффективность административно-правовых санкций в сфере охраны общественного порядка. М., 1976. С. 87.

чения экономической безопасности, следует отметить, что «эффективность», будучи общенаучной категорией, выступает обобщенным выражением проблемы рациональных способов достижения цели. В этой связи в отечественной юридической литературе широкое распространение получила позиция определения эффективности норм права как отношение между фактическим результатом ее действия и той социальной целью, для достижения которой она принята¹.

Следует согласиться, что отношение между фактическим результатом реализации норм права и заявленной целью является не эффективностью, а формулой ее измерения. Познать эффективность государственного принуждения в сфере обеспечения экономической безопасности (далее – ГПОЭБ) возможно в процессе соответствующей деятельности, то есть в динамическом состоянии, что выступает в качестве одной из форм реализации права². В этом случае можно произвести реальный замер рациональности пути избранного субъектом правотворчества, оценить удачность реализации правоприменителем мер государственного принуждения при решении конкретных задач по обеспечению экономической безопасности.

Для познания эффективности ГПОЭБ существенное значение имеют соответствующие критерии и показатели. В этой связи следует обратить внимание на названные аспекты. В настоящее время не наблюдается единства по вопросу критериев эффективности. Существующие подходы условно возможно свести в следующие группы: 1) не называются критерии эффективности, а предпринимаются попытки определения их показателей³; 2) не проводят различия между критериями

---

¹ См.: Эффективность правовых норм / В.Н. Кудрявцев [и др.]. М., 1982. С. 22.

² Мы не отрицаем значения и роли нормативного правового регулирования ГПОЭБ, но в ходе правоприменения избирается наиболее рациональный вариант реализации в рамках действующего законодательства. Наряду с этим нельзя исключать убеждающий потенциал законодательства, регулирующего названные меры государственного принуждения.

³ См.: Коркунов В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1978. С. 75.

и показателями эффективности¹; 3) разграничивают критерии и показатели эффективности². Мы убеждены, что наиболее приемлемым выступает точка зрения разграничения критериев и показателей эффективности, которой мы и будем придерживаться.

Признавая внешнюю лексическую близость терминов «критерий эффективности» и «показатель эффективности», следует акцентировать внимание на их принципиальных различиях. Посредством «критерия» определяется признак, положенный в основу оценки, определения или классификации чего-либо, мерила оценки³. Термин «показатель» дает характеристику изменения, развития чего-либо⁴.

По мнению А.А. Зелепукина, различия критериев и показателей эффективности состоят в понимании того, что критерий дает характеристику качественного состояния объекта (то есть эффективна ли правовая норма), в то время как показатель содержит количественную характеристику эффективности (свидетельствует о степени эффективности данной нормы)⁵.

Профессором В.В. Лазаревым в этой связи было отмечено: «Критерии эффективности правоприменительной деятельности следует искать, прежде всего, в самом назначении, в тех целях (точнее, в реализации их), которым она служит»⁶.

При определении эффективности правовых явлений в большинстве случаев используются комплексные критерии. Так, Н.В. Куприянович, анализируя эффективность деятельности мировой юстиции, обособил следующие группы критериев: 1) критерии качества работы мировых судей, связанные с достижением целей правосудия; 2) критерии организации судебной работы,

---

¹ См.: *Наталиев А.Е., Стручков Н.А.* Основы теории исправительно-трудового права. М., 1967. С. 172.

² *Веремеенко И.И.* Административно-правовые санкции. М., 1975. С. 179.

³ См.: *Современный словарь иностранных слов.* М., 1993. С. 320.

⁴ См.: *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1990. С. 547.

⁵ См.: *Зелепукин А.А.* Проблемы эффективности российского законодательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. С. 10.

⁶ *Лазарев В.В.* Эффективность правоприменительных актов. (Вопросы теории). Казань, 1975. С. 94.

устанавливаемые через иные признаки (соотношение фактической и оптимальной служебной нагрузки мировых судей; бюджет времени фактически затраченного на рассмотрение одного дела в отношении с объективно необходимым; подбор и расстановка кадров; стимулирование труда мировых судей; техническая оснащенность судебных участков и др.)¹. В свою очередь, О.В. Шмалий, исследуя проблему оценки эффективности исполнительной власти, называет следующие критерии:

«– законность исполнительной власти как соответствие организации, порядка осуществления и актов управления действующему законодательству;

– целесообразность исполнительной власти как соответствие содержания и результатов государственного управления, выраженных в реальном влиянии на позитивную динамику управляемой подсистемы целям деятельности органов исполнительной власти, юридически формализованных в их статусных актах и конкретизированных в правовых плановых актах, имеющих обязательный для соответствующего субъекта характер;

– рациональность исполнительной власти как осуществление позитивного воздействия на управляемую подсистему, обеспечивающего достижение поставленной цели с минимальными затратами государственных ресурсов»².

Несколько отличный подход по вопросу критериев эффективности государственного управления был предложен И.Н. Барциц. «...При разработке критериев оценки рациональности и эффективности государственного управления проводится последовательное сравнение следующих исходных данных:

– целей, практически осуществляемых в государственном управлении, с целями, которые объективно детерминированы общественными запросами;

---

¹ См.: *Куприянович Н.В.* Критерии эффективности деятельности мировых судей // *Мировой судья.* 2006. № 1. С. 4.

² *Шмалий О.В.* Правовое обеспечение эффективности исполнительной власти (теоретико-методологические аспекты): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов-на/Д., 2011. С. 13–14.

- целей, реализованных в управленческих процессах, с результатами, полученными при объективации государственного управления (решений и действий его управляющих компонентов);
- объективных результатов управления с общественными потребностями и интересами;
- общественных издержек, связанных с государственным управлением, с объективными результатами, полученными вследствие управления;
- возможностей, заложенных в управленческом потенциале, со степенью их реального исполнения»¹.

По нашему мнению, во главу угла в системе критериев эффективности следует поставить цель. Такой подход обусловлен тем, что в ней (цели) заключен идеальный результат, который закреплен в соответствующих нормативных правовых актах и впоследствии достигаются (должны быть достигнуты) в результате реализации. Посредством анализа соответствующих целей можно получить ответы на следующие вопросы: 1) каковы основные направления деятельности субъектов по обеспечению экономической безопасности (в правотворческой, правоприменительной, правоинтерпретационной и другой юридической деятельности); 2) что является основным критерием эффективности; 3) позволяет конкретизировать задачи соответствующей деятельности; 4) способствует формированию прикладного характера исследования правовых явлений.

На цели ГПОЭБ нами было акцентировано внимание в заключительной части первой главы монографии при конструировании соответствующей классификационной модели. К целям применения мер государственного принуждения в рассматриваемой сфере выступают: 1) предупреждение правонарушений и правовых аномалий, угрожающих экономическим отношениям; 2) пресечение (прекращение) противоправных деяний и состояний в экономической сфере; 3) процессуальное обеспечение в сфере экономической безопасности; 4) привлечение к ответственности виновных за совершение правонарушений в сфере

---

¹ Барциц И.Н. Критерии эффективности государственного управления и глобальное управленческое пространство // Государство и право. 2009. № 3. С. 18.

экономики; 5) восстановление нарушенного правового состояния субъектов экономических отношений.

Качественная неоднородность экономических отношений предопределила множественность целей, которые необходимо достичь при защите их от различного рода угроз. Названные выше цели детализируются в целях более низкого порядка, в связи с чем можно говорить о своеобразном «дереве целей», представленном в иерархически упорядоченной непротиворечивой системе. С учетом времени ожидания наступления запрограммированных результатов различают перспективные (глобальные, конечные) и ближайшие (общие и непосредственные) цели¹. Данная классификация в полной мере может быть задействована при рассмотрении эффективности ГПОЭБ.

Глобальной (перспективной) целью ГПОЭБ выступает обеспечение экономической безопасности в целом, что является необходимым базисным условием функционирования общества, государства и отдельной личности. Достижение указанной цели является необходимым требованием осуществления качественного правового регулирования, то есть должного состояния правопорядка и безопасности. В свою очередь закрепление непосредственных целей ГПОЭП осуществляется в соответствующих правовых нормах, их гипотезах. Они определяют основания и условия применения соответствующих мер государственного принуждения. Так, к числу целей мер административно-процессуального обеспечения в соответствии с частью 1 статьи 27.1 КоАП РФ отнесено: 1) пресечение административного правонарушения; 2) установление личности нарушителя; 3) составление протокола об административном правонарушении при невозможности его составления на месте выявления административного правонарушения; 4) обеспечение своевременного и правильного рассмотрения дела об административном правонарушении; 5) исполнение принятого постановления по делу об административном правонарушении².

---

¹ См.: *Философский словарь*. М., 1986. С. 534.

² См.: *Макарейко Н.В., Ремизов П.В., Субботин А.М.* Особенности производства по делам об административных правонарушениях органами внутренних дел (полиции): учебное пособие. Н. Новгород, 2017. С. 15–39.

В то же время цель конкретной меры процессуального обеспечения более детально определена. Например, арест товаров, транспортных средств и иных вещей направлен на обеспечение их сохранности, если они являются орудиями или предметами административного правонарушения и не могут быть изъяты (ч. 1 ст. 27.14 КоАП РФ). В конечном счете меры административно-процессуального обеспечения направлены на решение задач производства по делам об экономических административных правонарушениях (ст. 24.1 КоАП РФ).

Рассматривая проблему эффективности ГПОЭБ, нельзя сбрасывать со счетов то обстоятельство, что названные средства интегрированы в систему методов государственного управления. В этой связи состояние защищенности экономических отношений находится во взаимосвязи с другими, в том числе и ненасильственными (непринудительными) методами. Субъектам правотворчества и правоприменения следует учитывать наличие связи между целями и средствами их достижения. Вариативность правоохранительной деятельности вообще и в сфере экономики в частности требует реализации творческого подхода. При этом во главу угла должны быть поставлены поиск и дальнейшее применение наиболее эффективных подходов.

Признавая цель применения ГПОЭБ основным критерием их эффективности, необходимо определить компоненты (состояния), которые свидетельствуют о достижении соответствующих результатов. В этой связи следует проанализировать следующие состояния экономической безопасности, которые определяют: а) ее исходное состояние (имевшее место до применения мер государственного принуждения); б) текущее состояние (состояние в момент непосредственного применения ГПОЭБ); в) постпринудительное состояние (наступаемое после окончания принудительного воздействия). Наряду с этим необходимо в обязательном порядке учитывать издержки, которые сопровождают применение конкретной меры (мер) государственного принуждения. Следует принимать во внимание, что они носят разноплановый характер и характеризуются экономическими,

организационными, психологическими и иными затратами, которые несут субъекты применения, а также принуждаемые.

Критерии эффективности ГПОЭБ находятся во взаимосвязи с ее показателями. В этой связи О.С. Рогачева отметила: «О достижении поставленной цели позволяют судить определенные показатели»¹. Необходимо признать, что не может быть полноценной оценки эффективности ГПОЭБ без учета соответствующих показателей. Показателями эффективности ГПОЭБ выступает соотношение между состоянием экономической безопасности до оказания принудительного воздействия и после его завершения.

Очевидно, что такие состояния будут отличаться. В этой связи можно говорить о различной степени достижения запрограммированной цели – защищенности экономических отношений. Для решения этой задачи целесообразно говорить о различных уровнях достижения продекларированной цели. Можно говорить также о высоком, среднем и низком уровнях эффективности ГПОЭБ. В этой связи З.З. Зинатулин признает высокоэффективным применение мер принуждения в случае достижения запланированного законодателем результата непосредственных целей данных мер при допустимом или меньшем уровне социальных издержек. Применение мер государственного принуждения со средним эффектом признается в том случае, когда продекларированные цели достигнуты, а понесенные при этом издержки не превысили допустимого уровня. В случае достижения положительного результата значительно ниже ожидаемого при значительных издержках следует говорить о низкоэффективном уровне применения мер принуждения².

Необходимо отметить, что существует и более детальная дифференциация эффективности, где наряду с высокоэффективной, среднеэффективной, низкоэффективной, называют оп-

---

¹ Рогачева О.С. Эффективность норм административно-деликтного права: монография. Воронеж, 2011. С. 231.

² См.: Зинатулин З.З. Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность: вопросы теории и практики. Казань, 1981. С. 38.

тимальную, наивысшую эффективность, а также антипод – правовые установления с отрицательной эффективностью (эффективность со знаком «минус»), неэффективные правовые средства. Так, С.Н. Клепиков, при анализе проблемы эффективности законодательства об административных правонарушениях на региональном уровне отмечает, что «различают три степени эффективности (результативности) законодательства: положительная, отрицательная и оптимальная. Данные степени эффективности в конечном выражении определяются исходя из достижения целей, ради которых принимается законодательство (достигаются ли цели или не достигаются, каково соотношение между целями и результатом их достижения)»¹.

Мы полагаем, что предложенные классификации эффективности правовых явлений являются неоправданными, что особенно очевидно при исследовании эффективности мер государственного принуждения. Достижение наивысшей эффективности, то есть такого результата, который бы превосходил пределы непосредственных целей применения мер государственного принуждения при крайне низких издержках, либо отсутствие таковых, – задача невыполнимая в силу следующих обстоятельств: во-первых, превышение запрограммированного результата, который ставит перед собой правоприменитель, говорит о существенном «браке» в деятельности как субъекта творчества, так и правоприменителя или одного из них, когда должным образом не проанализирована правовая ситуация и полученный результат выходит за границы ожидаемого; во-вторых, применяя государственное принуждение, государство в лице уполномоченных субъектов вторгается в сферу автономии субъектов, ограничивает их права и свободы, и в этой связи превосхищение запрограммированных результатов ограничит

---

¹ Клепиков С.Н. Обеспечение эффективности действия и качества законодательства субъектов Российской Федерации об административной ответственности как необходимое условие развития правового государства // Правовая наука и реформа юридического образования: сборник научных трудов. Воронеж, 2003. Вып. 15: Российское правовое государство: Итоги формирования и перспективы развития. С. 113.

с нарушением законности в ходе применения мер государственного принуждения; в-третьих, каждый вид юридической деятельности предполагает использование определенных ресурсов и в нормативных правовых актах закреплены конкретные меры и объем их применения, а выход за эти границы свидетельствует о нарушении компетенции субъекта, применяющего меры государственного принуждения, и будет оцениваться как нарушения законности.

Сомнительным видится признание «нулевой», а тем более «отрицательной» эффективности. Вместе с тем, в литературе существуют и другие подходы. Так, В.В. Лазарев отмечает, что отрицательная эффективность может быть в следующих случаях: 1) при принятии неправильного по существу решения по юридическому делу; 2) когда цели правоприменителем достигнуты, но понесенные издержки превысили достигнутые результаты; 3) при достижении ближайшей (юридической) цели, соблюдении режима законности, но наступлении нежелательного социального эффекта¹.

С приведенной аргументацией мы не можем согласиться в полной мере. В первом случае речь идет не об отрицательной эффективности, а о нарушении законности. На предмет эффективности следует оценивать исключительно деятельность, которая отвечает требованиям законности. Данная посылка в полной мере относится к определению эффективности ГПОЭБ.

Во втором случае также нельзя говорить об отрицательной эффективности. В ряде случаев издержки, в том числе и экономические, связанные с применением права, в том числе ГПОЭБ, могут превышать достигнутые результаты. В подобной ситуации следует принимать во внимание перспективные цели правоприменения, прежде всего предупреждение правонарушений и правовых аномалий. В данной ситуации представляется необходимым говорить о низкой эффективности, а не о ее отрицательном значении.

---

¹ См.: Лазарев В.В. Эффективность правоприменительных актов. (Вопросы теории). Казань, 1975. С. 99.

При общем достижении цели, но сопровождаемой существенными издержками, также не представляется возможным вести речь об отрицательной эффективности. В пользу нашей позиции следует отнести достижение непосредственной цели правоприменения. В правоприменительной практике не исключаются ситуации различия юридических и общесоциальных целей, возникновения определенных противоречий. Такое положение объясняется различными интересами в социально неоднородном обществе, что наиболее явственно проявляется в сфере экономики.

В монографическом исследовании В.М. Баранов сделал удачное уточнение приведенной позиции, где указал, что «отрицательным может быть в некоторых случаях лишь эффект действия нормы права», а эффективность «есть именно положительная результативность ее воздействия»¹.

В арсенале правоприменителя должен находиться качественный государственно-властный инструментарий, который позволял бы решать стоящие и перспективные задачи с учетом требований социальной обусловленности и законности. Специфика применения ГПОЭБ такова, что в ряде случаев, особенно при реализации мер предупреждения и пресечения, существует дефицит времени. Для данных мер характерным является незамедлительность государственно-правового реагирования. В этой связи может возникнуть ситуация, когда реальный результат применения государственного принуждения может быть оценен по истечении определенного времени. В ряде случаев изменяется и социальная оценка. При этом следует учитывать связь и противоречия в общесоциальных и правовых целях.

Важное значение при определении эффективности ГПОЭБ имеет учет соответствующих условий в ходе применения ГПОЭБ. Ф.Н. Фаткулин и Л.Д. Чулюкин под условиями эффективности правовой нормы понимают «те обстоятельства (факторы), от которых зависит реализация ее способности

---

¹ Баранов В.М. Истинность норм советского права. Проблемы теории и практики. Саратов, 1989. С. 284.

оказать благотворное воздействие на общественные отношения в заданном направлении. Иначе говоря, это – факторы, существенно влияющие на раскрытие нормой права своего известного внутреннего свойства, на превращение заложенной в ней возможности в реальную действительность»¹.

С приведенным подходом следует согласиться. Именно учет соответствующих факторов позволит сформировать адресные рекомендации по повышению эффективности применения ГПОЭБ. Вместе с тем, здесь возникает несколько проблем. Во-первых, какие конкретные факторы оказывают влияние на рассматриваемую деятельность. Во-вторых, при помощи каких средств следует вести поиск соответствующих факторов с тем, чтобы получить наиболее реалистическую картину. В-третьих, какова их ценность. И, наконец, каким образом учитывать соответствующие факторы. Мы полагаем, что наиболее продуктивным подходом будет учет самого широкого круга факторов, оказывающих разностороннее как положительное, так и отрицательное воздействие на эффективность ГПОЭБ. В этой связи отрицательные (негативные) факторы необходимо своевременно выявить и нейтрализовать, а положительные в максимальной мере активизировать.

Наша позиция находится в русле существующих подходов. В этой связи отмечается, что к условиям эффективности правовой нормы следует отнести: «социальную ценность нормы, эффективность нормативно-правового регулирования в целом, режим социалистической законности, надлежащий уровень реализации правовых норм, степень информированности адресатов об их содержании, а равно уровень их правосознания и правовой культуры»².

Наряду с правовыми нормами на предмет эффективности исследуются и другие правовые явления. Так, А.А. Зелепукин, исследуя эффективность законодательства, выделяет следующие

---

¹ Фаткулин Ф.Н., Чулюкин Л.Д. Социальная ценность и эффективность правовой нормы. Казань, 1977. С. 38.

² Там же. С. 40.

группы условий, оказывающих на нее влияние: 1) условия, относящиеся к процессу правотворчества; 2) условия, связанные с действием, реализацией правовых норм; 3) условия, относящиеся к особенностям правосознания и поведения граждан, соблюдающих или нарушающих требования правовой нормы¹.

Государственное принуждение в целом, отдельные его формы и меры также рассматриваются на предмет эффективности².

По мнению профессора Р.Л. Хачатурова, эффективность применения правовой ответственности зависит от следующих специальных факторов: «Во-первых, от уровня юридической техники написания соответствующих правовых норм. Во-вторых, от уровня профессиональной подготовки и деятельности должностных лиц правоприменительных органов. В-третьих, от уровня юридической науки»³.

Рассматривая сложную проблему эффективности применения ГПОЭБ, следует учитывать, что нельзя ограничиваться исключительно специальными факторами. Необходимо не только делать поправку, но и детально учитывать в данной системе комплекс экономических, политических, социально-культурных факторов. Они вступают во взаимодействие со специальными факторами и оказывают позитивное или отрицательное воздействие на достижение целей применения названной формы государственного принуждения. При этом не исключаются ситуации, когда «неспециальные» факторы оказывают доминирующее воздействие. В этой связи следует в максимальной мере

---

¹ *Зеленукин А.А.* Проблемы эффективности российского законодательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. С. 10–11.

² См.: *Веремеенко И.И.* Административно-правовые санкции. М., 1975; *Макареико Н.В.* Государственное принуждение в механизме обеспечения экономической безопасности: теоретические и прикладные проблемы: монография. Н. Новгород, 2011; *Попов Л.Л.* Убеждение и принуждение. Организационно-воспитательные и административно-правовые средства охраны общественного порядка в деятельности советской милиции / отв. ред. Ю.М. Козлов. М., 1968; *Попов Л.Л., Шергин А.П.* Управление. Гражданин. Ответственность (сущность, применение и эффективность административных взысканий). Л., 1975; и др.

³ *Хачатуров Р.Л.* Системность юридической ответственности // Вектор науки ТГУ. Серия «Юридические науки». 2013. № 3 (14). С. 49.

учесть данные факторы, активизировать позитивные и нейтрализовать негативные. В этой связи целесообразно обратиться к суждениям профессора А.В. Наумова, высказанным в открытом письме академику В.Н. Кудрявцеву, где был сделан акцент на необходимости «при создании уголовного права рыночной экономики адекватно отразить новые социально-политические и экономические реалии в уголовном законодательстве и науке уголовного права»¹.

Наша принципиальная позиция по вопросу учета факторов, оказывающих воздействие на эффективность применения ГПОЭБ, заключается в том, что наряду со специальными (правовыми) факторами необходимо учитывать и другие факторы. При этом следует принимать во внимание, что одни из них могут активизироваться или исчезать, и в этой связи их степень влияния на ГПОЭБ будет различна. Очевидно, что экономические факторы будут доминировать, что обусловлено объектом правоохраны и нашло отражение в основополагающих стратегических актах². Наряду с этим важно принимать факторы социокультурной сферы, что обусловлено сменой ценностной ориентации в обществе, кризисом духовности, деформацией внутреннего мира личности, что получило название «социально-антропологической напряженности»³.

Необходимо признать, что «с точки зрения развития человека, его общественного бытия XX век обнаружил целый ряд глубочайших противоречий и парадоксов. Основной осью этих противоречий явилось отношение «человек – общество». Именно здесь, в этом пространстве в XX веке резко возросло число своеобразных «оборачиваний» общества, его институтов

---

¹ *Наумов А.В.* Открытое письмо профессора А.В. Наумова академику В.Н. Кудрявцеву // Уголовное право. 2006. № 4. С. 135–138.

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1, ч. II, ст. 212; О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20, ст. 2902.

³ *Барулин В.С.* Российский человек в XX веке. Потери и обретение себя. СПб., 2000. С. 5.

против человека»¹. Данные процессы не только не преодолены, но и в значительной мере обострились в XXI столетии.

Данные факторы существенное влияние оказали на психологическую сферу бытия права. Взаимосвязь и влияние психических явлений на эффективность права, по нашему мнению, выражается в следующем. Во-первых, психологические эффекты, реакции и вызываемые ими изменения правосознания выступают важными составляющими элементами правового воздействия, ее результативности. Во-вторых, психологические факторы органически интегрированы в систему установления и реализации правовых норм, эффективность данных процессов. В-третьих, оценка эффективности правовых явлений во многом носит психологический, субъективный характер, неотделима от тех процессов, которые происходят в психике личности.

Учитывая объем проводимого исследования, наше внимание будет сфокусировано на правовых факторах, что ни в коей мере не противоречит ранее высказанной нами позиции о комплексном учете факторов, находящихся за границами правовой сферы. В этой связи мы сконцентрируем внимание на факторах, которые будут объединены в следующие группы: обусловленные правовой доктриной государственно-принудительного обеспечения экономической безопасности; связанные с действующим законодательством, регламентирующим меры государственного принуждения в сфере обеспечения экономической безопасности; predeterminedенные непосредственным применением мер государственного принуждения в сфере обеспечения экономической безопасности. Данный подход нами был отмечен ранее². Прошедшее время не только требует переоценки авторской позиции, а даже в большей мере убедило в правильности избранного подхода.

---

¹ Барулин В.С. Российский человек в XX веке. Потери и обретение себя. СПб., 2000. С. 9.

² См.: Макарейко Н.В. Государственное принуждение в механизме обеспечения экономической безопасности: теоретические и прикладные проблемы: монография. Н. Новгород, 2011. С. 287.

Завершая рассмотрение вопроса о методических предпосылках исследования государственного принуждения в сфере обеспечения экономической безопасности, считаем необходимым предложить следующую дефиницию. *Эффективность ГПОЭБ* – свойство системы мер государственного принуждения обеспечивать при наименьших социальных, экономических, правовых, организационных издержках достижение стоящих перед ними существующих и перспективных целей по обеспечению экономической безопасности. Предложенное определение понятия во многом носит обобщающий характер и подлежит уточнению в отношении отдельных форм и мер ГПОЭБ.

§ 2. Факторы эффективности государственного принуждения в сфере обеспечения экономической безопасности

Анализ соответствующих факторов позволяет предметно-ориентировано сконцентрироваться и разработать меры, направленные на повышение эффективности государственного принуждения в сфере экономической безопасности. В этой связи мы сфокусируем свое внимание на анализе доктринальных, правотворческих и правоприменительных факторов, что было отмечено в предыдущем параграфе. Важно не только рассмотреть названные факторы, а исследовать их в определенной последовательности.

Важное значение для эффективности ГПОЭБ имеет *правовая доктрина*. К сожалению, в настоящее время роль названной факторной группы существенно занижена. Сложилась парадоксальная ситуация, когда доктрина существует в параллельном измерении с правотворчеством и правоприменением и не оказывает существенного влияния на данные виды деятельности.

Правовая наука приобретает принципиально важное значение для настройки эффективного механизма правоохраны в сфере экономики и встраивания в нее государственного принуждения. При этом следует учитывать необходимость установления взаимосвязи (интеграции) правовой и экономической науки. Известный отечественный дореволюционный правовед Г.Ф. Шершеневич отметил: «Плоха юридическая практика, неподкрепленная теоретическим светом, как и безжизненна теория, не вытекающая из практики»¹. Несмотря на прошествие более столетнего периода данное утверждение не утратило своей актуальности, а приобрело еще большую значимость. Юридическим научным сообществом данное утверждение поддерживается, но не всегда воплощается в практическую деятельность.

---

¹ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М., 1910. С. 16.

Потенциал юридической науки позволяет рассмотреть как существующие правовые явления и процессы, так и перспективные. В этой связи возникают значительные сложности, так как необходимо обладать не просто даром научного предвидения, а прогнозировать развитие соответствующих явлений и процессов на основании соответствующих методик. Д.А. Керимов в этой связи отметил: «Тайны науки не лежат на поверхности, проникновение в них предполагает, прежде всего, осмысление того, каким закономерностям она подчинена, каким образом достигаются ее результаты, каковы перспективы дальнейшего усиления ее могущества в овладении силами природы, общества, человеческим мышлением и деятельностью»¹.

Негативное влияние на эффективность применения ГПОЭБ оказывает пробельность в анализе данной проблематики. Основное внимание правоведов уделено юридической ответственности и, в особенности уголовным и административным ее видам. Вопрос о мерах процессуального обеспечения в значительной мере изложен в науке уголовно-процессуального права. Правовая наука должна решить сложную задачу по выработке стратегии государственного принуждения, на основании чего сформировать стратегию ее отдельных форм (видов), в том числе в экономической сфере (обеспечения экономической безопасности) как составного элемента государственно-правового обеспечения экономической безопасности. Политика государственного принуждения в этой сфере должна представлять глубоко продуманную систему взаимообусловленных мер, носить должное концептуальное обоснование.

При этом важно, чтобы стратегия государственного принуждения в сфере обеспечения экономической безопасности была связана со стратегией экономического развития. Следует разделить позицию М.А. Комаровой, по мнению которой данная стратегия должна базироваться на тех принципах, которые разработаны экономической наукой. Их всемерная реализация

---

¹ Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М., 2000. С. 6.

обеспечит в свою очередь должное формирование концептуальных установок и стратегических целей политических решений¹.

Учитывая комплексный характер обеспечения экономической безопасности, где взаимосвязаны и взаимодействуют все без исключения общественные отношения, к разработке соответствующей стратегии следует привлечь наряду с юристами и экономистами специалистов в сферах государственного и муниципального управления, политологов, социологов и других специалистов. При этом следует учесть как позитивные, так и правоохранные средства регулирования экономических отношений.

Отрадным является тот факт, что к числу стратегических целей на период до 2024 года отнесены: «обеспечение ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере; создание в базовых отраслях экономики, прежде всего в обрабатывающей промышленности и агропромышленном комплексе, высокопроизводительного экспортно ориентированного сектора, развивающегося на основе современных технологий и обеспеченного высококвалифицированными кадрами»². Перечисленные задачи четко ориентированы на экономическую сферу, но и другие требуют прочной экономической основы, которая не может быть вне стабильной экономической базы.

Важно принимать во внимание, что угроза экономическим отношениям исходит от множества источников, но государственное принуждение обладает ограниченным потенциалом и может быть противопоставлено правонарушениям, а также различным факторам природного и техногенного характера, действующим как в экономической, так и в других сферах общества, оказывающим разноплановое воздействие на экономику страны. При этом следует принимать во внимание, что ресурс

---

¹ См.: *Комарова М.А.* Формирование экономической стратегии государства: общее и особенное // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2008. № 2. С. 171–174.

² О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 // Собрание законодательства РФ. 2018. № 20, ст. 2817.

экономики имеет ограниченный характер и не может быть использован при решении всего комплекса задач по обеспечению экономической безопасности.

Полагаем, что к *доктринальным факторам обеспечения экономической безопасности посредством государственного принуждения* следует отнести: 1) теоретическую разработанность проблемы ГПОЭБ; 2) учет теоретических разработок в юридической (правотворческой, правоинтерпретационной, правоприменительной) деятельности.

1. *Теоретическая разработанность ГПОЭБ*, его отдельных мер все больше привлекает внимание исследователей, что обусловлено его прикладной востребованностью¹.

Предметом исследования выступает самый широкий круг проблем. Вместе с тем, многие вопросы государственного

---

¹ См.: Налоговая ответственность: штрафы, пени, взыскания / Брызглин А.В. [и др.]. М., 1997; *Макарейко Н.В.* Административная ответственность за правонарушения, посягающие на экономическую безопасность: монография. Н. Новгород, 2005; *Макарейко Н.В., Теплухин В.В.* Административное пресечение как средство обеспечения экономической безопасности: монография. Н. Новгород, 2005; *Макарейко Н.В.* Государственное принуждение в механизме обеспечения экономической безопасности: теоретические и прикладные проблемы: монография. Н. Новгород, 2011; *Разгильдиева М.Б.* Правовое убеждение и принуждение: теоретические основы (на примере финансового законодательства): монография / под ред. Н.И. Химичевой. М., 2012; *Саттарова Н.А.* Принуждение в финансовом праве / под ред. И.И. Кучерова. М., 2006; *Иванова Л.В.* Административное принуждение в системе мер обеспечения экономической безопасности Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008; *Калашишникова И.А.* Административное производство по применению мер принуждения таможенными органами Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008; *Мусаткина А.А.* Финансовая ответственность в системе юридической ответственности: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Тольятти, 2004; *Писларь В.И.* Продовольственная безопасность: сущность, методы ее обеспечения и направления развития: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Иркутск, 2002; *Разгильдиева М.Б.* Теория финансово-правового принуждения и сферы его применения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2011; *Сафонов О.А.* Финансово-правовые средства обеспечения экономической безопасности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007; *Химич К.В.* Административно-правовое принуждение в сфере налоговых отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 2002; и др.

принуждения, применяемого в сфере обеспечения экономической безопасности, нуждаются в дополнительном доктринальном осмыслении. Подобная пробельность в научном знании может быть объяснена как объективными, так и субъективными обстоятельствами.

В отечественной правовой науке советского периода вопросы обеспечения экономической безопасности не были востребованы. На эту особенность мы обратили внимание во второй главе. Внедрение механизмов рыночного регулирования, децентрализация управления в данной сфере повлекли за собой уязвимость экономических отношений.

Мы не склонны разделять позицию Р. Давида, который в большинстве случаев давал негативную оценку советской правовой науке¹. Признавая мощную идеологическую составляющую в юридических трудах советских правоведов, следует признать глубину рассмотрения ряда правовых проблем, в том числе государственного принуждения.

Выступив наследницей советской правовой науки, получив соответствующий багаж идей, знаний, теорий, российская правовая наука приняла существенный объем нерешенных и возникших проблем. Перед правовой наукой в настоящее время стоит задача поиска наиболее актуальной проблематики и выработки путей рационального правового регулирования, предложения адресных рекомендаций, направленных на решение актуальных, а также перспективных правовых задач. Не случайно Д.А. Керимов, отмечая усложнение социальных отношений и необходимость активного участия правовой науки в их разрешении, писал: «И в этом сложность практического правового управления, которому призвана оказать помощь правовая наука путем теоретического обоснования наиболее эффективного правового регулирования общественных отношений, совершенствования требований законности и упрочения режима правопорядка. Необходимо осмысление комплекса всех жизненных условий, обстоятельств, ситуаций

---

¹ См.: Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1988. С. 236.

в единстве с идеальными устремлениями людей, с их социальным и индивидуальным психологическим состоянием, духовным потенциалом»¹.

Здесь важно не только разработать на должном уровне государственно-принудительную проблематику, но и иметь активную гражданскую позицию. От правоведов требуется настойчивость в реализации своих теоретических предложений в практической деятельности по обеспечению экономической безопасности. Следует признать востребованность профессиональных юридических сообществ. Показательным здесь является созданная по инициативе академика РАН О.Е. Кутафина в 2005 году Ассоциация юристов России. Одной из ее целей является аккумуляция позитивного юридического опыта и его культивирование в правовой практике.

Отрадным является тот факт, что Ассоциацией юристов России, как ранее, так и сейчас, значительное внимание уделяется подготовке юридических кадров. В этой связи повышаются требования к юридическим вузам, вузовской юридической науке, а также самоконтролю со стороны профессиональных юридических сообществ. Сопредседателем Ассоциации юристов России В. Яковлевым было ранее отмечено, что к числу задач Ассоциации юристов относится «подготовка юристов и юридическое образование»². Данная позиция была поддержана министром юстиции России А. Коноваловым³.

Российской правовой науке удалось обеспечить преемственность советской правовой науки, диагностировать существующие проблемы, наметить пути по их разрешению. Вместе с тем, существует и ряд нерешенных проблем. Зачастую при исследовании проблемы государственного принуждения, в том числе применяемого в сфере обеспечения экономической безопасности, не выявляются существующие закономерности, а основное внимание уделяется вопросам, которые носят част-

---

¹ Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М., 2000. С. 490.

² Совет для президента // Российская газета. 2009. 20 августа.

³ Экзамен перед должностью // Российская газета. 2009. 13 августа.

ный характер. Вместо анализа конкретного правового явления или процесса рассматривается понятийный аппарат, бесконечно уточняются определения понятий, дублируются ранее полученные результаты. В этой связи выработанные предложения не могут быть реально использованы в юридической деятельности.

Мы убеждены, что перед правовой наукой сегодня стоит многосложная задача по выработке мер, направленных на возврат Российского государства в лоно права, когда не будут приниматься решения на различных уровнях государственного управления по ограничению прав и свобод граждан и их объединений по мотивам целесообразности, когда государственное насилие не будет «прикрываться» правовыми формами при достижении хотя бы значимых целей. Следует не только вспомнить, но и руководствоваться словами И.А. Ильина: «Историческая эпоха, ныне переживаемая народами, должна быть осмыслена как эпоха великого духовного разоблачения и пересмотра»¹.

Ознакомление с работами, которые посвящены обеспечению экономической безопасности посредством государственного принуждения, с учетом степени разработанности данной проблематики, целесообразно определить «проблемное поле» будущих научных исследований по названной проблеме.

Во-первых, необходимо всемерно включить население в процесс формирования законодательства, регламентирующего ГПОЭБ. Является ошибкой, когда в данной деятельности принимает участие исключительно профессиональное сообщество, а также представители крупного бизнеса, в то время как субъекты среднего и мелкого бизнеса, обычные граждане в данной деятельности принимают номинальное значение. Следует признать реальное существование лоббизма в этой деятельности, который следует не легализовать официально, а преследовать в уголовном порядке.

Нормативные правовые акты, предусматривающие ГПОЭБ, должны проходить мощную общественную экспертизу. Суще-

---

¹ Ильин И.А. О сущности правосознания. М., 1993. С. 16.

твует потребность в постоянном диалоге государственной власти (на различных уровнях) и общества по данной проблеме. Пройдя подобную легитимацию, данные меры государственного принуждения в меньшей степени будут встречать непонимание и противодействие. В таких условиях она будет должным образом восприниматься различными субъектами экономических отношений, которые осознают, что их целью является обеспечение экономической безопасности общества и государства, а не отдельных групп и лиц.

Во-вторых, объектом самого пристального внимания должны выступить философские и социально-мировоззренческие аспекты государственного принуждения в сфере обеспечения экономической безопасности. Решение этой многосложной задачи позволит дать адекватную оценку государственного принуждения в сознании населения, преодоления его деформированного восприятия исключительно с негативных позиций, которое отождествляется исключительно с насилием, абсолютным злом. Следует выработать и обосновать определенные маркеры, которые будут сигнализировать о «сползании» государственного принуждения в насилие. В этом случае будет возможным заблаговременное принятие необходимых мер по предупреждению данных процессов, уменьшение негативных последствий, укрепление веры в законность и справедливость ГПОЭБ. Данные действия будут восприниматься как вынужденные и необходимые меры по предупреждению угроз экономической безопасности.

Государственное принуждение обладает мощным стимулирующим потенциалом. Его своеобразие заключается в том, что оно запускается посредством тех правоограничений, которые наступают в случае применения данных мер, но они сподвигают (стимулируют) определенное социально значимое поведение принуждаемых субъектов.

В-третьих, следует разработать меры по гуманизации ГПОЭБ. О реализации данной тенденции будет свидетельствовать сокращение объема применения данных мер. При этом речь должна идти не о некой кампанийщине, а о реагировании

на сокращение угроз поиском и применением других методов государственного управления. Подобное сокращение должно быть продиктовано не желанием продемонстрировать мировому сообществу приверженность демократическим и рыночным ценностям, а должным реагированием на укрепление экономической безопасности. В этой связи не следует «консервировать» или сокращать ГПОЭБ для демонстрации гуманизма правовой политики в сфере обеспечения экономической безопасности, а принимать всеобъемлющие меры по экономии государственного принуждения в данной сфере.

В-четвертых, необходимо преодолеть дисбаланс в исследовании отдельных форм государственного принуждения, на что нами неоднократно обращалось внимание в данном исследовании. Наряду с изучением юридической ответственности, объектом самого пристального внимания должны выступить и другие формы государственного принуждения. При этом следует избежать изоляционистского подхода, когда незаслуженно высоко оценивается потенциал государственного принуждения в ущерб другим методам государственного управления. Сложность обеспечения экономической безопасности требует применения всего государственно-правового потенциала. Здесь важно рассмотреть проблему взаимосвязи мер различных форм ГПОЭБ и их применения при решении конкретных правоохранительных задач.

В-пятых, важным вектором в исследовании ГПОЭБ является дополнительное осмысление различных аспектов юридической техники ГПОЭБ. Ежегодные конференции, проводимые под эгидой нижегородской школы юридической техники, позволяют в значительной степени продвинуться в данном направлении. Наряду с этим существует потребность в реализации адресного подхода, когда будут рассмотрены вопросы стратегии, тактики, техники государственного принуждения в сфере обеспечения экономической безопасности¹.

---

¹ См.: Юридическая техника: учебник для вузов: в 2 т. / под ред. В.М. Баранова. М., 2018.

Качественное исследование юридико-технической составляющей ГПОЭБ позволит оптимально произвести техническую настройку данных мер, что эффективно обеспечит экономическую безопасность.

В-шестых, исследование государственного принуждения должно носить разновекторный характер, то есть рассматриваться на различных уровнях нормативного правового регулирования. Данная посылка не актуальна для уголовно-правового и уголовно-процессуального принуждения, которые регулируются исключительно на федеральном уровне. Подавляющее большинство ГПОЭБ регламентируется на различных уровнях и требует пристального доктринально внимания.

Особую актуальность приобретает вопрос защиты малого бизнеса, который требует применения ГПОЭБ на местном (муниципальном) и локальном уровнях регулирования. При этом важно анализировать нормативное правовое регулирование как в рамках отраслей публичного, так и частного права. Именно такое сочетание позволит более качественно уяснить весь комплекс существующих проблем в данной области и дать соответствующие рекомендации.

В-седьмых, перспективным направлением в исследовании ГПОЭБ является ее аксиологическая составляющая. Качественное разрешение данной проблемы позволит понять и донести до субъектов экономических отношений реалистическую характеристику государственного принуждения, показать его значение в обеспечении экономической безопасности.

Государственное принуждение органически встроено в систему правовых ценностей. Оно неотделимо от достижений цивилизации, составным элементом которых выступает. В то же время государственное принуждение создает условия для обеспечения сохранения и развития различных благ общества. В связи с этим одна из важнейших задач правоведения состоит в обеспечении соединения юридического знания и практического опыта, что даст возможность осуществить значимый гносеологический шаг – перейти от статической

картины многообразных и порой разрозненных явлений к динамической характеристике их взаимодействия¹.

В-восьмых, важным является познание морально-нравственной составляющей ГПОЭБ. В основе данной формы государственного принуждения наряду с правом лежат и другие социальные регуляторы. Их использование позволяет в большей мере легитимировать данный метод государственного управления. Следует глубже исследовать нравственную обусловленность государственного принуждения. Реализация данного подхода будет способствовать выработке нравственно допустимых мер государственного принуждения, что будет стимулировать правовую активность субъектов экономических отношений.

В-девятых, следует изучить субъектов, в отношении которых применяются ГПОЭБ. Учитывая тот факт, что в результате государственно-принудительного воздействия они должны изменить свое поведение, важно дать должные рекомендации о необходимом воздействии на их сознание, волю, в целях достижения запрограммированных результатов. Важно учитывать, что различные меры оказывают разноплановое воздействие на данные сферы бытия субъектов экономических отношений (принуждаемых). В связи с этим необходимо выработать адресные рекомендации по выбору сфер воздействия, порядку его оказания и т. п. Следует организовать тесное взаимодействие с криминологами, так как они в большей мере исследуют личностную характеристику субъектов, склонных к девиантному поведению².

Следует принимать во внимание широту «географии» применения мер ГПОЭБ, что связано с возможностью применения как в отношении вменяемых, так и невменяемых лиц, а иногда без учета возрастных характеристик принуждаемых, что свидетельствует об их универсальном характере. Очень важно рассмотреть специфику характеристики юридических лиц, так как они играют важную роль в экономической деятельности.

---

¹ См.: Абдеев Р. Ф. Философия информационной цивилизации. М., 1994. С. 310.

² См.: Игошев К. Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения: учебное пособие. Горький, 1974.

При этом следует принимать во внимание временные характеристики юридических лиц, то обстоятельство, что они могут быть ликвидированы или преобразованы, в том числе и в целях избежания применения мер государственного принуждения.

В-десятых, необходимо выработать адресные рекомендации в отношении нормативного правового регулирования и применения ГПОЭБ в конкретных областях экономической деятельности и в конкретных условиях. Речь должна идти об их адресной привязке, что приобретает особую актуальность в связи с финансово-экономическим кризисом, введением санкционного режима в отношении ряда российских юридических и физических лиц. Речь должна идти о выработке и применении системы антикризисных мер ГПОЭБ, закреплении соответствующих алгоритмов их использования. Важно, чтобы данные рекомендации были разработаны заблаговременно и апробированы в локальных условиях, что позволит вооружить правоприменителей реально функционирующим государственно-принудительным инструментарием.

В Послании Федеральному Собранию Российской Федерации 1 декабря 2016 года Президентом РФ В.В. Путиным был сделан акцент на потребности укрепления защиты от киберугроз, повышения устойчивости всех элементов инфраструктуры, финансовой системы, государственного управления¹.

В-одиннадцатых, дополнительного осмысления требуют фактические основания применения ГПОЭБ. Возможность их задействования на различных стадиях развития противоправных ситуаций и наличия правовых аномалий значительно усложняет законность и эффективность их применения. При этом следует принимать во внимание высокую степень противоречивости интересов субъектов экономических отношений, их желание достигнуть результатов любыми, в том числе и противоправными путями. В этой связи важно проанализировать механизм диагностики данных противоречий и выбрать

---

¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 1 декабря 2016 г. // Российская газета. 2016. 2 декабря.

рациональные пути их разрешения, что позволит оптимизировать объем применения ГПОЭБ.

В-двенадцатых, важное значение имеет изучение проблемы временных характеристик (пределов) ГПОЭБ. В этой связи следует разделить позицию Т.Л. Тениловой: «Грамотный и рациональный подход к установлению и реализации пространственно-временных свойств в правовой сфере способствует нахождению оптимального баланса в состоянии упорядоченности общественных отношений и является необходимым условием достижения ближайших и отдаленных во времени стратегических задач государства»¹.

Важность изучения данной временной проблематики предметно связана с различными формами ГПОЭБ. Для юридической ответственности данная проблематика обусловлена сроками давности привлечения к ответственности. Важно выработать рекомендации по дифференциации сроков давности применительно к различным видам юридической ответственности, их соответствию общественной опасности совершенных противоправных деяний. Вызывает серьезную озабоченность увеличение сроков давности привлечения к административной ответственности за отдельные правонарушения до шести лет (ст. 4.5 КоАП РФ), а также неурегулированность данного вопроса при реализации дисциплинарной ответственности за коррупционные правонарушения.

Что касается мер предупреждения и пресечения, то их применение при игнорировании временного фактора свидетельствует о грубом нарушении законности. Своевременное применение предупредительных и пресекательных мер ГПОЭБ в дальнейшем может не потребовать реализации мер других форм государственного принуждения (процессуального обеспечения, юридической ответственности, правосознания).

В-тринадцатых, перспективным видится использование потенциала мониторинга ГПОЭБ. Задействование данного

---

¹ Тенилова Т.Л. Пространство и время в правовой системе общества: монография. Н. Новгород, 2014. С. 5.

метода исследования позволит установить обратную связь между различными субъектами, которые встроены в процесс правоприменения. Потенциал правового мониторинга даст возможность выявить незадействованные резервы в применении различных форм ГПОЭБ.

В-четырнадцатых, важно выработать рекомендации по систематизации ГПОЭБ. Ее значимость возрастает в силу того, что данные меры содержатся в различных источниках российского права. При этом они находятся как в актах различной юридической силы, так и регламентируются нормами различных отраслей российского права. Мы считаем утопичным предложения по всемерной кодификации государственного принуждения¹. Более реалистичным является проведение систематизации в рамках существующей организации российского права. Здесь следует принимать во внимание, что данная проблема обладает различной степенью остроты для отдельных форм ГПОЭБ. Особую актуальность представляют меры предупреждения, пресечения, защиты (правовосстановления).

Названные проблемы ни в коей мере не исключают и других спорных вопросов ГПОЭБ, которые требуют дополнительного доктринального осмысления. Важно рассмотреть и выработать научные рекомендации применения ГПОЭБ в сфере цифровой экономики. Важность данной проблематики связана с тем, что указанная сфера экономической деятельности определена в качестве приоритетных национальных целей². Отечественный законодатель существенно отстает в регулировании как позитивных, так и охранительных отношений в данной сфере, что негативным образом сказывается на состоянии защищенности экономических отношений.

2. Доктринальная эффективность ГПОЭБ *связана со степенью учета доктринальных наработок в правотворческой и*

---

¹ См.: *Рогов А.П.* Особенности государственного принуждения в правовом государстве: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 202–205.

² См.: О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 // *Собрание законодательства РФ*. 2018. № 20, ст. 2817.

правоприменительной деятельности. Важно преодолеть «параллельное» существование правовой науки и юридической практики. Существует необходимость того, чтобы юридическая наука и практика стали «улицей с двухсторонним движением». Юридическая наука должна быть востребована субъектами, осуществляющими нормативное правовое закрепление и применение ГПОЭБ. В свою очередь, правотворческая и правоприменительная практика должна выступать в качестве «питательной» среды для юридической науки. Важно, чтобы данные результаты, в том числе и негативные, проходили всесторонний анализ. При этом перспективным является использование полученных результатов в образовательном процессе. Именно подобное сочетание позволит скорректировать данную деятельность и повысить качество подготовки будущих специалистов.

Следует согласиться с высказыванием Н.В. Сильченко: «Далеко не всегда в силу ряда причин и обстоятельств предложения и рекомендации юридической науки воспринимаются практикой законотворчества и правоприменения»¹.

Необходимо согласиться, что невостребованность научной продукции в ряде случаев обусловлена не только ее качеством, но и субъективным усмотрением соответствующих лиц, осуществляющих соответствующий вид юридической деятельности.

По мнению В.В. Лазарева, юридическая наука в настоящее время должна быть ориентирована на существующие внутренние и внешние вызовы (их перечень, описание, характеристики), давать на них ответы, объяснять отсутствие ответов на определенные вызовы, формировать возможные прогнозы системного обозрения вызовов, в том числе учитывать изменения в экономических отношениях (смена форм собственности, изменение характера труда). При этом осторожно относиться к рекомендациям иностранных специалистов (экономистов и юристов)².

---

¹ Сильченко Н.В. Закон: Проблемы этимологии, социологии и логики. Минск, 1993. С. 31.

² См.: Лазарев В.В. Юридическая наука: современное состояние, вызовы и перспективы (размышления теоретика) // Lex russica. 2013. № 2. С. 181–191.

Одна из проблем невосприятия научных рекомендаций может быть объяснена тем обстоятельством, что в нашей стране правовая доктрина не является официальным источником права. В.М. Баранов в этой связи отметил: «К сожалению, никогда судебные и административные акты не используют ссылки на труды ученых-правоведов. ...Мировой опыт свидетельствует, что значение правовой доктрины как формального источника права падает, но ее роль в качестве неформального элемента правообразования и правореализации растет»¹.

Следует разделить позицию С.Б. Полякова, которым было акцентировано внимание на сложности взаимодействия научной общественности с органами государственной власти. Было отмечено, что такое взаимодействие носит избирательный подход как в оценке, так и использовании юридических разработок².

В качестве иллюстрации можно привести исключение конфискации имущества из системы наказаний в соответствии с Федеральным законом от 8 декабря 2003 года № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации»³. Принятие данного законопроекта было направлено на гуманизацию наказания и снижение числа осужденных к лишению свободы. Вместе с тем, по мнению научной общественности, данное решение не отвечает существующей криминогенной ситуации, прежде всего в сфере экономики. Для предупреждения реализации данной законодательной инициативы юридическая научная общественность, ведомая академиком РАН В.Н. Кудрявцевым, обратилась с письмом к высшим должностным лицам государства (Президенту РФ, председателям палат Федерального Собра-

---

¹ Баранов В.М. *Формы права // Теория государств и права: учебник / под ред. В.К. Бабаева. М., 1999. С. 273–274.*

² См.: Поляков С.Б. *Юридическая наука, практика, политика // Lex russica. 2014. № 4. С. 413–420.*

³ О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ // *Собрание законодательства РФ. 2003. № 50, ст. 4848.*

ния РФ), где указала, что «таким решением будут защищены многомиллионные преступные доходы, что будет способствовать лишь дальнейшему разграблению страны. Это усилит социальную напряженность в обществе и еще более подорвет доверие населения к власти, что особенно опасно в период избирательной кампании»¹.

Данные обращения так и остались без ответа, а усилия по опубликованию письма в центральных печатных СМИ не привели к успеху. Попытки обращения к Министерству иностранных дел РФ за помощью, апеллирование к международному опыту оказались безрезультатны.

Отказ от восприятия научных рекомендаций имеет место при осуществлении как материального, так и процессуального регулирования. В.И. Зажицкий при анализе вопросов эффективности правосудия по уголовным делам отметил непоследовательный и противоречивый характер предписаний УПК РФ: «Это положение стало возможным, главным образом, вследствие игнорирования при создании УПК РФ такого принципа законотворчества, как научная обоснованность»².

Отечественные правоприменители в ряде случаев игнорируют доктринальные рекомендации. Такое положение объясняется статусом актов доктринального толкования, на которые нельзя официально ссылаться. Наряду с этим научные рекомендации оказывают влияние на формирование убежденности соответствующих правоприменителей, то есть оказывают воздействие на его правосознание.

Перспективным видится создание научно-консультативных советов при различных органах государственной власти. В этой связи в целях повышения эффективности деятельности данных коллективных образований следует решить две взаимосвязанные задачи. Во-первых, повысить статус данных органов, детально определить порядок их деятельности. Во-вторых,

---

¹ *Лунеев В.В.* Конфискация имущества из УК РФ незаконно исключена: что дальше? // Государство и право. 2006. № 4. С. 6–7.

² *Зажицкий В.И.* Проблемы повышения эффективности правосудия по уголовным делам // Государство и право. 2009. № 7. С. 38.

повысить уровень профессионализма данных органов, включать в их состав наиболее квалифицированных ученых.

Следует учитывать, что в условиях формирования гражданского общества юридическое научное сообщество призвано играть важную интеграционную роль, что является необходимым элементом гражданского общества. При обеспечении экономической безопасности важен профессиональный подход и учет практической деятельности. При этом не следует гипертрофировать значение правовой доктрины, впадать в правовой романтизм, так как ученые не лишены права на ошибку. Для минимизации негативных последствий непродуманных научных рекомендаций в сфере обеспечения экономической безопасности требуется развертывание публичной научной дискуссии и использование полученных результатов в практической деятельности.

Проблема эффективности нашла определенное отражение и в структурной организации научной деятельности. Так, в Финансовом университете при Правительстве РФ 23 декабря 2010 года был создан Институт проблем эффективного государства и гражданского общества. Одной из задач указанного структурного образования явилась разработка теоретических и прикладных проблем правового обеспечения повышения эффективности государственного управления на федеральном и региональном уровнях по широкому спектру задач, стоящих перед органами исполнительной власти.

Важную роль в повышении эффективности ГПОЭБ играют *правотворческие факторы*, которые взаимосвязаны с юридической наукой. «Развитие законодательства – сложный процесс, проходящий под влиянием множества разнородных факторов. Отсутствие научного предвидения, поспешность в подготовке актов, ошибок в расчетах, недостаток аналитической информации, учета различных факторов снижают качество правовых актов»¹.

---

¹ Прогнозирование динамики современного законодательства / Ю.А. Тихомиров [и др.] // Концепция развития российского законодательства. М., 2010. С. 45.

Обеспечение экономической безопасности посредством государственного принуждения должно строиться на прочной нормативной правовой базе. В ряде ситуаций дефекты действующего законодательства, регламентирующего ГПОЭБ, отличаются пробельностью, противоречивостью, коррупциогенностью и др.

Состояние законодательства, регламентирующего ГПОЭБ, следует рассматривать во взаимосвязи с процессами, свойственными действующему законодательству в целом. По мнению Н.А. Власенко, кризисные явления в отечественном законодательстве выражаются в следующем: отсутствии законодательной стратегии и доминировании субъективных тенденций; законодательство используется в качестве средства контроля за гражданским обществом; включении индивидуального правового регулирования в законодательный массив; нарушении (игнорировании) необходимого баланса между социальным и правовым (законодательным) регулированием; девальвация роли закона как основного источника российского права; отсутствии реального федерализма и качественного законодательства субъектов Российской Федерации; отсутствии легитимной классификационной модели нормативных правовых актов; законодательском романтизме и необходимости наличия легитимных «фильтров» для законодательных инициатив¹. Следует согласиться с наличием указанных явлений, необходимостью применения механизмов по их оперативному диагностированию и устранению.

В литературе обращается внимание на наличие отдельных недостатков, свойственных действующему законодательству. По мнению В.А. Толстика, к их числу относится отсутствие строгой иерархии источников права, что является «одной из ключевых угроз национальной безопасности Российской Федерации»². Продолжая исследование отечественной

---

¹ См.: Власенко Н.А. Кризисные тенденции в законодательстве современной России // Юридическая техника: Ежегодник. 2015. № 9: «Юридическая конструкция в правотворчестве, реализации, доктрине». С. 175–182.

² Толстик В.А. Иерархия источников российского права: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 50.

нормативной правовой базы на различных уровнях, данный автор делает вывод о том, что «для обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, укрепления законности и правопорядка, повышения эффективности правового регулирования необходимо создание эффективно действующего механизма обеспечения строжайшей иерархии нормативных правовых актов»¹.

Актуальность правотворческого фактора весьма эффективна для юридической деятельности, на что обращают внимание исследователи. По мнению А.О. Якушева, к числу основных слагаемых факторов эффективности законодательства относятся: правовое (юридическое) качество законодательства; эффективность правоприменительной деятельности; уровень правосознания правоприменителя и населения в целом². С предложенным набором факторов согласиться нельзя, так как они относятся как к правотворческим, так и правоприменительным группам. Не исключая наличия взаимосвязи между ними, в интересах проводимого исследования их следует различать.

О.С. Рогачева, анализируя эффективность норм административно-деликтного права, называет следующие условия: «правильный выбор круга общественных отношений, подлежащих правовому регулированию; своевременность разработки нормы административно-деликтного права; соблюдение принципа справедливости при установлении административной ответственности, соразмерности санкций административно-деликтных норм конституционно закрепленным целям и охраняемым интересам, а также характеру совершенного деяния; соблюдение правил законодательной техники; правосознание»³.

---

¹ Толстик В.А. Иерархия источников российского права: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 52.

² См.: Якушев А.О. Эффективность норм налогового контроля за расходами физических лиц // Юридические записки / под ред. Ю.Н. Старилова. Воронеж, 2001. Вып. 14: Единое правовое пространство России: материальные и процессуальные проблемы обеспечения и защиты. С. 262–263.

³ Рогачева О.С. Эффективность норм административно-деликтного права: монография. Воронеж, 2011. С. 328–329.

В свое время К.М. Сарсеновым была отмечена роль законодательной основы в эффективности государственного принуждения, применяемого органами внутренних дел: «Эффективность применения милицией мер административного принуждения в значительной степени зависит от того, насколько правовая основа использования этих мер отвечает требованиям времени»¹.

По нашему мнению, к числу нормативных правовых факторов, которые позитивно сказываются на эффективности ГПОЭБ, можно отнести следующие.

1. *Пробельность нормативного правового регулирования ГПОЭБ.* Нами было указано, что данный фактор традиционно отмечается исследователями, но не всегда должным образом воспринимается субъектами правотворчества. Такое положение влечет за собой разбалансирование нормативного правового механизма обеспечения экономической безопасности, регламентирующего меры государственного принуждения.

С момента вступления в силу Конституции РФ было принято более шести тысяч законов различной юридической силы², при этом не устранены пробелы. Используя законы диалектики, следует признать, что количественные характеристики действующего законодательства в настоящее время не перешли в его качество.

Было бы необъективно говорить о полном отсутствии внимания субъектов правотворчества к нормативному правовому регулированию ГПОЭБ. В качестве иллюстрации можно привести главу 4 ФЗ «О полиции», которая посвящена регламентации отдельных мер государственного принуждения, применяемого наиболее многочисленным правоохранительным органом, которым является полиция. Наряду с этим следует признать, что данного шага недостаточно для качественной систематизации

---

¹ Сарсенов К.М. Государственное принуждение и его реализация в деятельности органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1996. С. 17.

² См.: Российское законодательство: 20 лет развития в русле новой Конституции Российской Федерации / отв. ред. А.А. Клишаса, В.Н. Плигина. М., 2013. С. 5–13.

государственного принуждения, применяемого полицией. Сегодня полицейское принуждение содержится в значительном числе источников.

В настоящее время пробельность нормативного правового регулирования ГПОЭБ находит выражение в следующем:

- отсутствует четкая слаженная институциональная система государственного принуждения в рамках подавляющего числа отраслей права;

- существует процессуальная пробельность, когда полностью или частично отсутствуют процессуальные нормы, определяющие порядок применения ГПОЭБ;

- отсутствует нормативный порядок контроля, в том числе общественного, за применением ГПОЭБ;

- отсутствует нормативное правовое закрепление ответственности субъектов в случае незаконного применения ГПОЭБ.

2. *Широкое применение подзаконного нормативного правового регулирования ГПОЭБ.* Перспективным является использование законодательного регулирования мер государственного принуждения. На данную проблему обратил внимание С.А. Белоусов в ходе исследования дисбаланса существующего в законодательстве: «Неоправданное преобладание подзаконных нормативных актов над законами в конкретной сфере правового регулирования общественных отношений выступает важнейшим проявлением законодательного дисбаланса»¹.

Необходимо отметить, что важно всемерно использовать законы в регулировании деятельности по обеспечению экономической безопасности, а не только применять государственное принуждение в данной деятельности. Следует разделить позицию В.А. Мальцева, который отметил, что «... в обеспечении развития отношений между государством и личностью решающая роль принадлежит закону, определяющему рамки (пределы) деятельности граждан и власти, ... законом должно определяться разумное соотношение полномочий властей и прав

---

¹ Белоусов С.А. Законодательный дисбаланс: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2015. С. 32.

личности без умаления интересов обеих сторон взаимоотношений»¹. Использование законов при обеспечении экономической безопасности свидетельствует о признании статуса проблемы на официальном государственном уровне.

Качественная неоднородность государственного принуждения всемерно осложняет решение проблемы нормативного правового регулирования посредством исключительно актов высшей юридической силы. Возникает закономерный вопрос решения данной проблемы путем создания отдельного федерального закона, например Кодекса (Основ законодательства) государственного принуждения. Подобные предложения были озвучены в научной литературе. По мнению В.А. Круглова, для повышения качества регламентации предупредительных мер административного принуждения по белорусскому законодательству существует необходимость «закрепления их в разрабатываемом Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях, а положений об их исполнении – в Процессуально-исполнительном кодексе по делам об административных правонарушениях»².

При внешней привлекательности данное предложение нерелигиозно. Следует иметь в виду, что меры административного предупреждения не «вписываются» в систему мер административной ответственности и административно-процессуального обеспечения, которые изложены в указанных нормативных правовых актах. Признавая невозможность решения проблемы регулирования ГПОЭБ исключительно законами, следует идти по пути обеспечения определенного баланса между законами и подзаконными нормативными правовыми актами. Наряду с этим следует своевременно осуществлять подзаконное нормативное

---

¹ Мальцев В.А. Сфера государственной безопасности: баланс интересов и механизм его обеспечения // Правовая наука и реформа юридического образования: сборник научных трудов / под ред. Ю.Н. Старилова. Воронеж, 2007. Вып. 21: «Правовой нигилизм» и «чувство законности» в России: соотношение, значение и формы. С. 124–125.

² Круглов В.А. Производство по делам об административных правонарушениях. М. ; Минск, 2002. С. 190.

правовое регулирование, то есть предупредить возникновение правовых пробелов. Следует принимать во внимание, что большинство мер ГПОЭБ закрепляются с использованием бланкетных конструкций.

3. К числу факторов эффективности ГПОЭБ относится *коррупциогенность законодательства, регламентирующего данные меры*. Значимость названного фактора обусловлена тем, что на изначальном этапе закрепления мер государственного принуждения закладывается потенциальная опасность совершения правонарушения. Коррупция, ее проявление опасно в различных областях общественной жизни, но в экономической приобретает особую остроту. Во-первых, в сфере экономики пересекаются материальные интересы самого широкого числа субъектов, которые в ряде случаев носят противоречивый, взаимоисключающий характер. Во-вторых, существует легальная нормативная правовая основа для применения государственного принуждения не в целях обеспечения экономической безопасности. В-третьих, негативным образом сказывается на правосознании субъектов экономических отношений.

Коррупциогенность законодательства чаще всего определяется посредством задействования антикоррупционной экспертизы. Парадоксальность ситуации состоит в том, что в наиболее экономически развитых государствах (Западная Европа, США, Канада) подобные исследования на предмет восприятия коррупции практически не проводятся, но эксперты данных стран принимают участие в экспертной деятельности по данной проблематике в азиатских и африканских государствах. Также широкое распространение практика проведения подобных экспертиз получила в бывших странах Восточной Европы, СНГ и Балтии¹.

В отечественной литературе традиционно уделяется существенное внимание проблеме антикоррупционной экспертизы

---

¹ См.: Коррупционность законодательства: причины, факторы, преодоление: монография / Н.А. Абузярова [и др.]; отв. ред. Е.И. Спектор, А.М. Цирин. М., 2013. С. 247.

нормативных правовых актов¹. Следует отметить активную деятельность по формированию соответствующего законодательства, о чем свидетельствует принятие постановления Правительства РФ от 5 марта 2009 года № 195 «Об утверждении Правил проведения экспертизы нормативных правовых актов и иных документов в целях выявления в них положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции»². В дальнейшем данная деятельность была урегулирована на законодательном уровне³, а также утверждена Методика проведения

---

¹ См.: *Васильев Ф.П., Дугинец А.С.* Анतिकоррупционная экспертиза нормативных правовых актов // *Российская юстиция*. 2010. № 4. С. 2–7; *Хабриева Т.Я.* Формирование правовых основ антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов // *Журнал российского права*. 2009. № 10. С. 5–13; *Лопашенко Н.А.* Коррупционные факторы: опасная трансформация нормативного толкования // *Законность*. 2009. № 10. С. 13–19; *Филатов С.В.* Анतिकоррупционная экспертиза нормативных правовых актов (их проектов) // *Законность*. 2013. № 2. С. 7–9; *Гулягин А.Ю.* Проблемные вопросы и практика осуществления антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов органами местного самоуправления // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2012. № 10. С. 25–28; *Алеикова Н.П.* Анतिकоррупционная экспертиза проектов нормативных правовых актов как обязательная часть качественного правотворческого процесса // *Российская юстиция*. 2012. № 10. С. 23–25; *Хабриева Т.Я., Андриченко Л.В., Цирин А.М.* О результатах анализа практики реализации программ противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации и предложения по повышению их эффективности // *Журнал российского права*. 2012. № 11. С. 58–67; *Кочура В.Н.* Анतिकоррупционная экспертиза: методика проведения // *Журнал российского права*. 2012. № 9. С. 65–70; *Цирин А.М.* Методическая база оценки нормативных правовых актов на коррупциогенность // *Журнал российского права*. 2009. № 10. С. 22–29; *Коррупционность законодательства: причины, факторы, преодоление: монография* / Н.А. Абузярова [и др.]; отв. ред. Е.И. Спектор, А.М. Цирин. М., 2013; *Власенко Н.А., Грачева С.А., Рафалюк Е.Е.* Правовые основы противодействия коррупции: учебное пособие / отв. ред. Н.А. Власенко. М., 2013.

² Об утверждении Правил проведения экспертизы нормативных правовых актов и иных документов в целях выявления в них положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции: постановление Правительства РФ от 5 марта 2009 г. № 195 // *Собрание законодательства РФ*. 2009. № 10, ст. 1210.

³ Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. 2009. № 29, ст. 3609.

антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов¹.

Отрадным является тот факт, что с учетом значимости создания зоны, свободной от коррупции, в сфере экономики было принято постановление Правительства РФ 29 июля 2011 года № 633 «Об экспертизе нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти в целях выявления в них положений, необоснованно затрудняющих ведение предпринимательской и инвестиционной деятельности, и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации»². В данном нормативном правовом акте была возложена обязанность проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов органов исполнительной власти, регламентирующих экономические отношения на Минэкономразвития³. В настоящее время данный вопрос урегулирован постановлением Правительства РФ от 30 января 2015 года № 83⁴.

Следует отметить возможность представителей предпринимательского сообщества инициировать соответствующие обращения на предмет контроля за органами исполнительной власти, которые регулируют экономическую деятельность. Данное решение говорит о повышении роли институтов гражданского общества в сфере экономики.

Важно отметить, что антикоррупционная экспертиза призвана носить комплексный характер. В этой связи предметом

---

¹ Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: постановление Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96 // Собрание законодательства РФ. 2010. № 10, ст. 1084.

² Собрание законодательства РФ. 2011. № 32, ст. 4834.

³ См.: Об утверждении Порядка проведения экспертизы нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти в целях выявления в них положений, необоснованно затрудняющих ведение предпринимательской и инвестиционной деятельности: приказ Министерства экономического развития России от 9 ноября 2011 г. № 634 // Бюллетень нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти. 2011. № 51.

⁴ О проведении оценки фактического воздействия нормативных правовых актов, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства РФ: постановление Правительства РФ от 30 января 2015 г. № 83 // Собрание законодательства РФ. 2015. № 6, ст. 965.

анализа должны выступать проекты нормативных правовых актов, концепции и проекты технических заданий по разработке проектов федеральных законов; проекты поправок к проектам федеральных законов¹.

Проведение анализа правовых актов, составляющих нормативную основу ГПОЭБ, дает возможность определить соответствующие коррупциогенные факторы:

- наличие широких дискреционных полномочий правоприменителей по реализации ГПОЭБ;
- широта подзаконного нормативного правового регулирования;
- пробельность нормативного правового регулирования ГПОЭБ;
- несовершенство процессуального применения ГПОЭБ;
- использование оценочных категорий, неустоявшегося, двусмысленного понятийного аппарата.

Следует разделить позицию белорусского правоведа Г.А. Василевича о необходимости преодоления (устранения) коррупциогенности законодательства. С этой целью следует принять комплекс мер по установлению, нейтрализации и устранению коррупционных рисков. При этом обращается внимание на пробельность, неопределенность правовых норм, недостатки в подборе и расстановке кадров, их воспитании². Данный автор проиллюстрировал комплексный подход, что вполне оправданно с учетом сложности проблемы.

В целях снижения коррупциогенности законодательства, регламентирующего ГПОЭБ, необходимо задействовать следующие резервы: 1) в обязательном порядке вовлечь в экспертную

---

¹ См. п. 1 Правил проведения экспертизы нормативных правовых актов и иных документов в целях выявления в них положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции. См.: Об утверждении Правил проведения экспертизы нормативных правовых актов и иных документов в целях выявления в них положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции: постановление Правительства РФ от 5 марта 2009 г. № 195 // Собрание законодательства РФ. 2009. № 10, ст. 1210.

² См.: *Василевич Г.А.* Правовые аспекты борьбы с коррупцией в Республике Беларусь // Журнал российского права. 2009. № 7. С. 22–26.

антикоррупционную деятельность наряду с Минэкономразвития России, Минюст России, МВД России, Минфин России, ФСФМ, а также соответствующие органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, институты гражданского общества; 2) закрепить юридическую ответственность субъектов правотворчества на различных уровнях за принятие некачественных нормативных правовых актов¹; 3) нормативно определить коррупционные факторы, регламентирующие антикоррупционную экспертизу²; 4) расширить практику антикоррупционной экспертизы гражданско-правового, финансово-правового (бюджетного, налогового, страхового), таможенного, трудового законодательства и нормативных правовых актов других отраслей и институтов законодательства, регламентирующих ГПОЭБ; 5) усилить антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов на региональном уровне; 6) усилить антикоррупционную экспертизу проектов и действующих нормативных правовых актов, принимаемых совместными органами управления СНГ, Евразийского экономического сообщества, Таможенного союза и других межгосударственных объединений, соответствующие международные договоры; 7) установить ответственность субъектов за качество экспертной деятельности; 8) создать специальные юрисдикционные органы по рассмотрению споров по вопросам коррупционной составляющей нормативных правовых актов.

4. *Систематизация законодательства, регламентирующего ГПОЭБ*, самым непосредственным образом влияет не только на эффективность ее реализации, но и на обеспечение экономической безопасности в целом. Необходимо разделить точку зрения В.А. Сивицкого по данному вопросу: «...необходимость в систематизации возникает, если из-за неупорядоченности в массиве

---

¹ См.: Участие институтов гражданского общества в борьбе с коррупцией: научно-практическое пособие / Т.А. Едкова [и др.]; отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М., 2013. С. 51–52.

² См.: Правовые акты: антикоррупционный анализ: научно-практическое пособие / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, Т.Я. Хабриева, В.Н. Найдено. М., 2010. С. 74–75.

нормативных правовых актов становится неудобным пользоваться правовыми актами»¹.

Востребованность систематизации объясняется значительным увеличением числа нормативных правовых актов различной юридической силы. «В условиях заметного увеличения объема законодательства и продолжающейся активной законотворческой работы значительно возросло значение систематизации законодательства и особенно такого его вида, как кодификация»². С этим суждением необходимо согласиться, так как разобщенное противоречивое законодательство существенно осложняет проблему качественной реализации правовых норм.

Академик РАН Т.Я. Хабриева обращает внимание на роль правообразования в области правотворчества и выступает за «научное обеспечение систематизации права»³. В развитие своей позиции она пишет: «Систематизация права обогащается новыми формами инкорпорации и консолидации нормативно-правового материала, снижающими уровень множественности нормативных правовых актов, их мелкотемье, пробелы и противоречия в правовом регулировании»⁴.

В литературе систематизация нормативных правовых актов определяется как «их упорядочение, приведение в единую (более или менее сложную) систему»⁵. Следует обратить внимание на точку зрения о том, что «регулирующая роль и социальная ценность сводов (собраний) станут еще выше, если они в конце концов превратятся в «кодексы кодексов», то есть в единые источники права, состоящие не из отдельных нормативных

---

¹ *Сивицкий В.А.* Систематизация как сфера применения юридико-технического инструментария // *Юридическая техника: Ежегодник. 2007. № 1. С. 65.*

² *Чухвичев Д.В.* Кодификационные акты, их специфика и значение в системе права // *Государство и право. 2009. № 8. С. 5.*

³ *Хабриева Т.Я.* Современное правотворчество и задачи юридической науки // *Журнал российского права. 2015. № 8. С. 7.*

⁴ Там же. С. 8.

⁵ См.: *Теория государств и права: учебник для бакалавров / под ред. В.К. Бабаева. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2014. С. 436.*

актов, а из правовых предписаний»¹. Признавая ценность систематизации, необходимо отказаться от декларирования реализации идеи по созданию «кодекса кодексов». Неоднородность нормативных правовых актов не позволяет реализовать столь привлекательный, но малореалистичский сценарий.

Анализируя проблему систематизации источников ГПОЭБ, необходимо обратить внимание на их различный уровень с учетом форм и состояния систематизации отраслевого законодательства в целом. Так, уголовно-правовое, уголовно-процессуальное принуждение систематизировано на высоком уровне и содержится в кодифицированных нормативных правовых актах (УК РФ, УПК РФ). Такое положение обусловлено отсутствием других источников, регламентирующих уголовную ответственность и отправление уголовного судопроизводства. В отличие от ряда государств (Нидерланды, США, Франция, ФРГ и др.), где институт уголовной ответственности изложен в различных нормативных правовых актах.

Особая острота присуща проблеме систематизации мер предупреждения, пресечения, защиты, а также мер ГПОЭБ, урегулированных нормами административного права. В отношении последних проблема лежит в русле кодификации источников административного права в целом². Наша позиция получила поддержку в литературе. Так, М.В. Костенников и А.В. Куракин аргументированно отмечают, что «эффективность административно-правового регулирования в значительной степени зависит от совершенствования административно-правовых норм, их систематизации и кодификации»³.

Признавая высшую степень систематизации административной ответственности как форму ГПОЭБ, необходимо

---

¹ Систематизация законодательства / под ред. А.С. Пиголкина. М., 2003. С. 67.

² См.: *Петров Г.И.* О кодификации советского административного права // Советское государство и право. 1962. № 5. С. 27–33; *Корнев А.П.* Кодификация советского административного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1961; *Костенников М.В.* Теоретические проблемы кодификации административного права. М., 2000.

³ *Костенников М.В., Куракин А.В.* К вопросу о кодификации норм административного права России // Государство и право. 2002. № 4. С. 19.

учитывать, что нормы, устанавливающие административную ответственность, изложены как в КоАП РФ, так и в разделе VI Налогового кодекса РФ, статье 74 ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»¹ и др. Такое положение является грубым нарушением требований статьи 1.1 КоАП РФ, в соответствии с которой все нормы, устанавливающие административную ответственность, должны быть включены в данный кодифицированный нормативный правовой акт.

Приоритетными в решении вопроса систематизации ГПОЭБ должны выступить меры, обладающие наибольшим правоограничительным потенциалом. Так, по мнению В.Н. Опарина, целесообразно разработать Федеральный закон «О применении мер непосредственного принуждения должностными лицами правоохранительных органов Российской Федерации»², в котором должны быть объединены нормы, регламентирующие материальные и процессуальные аспекты применения таких мер административного принуждения, как физическая сила, специальные средства, огнестрельное оружие.

При осуществлении кодификации ГПОЭБ следует иметь в виду следующее:

- 1) кодификация ГПОЭБ выступает необходимым инструментом повышения эффективности их применения;
- 2) приоритетным в систематизации ГПОЭБ должна выступать кодификация, что не должно исключать применение инкорпорации, унификации, консолидации;
- 3) систематизацию ГПОЭБ необходимо осуществлять на всех уровнях нормативного правового регулирования (федеральном, региональном, муниципальном, локальном);
- 4) при осуществлении систематизации следует реализовать комплексный подход, учитывая как материальные, так и процессуальные аспекты ГПОЭБ;

---

¹ О Центральном банке Российской Федерации (Банке России): федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 28, ст. 2790.

² См.: *Опарин В.Н.* Правовое регулирование применения мер непосредственного принуждения должностными лицами правоохранительных органов Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 1998. С. 18–19.

5) в ходе осуществления систематизации следует принимать во внимание связь между мерами различных форм ГПОЭБ, что будет способствовать устранению пробелов в данной деятельности;

6) в процессе систематизации необходимо учитывать отраслевую специфику ГПОЭБ¹.

5. Меры ГПОЭБ должны обладать достаточным правоограничительным потенциалом. Именно он позволяет добиться решения соответствующих задач по обеспечению экономической безопасности. В этой связи В.А. Чашниковым было отмечено: «Закрепляя меру государственного принуждения в законодательстве, законодатель прогнозирует тот результат, который может быть достигнут посредством применения соответствующей меры государственно-правового принуждения. В процессе правотворческой деятельности важным является установление необходимой меры (дозы) государственно-принудительного воздействия»².

Интенсивность правоограничительного потенциала ГПОЭБ должна предопределяться общественной опасностью совершенных, совершаемых, потенциально возможных деяний, а также потенциальной опасностью правовых аномалий. При этом следует закрепить такие меры ГПОЭБ, что, с одной стороны, позволяло бы качественно решить соответствующую правоохранительную задачу, а с другой – в минимальной мере ограничивало бы права, свободы и законные интересы субъектов экономических отношений. Другими словами, должны быть максимально качественно определены пределы государственного принуждения, на что нами было ранее обращено внимание. Необходимо обратить госу-

---

¹ См.: Макарейко Н.В. К вопросу о кодификации законодательства, регламентирующего государственное принуждение // Кодификация законодательства: теория, практика, техника: материалы Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 25–26 сентября 2008 г.) / под ред. В.М. Баранова, Д.Г. Краснова. Н. Новгород, 2009. С. 401–411.

² Чашников В.Д. Государственно-правовое принуждение: общетеоретические вопросы: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 197.

дарственное принуждение в обязательный инструмент реализации правовых предписаний в сфере экономики, а не средство неограниченной репрессии¹, то есть предупредить на уровне нормативного правового регулирования трансформацию государственного принуждения в насилие.

Нормативное правовое закрепление мер ГПОЭБ с недостаточным правоограничительным потенциалом будет свидетельствовать о декларативном подходе по обеспечению экономической безопасности, являться антистимулом для субъектов экономических отношений, способствовать снижению уровня защищенности экономических отношений.

Определение пределов (границ) закрепления конкретной меры ГПОЭБ в законодательстве представляет определенную сложность, так как качественная неоднородность экономических отношений, разнообразный характер угроз требует реализации адресного подхода. В этой связи возникает определенное противоречие между унификацией и специализацией мер государственного принуждения, применяемых в целях обеспечения экономической безопасности.

Одним из рациональных путей по решению указанной задачи является использование ресурса правового эксперимента². Предварительная апробация мер ГПОЭБ в локальных условиях позволит выработать и официально закрепить их оптимальный потенциал. Следует реализовать прагматический подход, отказаться от «слепого» усиления правоограничительного потенциала ГПОЭБ, понимая, что такой путь чреват получением обратного результата. Вместе с тем, не должно быть места псевдогуманности, когда отказ от закрепления ГПОЭБ, необоснованная минимализация правоограничительного потенциала обусловлена не объективными критериями, а субъективным усмотрением. Другое дело, что границы ГПОЭБ должны быть динамичными, позволяющими чутко

---

¹ См.: *Яковлев А.* От права силы к силе права // Наше наследие. 1990. № IV. С. 1.

² См.: *Агапов А.Б.* Публичное принуждение или общественная санация... // Административное и муниципальное право. 2013. № 7. С. 743–752; *Володько И.А.* Совершенствование отдельных мер конституционно-правового принуждения // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 9. С. 19–22; и др.

реагировать на происходящие изменения в сфере экономики. В этой связи неэффективные меры должны исключаться, а на их смену приходиться более качественные. Важно учитывать весь комплекс решаемых правоохранительных задач как текущих, так и перспективных. Не лишены оснований предложения по замене наказания в виде лишения свободы за совершение экономических правонарушений на штрафы, обязательные работы, исправительные работы¹.

6. *Законодательство, регламентирующее ГПОЭБ, должно быть стабильным.* Данный фактор относится не только к государственному принуждению, но и регулированию всех общественных отношений. Высокая динамика изменения законодательства приводит к их нестабильности, невозможности осуществить прогнозирование на определенную перспективу, вносит существенный элемент дестабилизации. Важно обеспечить не только стабильность законодательства, регламентирующего ГПОЭБ, но и неизменность позитивного регулирования экономических отношений, что связано с наличием логической взаимосвязи регулятивной и правоохранительной функций права.

Наличие стабильной нормативной правовой базы ГПОЭБ облегчает работу правоприменителей, позволяет наработать определенную практику, наладить взаимодействие с другими субъектами, которые задействованы в обеспечении экономической безопасности.

В настоящее время нормативная база ГПОЭБ отличается меньшей степенью стабильности по сравнению с нормативными актами, регулирующими другие виды государственного принуждения. Такой вывод можно сделать на основании глав 7, 14–15 КоАП РФ, раздела VIII УК РФ, нормы которых регламентируют, соответственно, административную и уголовную ответственность в сфере экономики². Констатируя

---

¹ См.: Мягкая посадка // Российская газета. 2009. 13 августа.

² См.: Макарейко Н.В. Законодательство об административных правонарушениях: состояние и перспективы развития // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 1 (25). С. 305–307.

факт постоянных изменений в законодательство, регулирующих данные виды юридической ответственности, следует признать движение законодателя по пути формирования казуистических составов, что негативным образом сказывается на эффективности их применения, а также позволяет правонарушителям избежать ответственности.

7. К числу правотворческих факторов эффективности ГПОЭБ необходимо отнести *обеспечение взаимодействия между субъектами, осуществляющими правотворческую деятельность по принятию соответствующих нормативных правовых актов*. Следует учитывать значительное число субъектов, обладающих правом законодательной инициативы (ст. 104 Конституции РФ), наиболее часто ими выступают Президент РФ и Правительство РФ, значительно реже – другие субъекты. Показательным здесь является уровень правотворческой активности органов государственной власти субъектов Российской Федерации и минимальное число законодательных инициатив, которые обрели статус федеральных законов¹. Данная тенденция в последнее время не только не преодолена, но и усилена².

Очевидно, что существуют объективные предпосылки для такого положения, но нельзя сбрасывать со счетов и игнорирование федеральным законодателем инициатив региональных коллег. Выходом из данной ситуации могло стать законодательное обеспечение соответствующего взаимодействия. В этой связи Ю.В. Агибаловым предложено принять ФКЗ «О Федеральном Собрании – Парламенте Российской Федерации», ФЗ «О порядке принятия федеральных конституционных и федеральных законов». В данных законах предлагается закрепить на законодательном уровне механизм принятия федеральных конституционных и федеральных

---

¹ См.: Доклад Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 2005 года «О состоянии законодательства в Российской Федерации». М., 2006. С. 250–251.

² См.: Российское законодательство: 20 лет развития в русле новой Конституции Российской Федерации / отв. ред. А.А. Клишас, В.Н. Плигин. М., 2013.

законов, что позволит обеспечить качественное взаимодействие между различными субъектами правотворческой деятельности¹.

На данную проблему в разрезе законодательства об административных правонарушениях обратила внимание С.Н. Махина, по мнению которой при осуществлении нормативного правового закрепления мер административного принуждения наиболее часто возникают и требуют своего разрешения следующие проблемы: 1) в КоАП РФ недостаточно точно определена компетенция субъектов правотворчества в сфере законодательства об административных правонарушениях²; 2) на федеральном уровне вообще отсутствуют акты, определяющие, какие виды мер административного принуждения могут устанавливаться и соответственно применяться региональными органами исполнительной власти³; 3) сложности в реализации статей Конституции РФ, определяющей вопросы ведения Российской Федерации и совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов; 4) заслуживают пристального внимания региональные особенности правопорядка и правосознания населения, которые нельзя не учитывать при формировании региональных административно-юрисдикционных систем права и законодательства⁴.

---

¹ См.: *Агибалов Ю.В.* Механизм взаимодействия федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации в законодательном процессе: практика и пути совершенствования // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». Воронеж, 2006. № 1 (1). С. 87.

² Данная проблема в определенной мере разрешена путем принятия ст. 1.3.1 КоАП РФ. См.: О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 28 декабря 2009 г. № 380-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2010. № 1, ст. 1.

³ Исключением являются административные наказания (ч. 3 ст. 3.2 КоАП РФ).

⁴ См.: *Махина С.Н.* Особенности дальнейшего развития институтов административного принуждения и административной процессуальной деятельности в Российской Федерации с учетом принципов административной децентрализации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». Воронеж, 2007. № 2 (3). С. 148.

Признавая наличие названных проблем и необходимость их скорейшего разрешения, следует отметить потребность вовлечения в данную деятельность институтов гражданского общества, в том числе путем проведения общественных экспертиз и других форм. Принимая во внимание специфику отношений в сфере экономики, следует реализовать потребность в обязательном проведении парламентских слушаний с участием экономистов, юристов, других специалистов, которые обладают необходимыми познаниями в данной сфере и могут дать предложения по наиболее эффективному закреплению ГПОЭБ. При этом важно, чтобы взаимодействие было организовано между субъектами правотворчества и правоприменения, что будет свидетельствовать об отзывном характере государственной власти в целом.

Следует преодолеть ведомственный изоляционизм при решении такой многосложной задачи, как обеспечение экономической безопасности. Следует поддержать в этой связи позицию А.А. Фомина: «Сегодня необходимо усовершенствование и принятие не только общего закона «О безопасности», но и соответствующих законов по всем сферам (например, «Об экологической безопасности», «О продовольственной безопасности», «Об экономической безопасности» и т. д.), конечно, при учете общих требований (то есть возможность правового опосредования таких отношений, необходимость и целесообразность, возможность государственного контроля и принуждения и т. д.). Без таких законов едва ли возможно добиться необходимой целостности, непротиворечивости и беспробельности правового регулирования сферы безопасности»¹.

Мы считаем, что следует принять Федеральный закон «Об экономической безопасности», так как регулирование такой многоважной проблемы, как обеспечение экономической безопасности должно быть осуществлено на законодательном уровне. При этом следует иметь в виду, что в данном норматив-

---

¹ Фомин А.А. Юридическая безопасность субъектов российского права: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2008. С. 25–26.

ном правовом акте не представляется возможным закрепить ГПОЭБ, а исключительно определить концепцию их установления и применения.

Благодаря значимости доктринальных и правотворческих факторов эффективность ГПОЭБ оказывает существенное влияние на *правоприменение*. Такой вывод обусловлен тем, что в правоприменительной деятельности происходит реализация потенциала ГПОЭБ в субъектах экономических отношений. Не случайно известный специалист, который пристально занимался проблемами применения права, В.В. Лазарев отмечает, что в настоящее время акцент следует перенести в сферу правоприменения¹.

Самая качественная теория, получившая свое воплощение в нормативных правовых актах, ничего не будет стоить, если не реализовать ее в деятельности правоприменителей.

Д.А. Керимовым была точно подмечена органическая связь нормативных правовых актов и их реализации: «Любой закон и подзаконный акт живут и действуют лишь тогда, когда они соблюдаются, исполняются и применяются. Недостаточно создать хороший, целесообразный, совершенный правовой акт; необходимо, помимо этого, чтобы он правильно, единообразно и наиболее целесообразно использовался в жизни. Отсюда вытекает необходимость научной разработки комплекса проблем реализации законодательств на основе законности»².

Данная позиция получила свою поддержку в литературе. «Можно создать абсолютно безупречный закон с формально-юридической точки зрения, но он при этом будет нежизнеспособен. С другой стороны, существует масса примеров не

---

¹ См.: Лазарев В.В., Левченко И.П. Правоприменительная деятельность органов внутренних дел: учебное пособие. М., 1989; Лазарев В.В. Эффективность правоприменительных актов (вопросы теории). Казань, 1975; Лазарев В.В., Попов Л.Л., Розин Л.М. Правовые основы обеспечения общественного порядка: учебное пособие. М., 1987.

² Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М., 2000. С. 491.

вполне идеальных законов, которые тем не менее прекрасно реализуются на практике»¹. М.Х. Хутыз и П.Н. Сергейко при рассмотрении проблемы эффективности функционирования права приходят к выводу, что «правовые нормы эффективны только тогда, когда практика их реализации дает положительные результаты, способствует достижению поставленных целей»².

Отрадным является тот факт, что на необходимость обеспечения эффективности деятельности по обеспечению безопасности непосредственно определено в п. 45 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, где указывается, что «обеспечение государственной и общественной безопасности осуществляется путем повышения *эффективности деятельности* (курсив наш. – Н.М.) правоохранительных органов и специальных служб, органов государственного контроля (надзора), совершенствования единой государственной системы профилактики преступности, в первую очередь среди несовершеннолетних, и иных правонарушений (включая мониторинг и оценку *эффективности правоприменительной практики* (курсив наш. – Н.М.), разработки и использования специальных мер, направленных на снижение уровня криминализации общественных отношений»³.

На значимость правоприменительных факторов в повышении эффективности ГПОЭБ обращается внимание экспертного сообщества⁴. В этой связи можно констатировать, что наблюдается единство в суждениях ученых, субъектов правотворчества, экспертного сообщества (как правило, правоохрани-

---

¹ Бахвалов С.В. Критерии и параметры эффективности законодательной практики // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества: сборник научных трудов / отв. ред. В.Н. Карташов. Ярославль, 2009. Вып. 9. С. 35.

² Хутыз М.Х., Сергейко П.Н. Энциклопедия права. М., 1995. С. 36.

³ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1, ч. II, ст. 212.

⁴ См.: Макарейко Н.В. Государственное принуждение в механизме обеспечения экономической безопасности: теоретические и прикладные проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2016. Приложение 2. С. 722–728.

менителей) в оценке роли правоприменительных факторов эффективности ГПОЭБ. Объяснение такого положения вполне очевидно и связано с тем, что доктрина государственного принуждения, в которой определена их идеальная модель, закрепляется в соответствующих нормативных правовых актах и реализуется путем принудительного (правоограничительного) воздействия на участников соответствующих экономических отношений.

В целях проникновения в сущность правоприменительной составляющей эффективности ГПОЭБ мы остановимся на характеристике соответствующих факторов.

1. В качестве первоначального фактора эффективности ГПОЭБ следует отнести *качество избранной меры государственного принуждения, подлежащей применению в конкретной ситуации*. Речь идет об оптимальной привязке конкретной меры государственного принуждения фактическому основанию ее применения. Сложность выбора конкретной меры государственного принуждения обусловлена их широким арсеналом. На данную проблему обращается внимание в литературе. «Сложность состоит в том, чтобы обеспечить тот реально необходимый минимум государственного принудительного воздействия как в сфере частного, так и публичного права, который бы обеспечил надлежащую степень урегулированности общественных отношений в государстве»¹.

Конструирование мер ГПОЭБ чаще всего позволяет осуществить соответствующий выбор в рамках правоприменительного усмотрения. А. Барак в этой связи отмечено: «Усмотрение, осуществляемое в силу права, никогда не абсолютно»².

Проблема усмотрения заключается как в выборе вида государственного принуждения, так и ее конкретной меры, то есть интенсивности государственно-принудительного воздействия. Очевидно, что и личная ответственность правоприменителя

---

¹ Плетников В.С., Чашиников В.А. Государственно-правовое принуждение: общетеоретические вопросы: монография. Екатеринбург, 2008. С. 130.

² Барак А. Судейское усмотрение. М., 1999. С. 28.

в условиях правоприменительного усмотрения будет более существенной, так как ему необходимо соответствующим образом аргументировать сделанный выбор как с позиции законности, так и целесообразности. Данная задача в определенной мере упрощается в силу того, что в законодательстве определяется механизм применения отдельных мер государственного принуждения¹. Вместе с тем, выбор конкретной меры государственного принуждения всегда индивидуален и должен быть соответствующим образом обоснован.

Обострение проблемы выбора конкретной меры ГПОЭБ возникает, когда речь идет о потребности одновременного применения мер, отнесенных к различным видам государственного принуждения. Например, привлечения к административной ответственности, то есть реализации норм глав 7, 14–16 КоАП РФ требует применения мер административно-процессуального обеспечения (гл. 27 КоАП РФ).

Было бы ошибочным ограничивать применение мер процессуального обеспечения исключительно привлечением к юридической ответственности. Такая связь очевидна и при реализации мер защиты, а также других видов государственного принуждения в ходе обеспечения экономической безопасности. В этой связи следует говорить о реализации комплексного подхода, что позволит достигнуть различных (первичных и перспективных) целей правоохраны в экономической сфере.

2. При реализации ГПОЭБ важное значение имеет фактор *оперативности*. Его учет предполагает минимизацию сроков с момента возникновения (обнаружения) соответствующего фактического основания применения и до реализации конкретной меры ГПОЭБ.

При этом следует принимать во внимание, что фактор времени не одинаково проявляется в отношении мер различных форм ГПОЭБ. В отношении мер предупреждения и пресечения он не только влияет на эффективность применения

---

¹ Например, порядок назначения наказаний определен статьями 60–74 УК РФ.

соответствующих мер, но и выступает в качестве «жесткого» индикатора законности. Приходится констатировать, что многие защитные меры, а по своей сути – это меры предупреждения в связи с введением санкционных мер в отношении российских юридических и физических лиц, которые применяются с опозданием, что в значительной степени снижает их эффективность¹.

Значимость оперативности применения ГПОЭБ возрастает в силу того, что экономические отношения отличаются высокой степенью динамики. Промедление в применении соответствующих мер государственного принуждения может запустить мощные разрушительные процессы, которые принесут значительный ущерб охраняемым отношениям. При этом данная закономерность актуальна как в отношении правонарушений, так и аномалий с правовым содержанием. Лесные пожары, которые традиционно возникают весной и летом на территории Сибири, Забайкалья, наводнения требуют оперативного и безотлагательного применения соответствующих мер ГПОЭБ, так как от этого зависит не только сохранность материальных ценностей, но и охрана жизни и здоровья граждан.

Признавая значимость фактора оперативности, нельзя его противопоставлять процессуальным требованиям применения ГПОЭБ. В ряде случаев игнорирование процессуаль-

---

¹ См.: О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 6 августа 2014 г. № 560 // Собрание законодательства РФ. 2014. № 32, ст. 4470; Об отдельных специальных экономических мерах, применяемых в целях обеспечения безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 29 июля 2015 г. № 391 // Собрание законодательства РФ. 2015. № 31, ст. 4669; Об утверждении Правил уничтожения сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, включенных в перечень сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, страной происхождения которых являются Соединенные Штаты Америки, страны Европейского союза, Канада, Австралия, Королевство Норвегия, Украина, Республика Албания, Черногория, Республика Исландия и Княжество Лихтенштейн и которые до 5 августа 2016 г. (включительно) запрещены к ввозу в Российскую Федерацию: постановление Правительства РФ от 31 июля 2015 № 774 // Собрание законодательства РФ. 2015. № 31, ст. 4702; и др.

ного порядка влечет за собой признание применения мер государственного принуждения незаконным, а правоприменители подлежат юридической ответственности. В этой связи следует неукоснительно соблюдать требования действующего законодательства. Законодатель в ряде ситуаций предполагает возможность исключения юридической ответственности и освобождение от привлечения к юридической ответственности, например, в состоянии крайней необходимости (ст. 2.7 КоАП РФ, ст. 39 УК РФ).

3. К числу факторов эффективности ГПОЭБ относится *реальность* их реализации. Речь должна идти о конкретном применении потенциала конкретной меры государственного принуждения в отдельно взятой правоохранительной ситуации. При этом следует принимать во внимание, что могут возникнуть условия, когда потребность в применении государственного принуждения в целях обеспечения экономической безопасности будет исключена. Такое возможно в случае исключения угрозы экономической безопасности. В то же время отказ от реального применения ГПОЭБ является очевидным антистимулом и негативно сказывается на защищенности экономических отношений. При этом следует принимать во внимание, что неприменение мер государственного принуждения разрушительно сказывается на правовом сознании субъектов, разрушает их уважение к праву.

Реальность применения мер государственного принуждения тесным образом связана с исполнительской дисциплиной, на чем акцентировали внимание Н.П. Парыгин и В.В. Головки при рассмотрении особенностей отправления производства по делам об административных правонарушениях: «Для достижения цели административного наказания – предупреждения совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами – недостаточно лишь выносить решения о наложении административных наказаний, необходимо их неукоснительно и строго выполнять. По тому, как реализуются эти постановления, судят об эффективности правоприменительной системы в целом. *Неисполнение или ненадлежащее*

исполнение (курсив наш. – Н.М.) постановлений о назначении административных наказаний делает бессмысленным их вынесение юрисдикционными органами, приводит к правовой незащищенности участников административно-деликтных правоотношений и охраняемых законом общественных отношений»¹.

Применение ГПОЭБ носит творческий характер, и существует потребность в разрушении имеющихся стереотипов, необходимости поиска и реализации новых, нетрадиционных путей, но при этом в обязательном порядке основанных на действующем законодательстве. В настоящее время не разрешена проблема обуздания алчности ряда субъектов экономической деятельности, прежде всего работающих в финансовой сфере, и переложения своих обязанностей на Федеральную службу судебных приставов России (ФССП). В таких условиях существует потребность в расширении полномочий сотрудников данной службы, на что обращает внимание А. Дымовская и предлагает «не сокращать полномочия судебных приставов, а напротив, еще больше их расширить. Чтобы ФССП России привлекала к ответственности тех самых банкиров. Хочешь получить долг – будь обязан трудоустроить своего должника»².

Реальность, а не фиктивность применения ГПОЭБ является наглядным свидетельствованием ответственной государственной политики по защите экономических отношений. Важным при этом является не сам факт применения конкретной меры ГПОЭБ, а реальное претерпевание принуждаемым лишений в результате ее применения.

4. Эффективность правореализации в целом и реализации ГПОЭБ в частности предопределяется *профессионализмом и компетентностью правоприменителей*. При анализе эффективности норм административно-деликтного права О.С. Рогачева отмечает: «Профессионализм – это не что иное, как мера, степень и качество деятельности человека в определенной,

---

¹ Парыгин Н.П., Головкин В.В. Исполнение административных наказаний: учебное пособие. М., 2006. С. 6–7.

² Дымовская А. Банковская тайна произвола // Российская газета. 2009. 17 августа.

строго ограниченной сфере деятельности. Наивысшие черты профессионализма – это постоянство, неизменность, стабильность результатов, устойчивость, рациональность, продуманность, ритмичность в работе»¹.

Профессионализм и компетентность субъектов применения ГПОЭБ не только повышает эффективность их применения, но и минимизирует юридические ошибки, то есть самым непосредственным образом сказывается на состоянии законности и дисциплины. Следует принимать во внимание необходимость специализации правоприменителей, обеспечивающих экономическую безопасность. Наиболее актуален данный вопрос в отношении субъектов, которые применяют наиболее репрессивные меры ГПОЭБ, прежде всего профессионализм судей. На данную проблему обращено внимание члена Общественной палаты России А. Кучереной: «Вряд ли кто-нибудь станет спорить, что судья, рассматривающий дела по так называемым экономическим преступлениям, должен блестяще разбираться в том, как функционирует финансовая система, а эта материя по своей сложности не уступает математическому анализу и теоретической физике»².

Профессионалами в области как права, так и экономики должны быть все субъекты, которые «встроены» в процесс применения ГПОЭБ. В этой связи важно использование потенциала специалистов и экспертов, которые обладают специальными познаниями в соответствующих отраслях права и областях экономической деятельности.

Отрадным является тот факт, что особое внимание уделяется профессионализму государственных служащих. Видный специалист в данной области Ю.Н. Стариков пишет: «Профессионализм государственного служащего призван обеспечивать стабильность государственной службы, качественное выполнение функций, постоянную его готовность к сложным заданиям,

---

¹ *Рогачева О.С.* Эффективность норм административно-деликтного права: монография. Воронеж, 2011. С. 286.

² *Кучерена А.* Независимый еще не значит компетентный // *Коммерсантъ Власть.* 2009. 24 августа. С. 30.

возможность улучшения своих профессиональных качеств и т. п. Во-вторых, государственный служащий должен быть компетентным сотрудником, то есть качественно осуществлять свои полномочия»¹.

В рамках административной реформы уделено внимание нормативному правовому обеспечению профессиональной подготовки и повышению квалификации государственных служащих². Реализация данных нормативных правовых актов направлена на эффективность государственного управления в целом, в том числе и решение актуальных правоохранительных задач. Наряду с этим следует учитывать специфику той сферы, области деятельности, где осуществляется правоохрана. Применительно к обеспечению экономической безопасности следует обеспечить необходимым объемом знаний в области экономической безопасности, но и наряду с этим им должны быть присущи высокие нравственные качества: ответственность, долг и др. На духовно-нравственную составляющую профессиональной подготовки государственных служащих обратил внимание Е.Г. Крылов: «Нравственность на государственной службе становится понятием государственного масштаба, так как государственная служба – это своего рода индикатор государства»³.

Важную роль в нравственном становлении сотрудников, применяющих ГПОЭБ, должна сыграть соответствующая моральная подготовка. Отрядным является тот факт, что формируется массив соответствующих нормативных правовых актов,

---

¹ *Стариков Ю.Н.* Административное право: в 2 ч. Ч. 2. Воронеж, 2001. С. 419.

² О дополнительном профессиональном образовании государственных гражданских служащих Российской Федерации: указ Президента РФ от 28 декабря 2006 г. // Собрание законодательства РФ. 2007. № 1, ст. 203; Федеральная программа «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009–2013 годы): утв. Указом Президента РФ от 10 марта 2009 г. № 261 // Российская газета. 2009. 13 марта; Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления: указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 601 // Российская газета. 2012. 9 мая.

³ *Крылова Е.Г.* Принцип разделения властей в организации государственной службы // Государство и право. 2007. № 11. С. 18.

способствующих формированию нравственного облика субъектов, которые задействованы в обеспечении экономической безопасности как на международном, так и общегосударственном и других уровнях¹.

Принципиальная важность профессионализма связана с формированием и трансформацией соответствующих правоохранительных органов. Данная посылка в полной мере относится к органам внутренних дел (полиции). Профессором Ю.Е. Аврутиным в этой связи было отмечено: «...общая целевая ориентация процесса развития и совершенствования деятельности органов внутренних дел, повышение ее эффективности заключается в превращении функционирования органов внутренних дел в социально одобряемую, осуществляемую в соответствии с нормами права, морали и нравственности деятельность, обеспечивающую надежную защиту личности, общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств»².

Грубым заблуждением является сведение профессионализма субъектов исключительно к наличию знаний, навыков и умений. Профессионализм требует готовности в случае необходимости применить ГПОЭБ. Подобная готовность заключается в глубокой убежденности в значимости и востребованности такой деятельности, ее полезности, осознании и готовности нести ответственность за ее результат. Существует потребность в реализации соответствующих специальных мероприятий по формированию стрессоустойчивости, способности оперативного реагирования на возникновение различных, в том числе непредвиденных ситуаций в ходе обеспечения экономической безопасности.

---

¹ См.: Рекомендации Комитета министров Совета Европы «О кодексах поведения для государственных служащих» от 11 мая 2000 г. Приложение «Модельный кодекс поведения для государственных служащих» // Совет Европы и Россия. 2000. № 2; Кодекс судейской этики: утв. Всероссийским съездом судей 2 декабря 2004 г. // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2005. № 2; Кодекс профессиональной этики адвоката: принят Первым Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г. // Российская юстиция. 2003. № 10. С. 69–76.

² Аврутин Ю.Е. Эффективность деятельности органов внутренних дел: опыт системного исследования. СПб., 1998. С. 293.

5. Эффективность ГПОЭБ во многом обусловлена *взаимодействием между субъектами, обеспечивающими экономическую безопасность*. Сложность решения задачи по обеспечению экономической безопасности безотносительно к уровню (национальном, региональном, муниципальном, локальном, индивидуальном) требует организации и осуществления взаимодействия значительного числа субъектов¹. Такое положение предопределено действующим законодательством, которым закреплен алгоритм применения соответствующих мер ГПОЭБ.

На востребованность взаимодействия в ходе обеспечения экономической безопасности указывает С.Н. Максимов в своем диссертационном исследовании: «Необходимо отметить, что взаимодействие – явление не субъективного порядка, исходящее исключительно из желания взаимодействующих сторон, а объективно необходимое условие, без которого не могут и не должны решаться вопросы реализации противодействия экономическим преступлениям и правонарушениям. Взаимодействие представляет собой сотрудничество, базирующееся на общности цели и находящее свое выражение в организации и использовании наиболее рациональных форм сочетания сил, средств и методов компетентных субъектов»².

Взаимодействие в ходе реализации мер ГПОЭБ направлено на эффективное решение соответствующей правоохранительной задачи, и это требует осуществления слаженной работы различных субъектов. В условиях функционирования многоукладной экономики, наличия самого широкого спектра угроз реализация ГПОЭБ, и особенно ее эффективность, требует отлаженной работы широкого круга субъектов правоприменения. В этой связи необходима консолидация коллективных усилий,

---

¹ См.: Быстрова Ю.В. Концептуальные основы взаимодействия субъектов в обеспечении экономической безопасности государства // Юридический мир. 2011. № 6. С. 15.

² Максимов С.Н. Административно-правовое обеспечение экономической безопасности в Российской Федерации: концептуальные и методические аспекты: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 207.

особенно когда речь идет об угрозе и совершении экономических преступлений.

Заслуживает внимания и учета положительный опыт правоохранительных органов Республики Татарстан. При рассмотрении сложных уголовных дел по экономическим преступлениям в Верховном суде Республики Татарстан по распоряжению прокурора республики создаются соответствующие группы обвинителей, куда входят сотрудники уголовно-судебного управления, отделов по надзору за следствием аппарата прокуратуры республики, оперативных сотрудников органов внутренних дел¹.

При обеспечении экономической безопасности существует широкое поле для организации взаимодействия. В этой связи необходимо определить наиболее важные направления и сконцентрировать на них свои усилия. Ю.В. Быстрова считает, что таковыми должны быть: «1) разработка правовых основ совместной деятельности по обеспечению экономической безопасности; 2) проведение совместных мероприятий, в том числе оперативно-профилактических и иных операций по раскрытию и расследованию фактов преступлений в сфере экономической деятельности; 3) информационное, аналитическое и научное обеспечение совместной деятельности по обеспечению экономической безопасности; 4) подготовка кадров, в том числе повышение их квалификации; 5) предупреждение экономических преступлений»².

Если учитывать роль информации в сфере экономики, развитие цифровой экономики, то обмен информацией должен выступать в качестве одного из перспективных направлений взаимодействия. Я.В. Янушевич указывает на значимость организации обмена информацией как на внутригосударственном, так и межгосударственном уровнях. «Для эффективной реализации поставленных задач по противодействию легализации

---

¹ См.: *Аббасов А., Гусев В.* Взаимодействие государственного обвинителя с органами предварительного расследования // *Законность.* 2009. № 9. С. 21.

² *Быстрова Ю.В.* Концептуальные основы взаимодействия субъектов в обеспечении экономической безопасности государства // *Юридический мир.* 2011. № 6. С. 16.

преступно полученных средств и финансированию терроризма огромное значение имеет уровень и качество информационного обмена как внутри страны, так и между странами»¹.

Значимость взаимодействия имеет место на всех стадиях применения ГПОЭБ. Так, А. Ягузинским отмечена потребность во взаимодействии в рамках исполнительного производства. Сложность разрешения этой задачи заключается в том, что в данное взаимодействие должны быть вовлечены субъекты, которые относятся к различным ведомствам: судьи, органы внутренних дел, таможенные органы, налоговые органы, службы судебных приставов и др.)².

Было бы ошибочным ограничивать взаимодействие исключительно информационным обменом, при всей перспективности данной формы. Следует расширить возможные формы взаимодействия, применять наиболее востребованные и результативные. Полагаем, что необходимо расширить практику совместного обучения, планирования, проведения совместных мероприятий по обеспечению экономической безопасности, разработки проектов нормативных актов по вопросам обеспечения экономической безопасности, разработку методических материалов. Отрадным является тот факт, что по данным вопросам принимаются соответствующие нормативные правовые акты³

---

¹ Янушевич Я.В. Общие принципы взаимодействия подразделений финансовой разведки и правоохранительных органов Украины. Повышение уровня противодействия легализации преступных доходов // Пути повышения эффективности взаимодействия подразделений Министерства внутренних дел РФ с другими государственными органами в области противодействия легализации преступных доходов (стратегический и правовой аспекты): сборник статей / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2005. С. 78.

² См.: Ягузинский А. Взаимодействие между органами, осуществляющими взыскание по исполнительным договорам // Российская юстиция. 2000. № 5. С. 22–23.

³ Об утверждении порядка взаимодействия органов внутренних дел и налоговых органов по предупреждению, выявлению и пресечению налоговых правонарушений и преступлений: приказ МВД России № 495, ФНС России № ММ-7-2-347 от 30 июня 2009 г. // Российская газета. 2009. 16 сентября.

и разработаны соответствующие показатели оценки организации взаимодействия¹. Признавая значение нормативного правового регулирования взаимодействия, необходимо идти по пути поиска и реализации наиболее перспективных форм и методов деятельности².

6. Для организации и отправления эффективного применения ГПОЭБ важное значение играют *качественные интерпретационные акты*. Сложность государственного принуждения, специфика экономической сферы как объекта правоохраны требуют глубинного понимания воли субъекта правотворчества, что решается посредством толкования. В этой связи дорога цена ошибок, допускаемых интерпретаторами. Такой результат может привести к принуждению ненадлежащего субъекта (наказанию невиновного), освобождению от ответственности преступника, неисполнению условий договора³.

Важно, чтобы акты толкования были эффективны, то есть оптимально и с минимальными издержками позволяли решать интерпретационные задачи⁴. При этом наибольший акцент следует сделать на акты официального толкования, так как на них вправе ссылаться субъект правоприменения в ходе реализации конкретной ГПОЭБ. Данная посылка имеет

---

¹ См.: Аналитические показатели оценки уровня взаимодействия таможенных и налоговых органов по результатам проведенных в отчетном периоде скоординированных контрольных мероприятий: письмо ФТС России № 01-11/18157, ФНС России № ММВ-20-2/25@ от 18 апреля 2016 г. Документ опубликован не был.

² См.: *Михин А.В.* Взаимодействие органов внутренних дел с Федеральной службой судебных приставов: теоретический и практический аспект // Вопросы гражданского права в деятельности правоохранительных органов: материалы 3-й Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 31 марта 2014 г.): сборник статей / под ред. Н.Н. Ершова, М.В. Карпычева. Н. Новгород, 2014. С. 62–67.

³ См.: *Толстик В.А., Дворников Н., Каргин К.В.* Системное толкование норм права. М., 2010. С. 3.

⁴ См.: *Скрябин А.Л.* Основные экономические и социальные факторы обеспечения актов официального юридического толкования // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества: сборник научных трудов / отв. ред. В.Н. Карташов. Ярославль, 2009. Вып. 9. С. 75–89.

существенное значение в отношении постановлений пленумов Верховного суда РФ, Высшего арбитражного суда РФ¹.

Отмечая роль и значение актов официального толкования в ходе применения ГПОЭБ, нельзя сбрасывать со счетов временной фактор. Действующее законодательство, в том числе регламентирующее государственное принуждение, отличается высокой динамикой, на что мы неоднократно делали ссылку, что приводит к значительному «запаздыванию» интерпретационных актов. Данное обстоятельство необходимо принимать во внимание при осуществлении применения соответствующих мер государственного принуждения.

7. К числу существенных факторов эффективности ГПОЭБ следует отнести их *законность и справедливость*. На значимости названного фактора акцентировалось внимание экспертного сообщества. Так, по мнению С.Н. Махиной и И.С. Завьяловой, существует непосредственная связь между эффективностью и отправлением управленческой деятельности, так как «законность охватывает различную управленческую деятельность и является объективным условием *эффективности* (курсив наш. – Н.М.) управления»².

Д.Н. Бахрах акцентировал внимание как на правотворческом, так и правореализационном аспектах законности и в этой связи отмечает, что «законность – это, прежде всего, наличие достаточного количества норм высокого качества, а затем их строгое соблюдение всеми субъектами права»³. Очевидно, что для высокого уровня законности важную роль играет наличие

---

¹ Несмотря на структурную реорганизацию судебной системы, упразднение Высшего арбитражного суда РФ, его интерпретационные акты не утратили силу и должны учитываться в ходе обеспечения экономической безопасности.

² Махина С.Н., Завьялова И.С. Режим законности в государственном администрировании и способы его обеспечения // Правовая наука и реформа юридического образования: сборник научных трудов / под ред. Ю.Н. Старилова. Воронеж, 2007. Вып. 21: «Правовой нигилизм» и «чувство законности» в России: соотношение, значение и формы. С. 135.

³ Бахрах Д.Н. Административное право: учебник для вузов. М., 2002. С. 601.

четкой иерархии¹ источников закрепления ГПОЭБ и последовательная деятельность правоприменителя.

Значимость законности в применении ГПОЭБ относится ко всем его формам без исключения. Другое дело, что для мер предупреждения и пресечения обеспечение законности представляет более серьезную проблему по сравнению с юридической ответственностью и мерами процессуального обеспечения. Истоки такого положения вполне объяснимы. Они связаны с качеством нормативного правового регулирования ГПОЭБ, а также процессуальных аспектов их применения. При этом следует учитывать парадоксальную ситуацию, когда качество государственного принуждения не всегда зависит от интенсивности правоограничительного воздействия, что усложняет обеспечение законности.

Еще сложнее дело обстоит с разрешением проблемы обеспечения справедливости установления и реализации ГПОЭБ, что требует установления соразмерности между их фактическими основаниями применения и правоограничительным потенциалом данных мер. Следует разделить позицию И.В. Чечельницкого, который при рассмотрении вопроса о справедливости в праве отмечает связь легитимности и справедливости права: «Анализ исторического развития представлений о справедливости свидетельствует о том, что они во все времена были и по-прежнему остаются основой легитимности государственно-правовых систем, морально обоснованным оправданием их существования и функционирования. В условиях переходного этапа развития российского общества утверждение идеалов справедливости в нравственном сознании, социальном устройстве, законодательстве, правотворчестве имеет ключевое значение для обеспечения устойчивого развития Российской Федерации, защиты ее национальных интересов и достижения благополучия»².

---

¹ Об иерархии источников права см.: *Толстик В.А.* Иерархия источников российского права: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002.

² *Чечельницкий И.В.* Справедливость в правотворчестве: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 10.

Важно, чтобы в глазах общественности, в том числе принуждаемых, реализуемые меры ГПОЭБ воспринимались как законные и справедливые, то есть получили соответствующую поддержку.

8. Рассматривая факторы правоприменительных факторов эффективности ГПОЭБ, следует учитывать *уровень коррупции*. На аналогичный фактор нами обращалось внимание при рассмотрении правотворческой составляющей эффективности, но для правоприменения он приобретает еще большую значимость и остроту. Разрушительный потенциал данного явления столь велик, что, по мнению еврокомиссара по внутренним делам С. Мальмстрем, оно «обходится» для бюджета Европейского союза в 120 млрд евро в год. Приоритетными для данных деяний являются области государственных заказов и закупок. Наряду с этим отмечается неэффективность отправления государственного контроля¹.

Обозначенная проблема носит особую остроту в России, где, по мнению экспертов, данный рынок оценивается в 300 млрд долларов в год². Наряду с этим отмечается устойчивый характер коррупции в России, ее трансформация с четкой сетевой формой организации³. При этом происходит сращивание коррупционной и экономической преступности. Необходимо отметить, что в последние годы наблюдалось привлечение к уголовной ответственности высокопоставленных государственных служащих: бывшего губернатора Сахалинской области А. Хорошавина, главы Республики Коми В. Гайзера, экс-главы Брянской области Н. Денина, бывшего губернатора

---

¹ См.: *Зубов Н.* Европа подсчитала заносы // Коммерсантъ власть. 2014. № 5 (1060). 10 февраля.

² См.: *Александрова Л.И.* Противодействие коррупции как необходимый фактор обеспечения транспортной безопасности // Антикоррупционные стандарты Организации экономического сотрудничества и развития и их реализация в Российской Федерации: монография / Т.Я. Хабриева [и др.]; под ред. Т.Я. Хабриевой, А.В. Федорова. М., 2015. С. 153.

³ См.: *Власенко Н.А., Грачева С.А., Рафалюк Е.Е.* Правовые основы противодействия коррупции: учебное пособие / отв. ред. Н.А. Власенко. М., 2013. С. 14.

Кировской области Н. Белых, бывшего главы «Дальспецстроя» Ю. Хризмана и др.¹

В литературе обоснованно акцентируется внимание на связи коррупции и качества государственности: «Коррупция наносит удар по конституционной модели государства, подрывая его политические и социально-экономические устои, гарантии прав и свобод человека. ...Бурный рост законодательства и его обновление не сопровождаются адекватным объемом правоприменения, и люди привыкают к нарушениям законности, в том числе и коррупции»².

В настоящее время существует потребность в применении действенных мер по противодействию коррупции. В этой связи, по мнению С.В. Гостевой, необходимо учесть отечественную специфику:

- кадровую составляющую коррупции, которая обусловлена значительным числом чиновников;
- наличие значительного сегмента теневой экономики, которая выступает финансовым источником коррупции;
- терпимость и снисходительное отношение населения к коррупции;
- существование и возрастание разрыва в благосостоянии богатейших и беднейших слоев населения;
- неаргументированный кадровый обмен между государственными и коммерческими организациями (эффект «вращающейся двери» и др.)³.

Организуя противодействие коррупции, в том числе и в ходе реализации ГПОЭБ, необходимо вовлечь наряду с органами государственной власти и других субъектов. На данную проблему обратил внимание О.А. Плохой: «Вместе с тем, в

---

¹ См.: Если украл – верни или сядь! // Аргументы и факты. 2015. 9–15 декабря. С. 10–11.

² Участие институтов гражданского общества в борьбе с коррупцией: научно-практическое пособие / Т.А. Едкова [и др.]; отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М., 2013. С. 11.

³ См.: Гостева С.Р. Противодействие коррупции – важнейшее условие укрепления национальной безопасности России // Юридический мир. 2011. № 1. С. 12–20.

противодействию такому многоликому явлению, как коррупция, нельзя рассчитывать только на меры, принимаемые государством. Именно поэтому взаимодействие государства и бизнеса воспринимается в качестве перспективного и приоритетного направления развития государственной антикоррупционной политики. Значимость мер по противодействию коррупции в бизнес-сообществе и на внутрикорпоративном уровне давно осознается и нашими, и зарубежными коллегами»¹.

9. Следует учитывать правовую связь между принуждаемыми и принуждающими, в связи с чем возникает необходимость обеспечения справедливости данного вида деятельности, возрастает значение *защиты и гарантированности прав и законных интересов принуждаемых (субъектов, в отношении которых применяются ГПОЭБ)*. Не случайно, что в литературе акцентируется внимание на необходимости создания условий, которые позволяют обеспечить соблюдение и защиту прав принуждаемых².

Отрадным является тот факт, что к приоритетным принципам деятельности полиции отнесено «соблюдение и уважение прав и свобод человека и гражданина»³. В пункте 2 части 4 статьи 5 ФЗ «О полиции» определено, что при обращении к гражданину сотрудник полиции обязан «в случае применения к гражданину мер, ограничивающих его права и свободы, разъяснить ему причину и основания применения таких мер, а также возникающие в связи с этим права и обязанности гражданина».

Говоря о данном факторе, нельзя сбрасывать со счетов, что наряду с принуждаемыми нужно создать, а главное реализовать механизм защиты прав и свобод других субъектов, которые имеют сопричастность к рассматриваемой деятельности.

---

¹ Плохой О.А. Основные направления государственной политики Российской Федерации в сфере противодействия коррупции // Современные стандарты и технологии противодействия коррупции: материалы Третьего Евразийского антикоррупционного форума (Москва, 24–25 апреля 2014 г.) / отв. ред. Т.Я. Хабриева. М., 2015. С. 46.

²См.: Плетников В.С., Чашиников В.А. Государственно-правовое принуждение: общетеоретические вопросы: монография. Екатеринбург, 2008. С. 116.

³ О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3 (ст. 5) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7, ст. 900.

Речь идет о свидетелях, потерпевших и других субъектах. Л.И. Малахов в этой связи отмечает, что «особо остро стоит проблема безопасности свидетелей, иных лиц, содействующих правосудию. Здесь требуется, наряду с совершенствованием материально-правовых гарантий безопасности, развитие системы уголовно-процессуальных мер защиты, к которым можно отнести личную охрану лица, временное помещение в безопасное место, изменение места работы, учебы, жительства, замена документов, изменение фамилии и других установочных данных»¹.

В настоящее время предпринимается комплекс мер материального, процессуального, идеологического, организационного характера по защите прав и свобод субъектов, имеющих сопричастность к применению ГПОЭБ. В этой связи «снимается» острота принудительного воздействия, восприятие данных мер в качестве незаконных карательных инструментов государства.

10. Повышению эффективности применения ГПОЭБ способствует *отправление системного контроля и надзора* за данной деятельностью. Следует исходить из того, что контроль и надзор являются наиболее действенными средствами обеспечения законности вообще и применения ГПОЭБ в частности. Между данными способами существуют серьезные связи, а также определенные отличия. В литературе по административно-правовой проблематике, где данные вопросы наиболее глубоко исследуются, делается вывод, что «в зависимости от объема контроля различают собственно контроль, в процессе которого проверяются законность и целесообразность деятельности, и надзор, который ограничивается только проверкой законности. Надзор – это суженный контроль»².

---

¹ Малахова Л.И. Защита и гарантированность прав и законных интересов субъектов уголовно-процессуальной деятельности // Трибуна молодых ученых: субъективные права и законные интересы: теоретические основы и проблемы юридической защиты / под ред. Ю.Н. Старилова. Воронеж, 2002. Вып. 3. Ч. 1. С. 153.

² Бахрах Д.Н., Росинский Б.В., Стариков Ю.Н. Административное право: учебник для вузов. 2-е изд., изм. и доп. М., 2005. С. 744.

При применении ГПОЭБ задействованы все виды государственного контроля и надзора. В этой связи реализуются потенциалы: президентского контроля¹, парламентского контроля², контроля органов исполнительной власти (общего, надведомственного, ведомственного, внутриведомственного)³, судебного контроля (конституционного, административного, гражданского, арбитражного судопроизводства)⁴, общественного контроля⁵, административного и прокурорского надзора⁶.

Учитывая широкую возможность выбора и последующего применения соответствующих способов обеспечения законности в ходе реализации ГПОЭБ, необходимо решить задачу по выбору тех способов, которые позволят получить наиболее оптимальный результат. При этом важен не столько факт выявления нарушения законности, а его предупреждение, а также устранение причин и условий, которые способствуют нарушению законности в будущем.

Важно задействовать потенциал общественного контроля. Так, главным контролером за соблюдением финансо-

---

¹ См.: *Тарасов А.М.* Президентский контроль: теоретические и практические аспекты оценки его эффективности // Государство и право. 2002. № 11. С. 54–64.

² См.: *Макоев А.В.* Институт парламентского контроля над исполнительной властью в субъектах Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2005. № 5. С. 7–9.

³ См.: *Сергеев А.А., Розенфельд В.Г.* Административный контроль за законностью правовых актов органов местного самоуправления // Государство и право. 2000. № 12. С. 25–30.

⁴ См.: *Морщакова Т.Г.* Некоторые вопросы конституционного правосудия в системе процессуальных реформ // Журнал российского права. 2001. № 12. С. 10–16; *Салищева Н.Г., Хаманева Н.Ю.* Исполнительная и судебная власть: соотношение и взаимодействие // Государство и право. 2000. № 1. С. 5–11; *Старилов Ю.Н.* Административная юстиция: теория, история, перспективы. М., 2001.

⁵ См.: *Мартынов А.В.* Современное состояние и перспективы развития системы общественного контроля в России // Административное право и процесс. 2014. № 10. С. 8–16.

⁶ См.: *Мартынов А.В.* Проблемы правового регулирования административного надзора в России. Административно-процессуальное исследование: монография. М., 2010.

вой дисциплины выступил Общественный фонд (ОНФ). По его данным, только за 2015 год из общего объема государственного заказа в 23 трлн рублей каждый 15-й рубль расходовался с нарушениями. В целях эффективного контроля за исполнением госзаказа в ОНФ реализуется проект «За честные закупки». С момента своего создания проект стал популярной площадкой для активных граждан, которые на безвозмездной основе отслеживают сомнительные лоты на сайтах госзакупок¹.

При осуществлении контроля за применением ГПОЭБ целесообразно обратить внимание на следующие обстоятельства:

- определение оптимального объема мер ГПОЭБ;
- соблюдение субъектом применения ГПОЭБ своих полномочий, злоупотребление правом;
- следование процессуальному порядку применения ГПОЭБ;
- определить меры по предупреждению и недопущению нарушений законности в ходе применения названных мер;
- выработать меры по восстановлению нарушенного правового состояния в связи с нарушениями, допущенными в ходе применения ГПОЭБ.

11. В настоящее время для повышения эффективности применения ГПОЭБ важное значение приобретает *качество информирования населения* о факте их применения. Отрицательным является тот факт, что проблеме информатизации придается повышенное внимание на различных уровнях управления². Данной проблематике уделено внимание и в Указе Президента РФ от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до

---

¹ URL: <https://onf.ru/2015/06/10/zhurnal-ekspert-onf-prevratilsya-v-glavnyy-nezavisimyy-mehanizm-kontrolya-za-ispolnieniem/> (дата обращения: 25.06.2018).

² Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31, ч. 1, ст. 3448; О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20, ст. 2901; и др.

2024 года»¹. Особое значение информирование приобретает при функционировании и охране отношений в области цифровой экономики².

Реформирование системы субъектов государственного управления (исполнительной, судебной власти и других органов) требует создания механизма прозрачности, что достигается во многом в силу информированности о происходящих процессах. «Реформирование структуры органов государственного управления, системы государственной службы, активно проводившееся в последние годы, позволило создать все необходимые условия для *гласного* (курсив наш. – Н.М.) функционирования большинства государственных органов»³.

Принцип гласности в настоящее время закреплен в части 1 статьи 8 ФЗ «О полиции»: деятельность полиции является открытой для общества в той мере, в какой это не противоречит требованиям законодательства Российской Федерации об уголовном судопроизводстве, о производстве по делам об административных правонарушениях, об оперативно-разыскной деятельности, о защите государственной и иной охраняемой законом тайны, а также не нарушает прав граждан, общественных объединений и организаций.

С целью преодоления недостаточной информированности граждан о деятельности судебной системы была принята федеральная целевая программа развития судебной системы России⁴. Важную роль в повышении информированности о деятельности судов сыграло внедрение ГАС «Правосудие», что является важным шагом по пути создания «электронного

---

¹ Собрание законодательства РФ. 2018. № 20, ст. 2817.

² См.: Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р // Собрание законодательства РФ. 2017. № 32, ст. 5138.

³ *Антропова М.А.* Принцип гласности в организации и деятельности таможенных органов Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2008. С. 3.

⁴ О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы»: постановление Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1406 // Собрание законодательства РФ. 2013. № 1, ст. 13.

правосудия»¹. В постановлении Пленума Верховного суда РФ от 13 декабря 2012 года № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступности информации о деятельности судов»² была обобщена судебная практика по повышению информационной открытости деятельности судов.

Генеральной прокуратурой также уделено соответствующее внимание повышению уровня информированности, о чем свидетельствует принятие соответствующих нормативных правовых актов³.

Повышению информационной открытости способствуют специализированные передачи на телевидении: «Человек и закон», «Час суда», «Дежурная часть», «Криминал», «Зона закона» и др. Важно, что они транслируются как по центральным, так и региональным телеканалам.

Признавая позитивные изменения в части информированности о деятельности правоохранительных органов, следует отметить наличие серьезных проблем. Руководители и другие должностные лица правоохранительных органов неохотно идут на контакт с населением, не используют в должной мере

---

¹ См.: *Омаров М.Д.* Правовое регулирование информатизации судов общей юрисдикции Российской Федерации – необходимое условие перехода к «электронному правосудию» // *Российская юстиция.* 2014. № 6. С. 54–55.

² *Российская газета.* 2012. 19 декабря.

³ Об организации работы по взаимодействию с общественностью, разъяснению законодательства и правовому просвещению: приказ Генеральной прокуратуры РФ от 10 сентября 2008 г. № 182 // *Законность.* 2008. № 10; О взаимодействии органов прокуратуры со средствами массовой информации: приказ Генеральной прокуратуры РФ от 23 октября 2009 г. № 341 // *Законность.* 2010. № 1; Об организации работы по обеспечению доступа к информации о деятельности органов и учреждений прокуратуры Российской Федерации: приказ Генеральной прокуратуры РФ от 31 мая 2011 г. № 153 // *Законность.* 2011. № 10; Об организации работы по взаимодействию с общественностью, разъяснению законодательства и правовому просвещению: приказ Генеральной прокуратуры РФ от 10 сентября 2008 г. № 182 // *Законность.* 2008. № 10; О внесении изменения в приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 23 октября 2009 г. № 341 «О взаимодействии органов прокуратуры со средствами массовой информации»: приказ Генпрокуратуры России от 28 февраля 2014 г. № 100. Документ опубликован не был.

потенциал информационных ресурсов, в том числе интернет, что негативным образом сказывается на эффективности их деятельности, в том числе и применении ГПОЭБ.

12. Эффективность применения ГПОЭБ во многом обусловливается *содержанием общественного мнения о данном виде правоохранительной деятельности*. На значимость данного фактора обращалось внимание Ксенофаном, Сократом, Платоном и другими мыслителями, но наиболее предметно он был исследован, а также введен соответствующий термин «общественное мнение» в лексикон Дж. Солсбери¹. Роль общественного мнения объясняется тем, что оно выступает в качестве своеобразного способа проявления массового сознания, при помощи выражения духовно-нравственного отношения людей, их общностей к актуальным фактам, событиям, явлениям и процессам.

Изучение общественного мнения о применении ГПОЭБ представляет ценность не само по себе, а в силу того, что полученные результаты могут и должны быть использованы для дальнейшего совершенствования данного вида правоохранительной деятельности. В этой связи основное внимание в ходе его изучения должно быть сконцентрировано на удовлетворенности (неудовлетворенности) населения качеством применения ГПОЭБ, их понимании значения и ценности данного вида правоохранительной деятельности, восприятию готовности граждан оказывать содействие правоприменителям.

За рубежом анализу общественного мнения о деятельности правоохранительных органов уделяется существенное внимание, а полученные результаты используются для повышения ее эффективности. «Так как полиция в современном государстве должна рассматриваться как служба, приносящая пользу как отдельному гражданину, так и обществу в целом, она должна стремиться улучшить это общее направление. В этой связи нельзя не учитывать взаимосвязь между репутацией полиции и

---

¹ См.: Горбач Н.А., Круглянина О.Н., Невирко Д.Д. Изучение и формирование общественного мнения о деятельности органов внутренних дел: учебное пособие. М., 2007. С. 9.

доверием к ее работе, с одной стороны, и готовностью общества оказывать доверие полиции – с другой»¹.

Так, в ФРГ широкое распространение получила практика изучения общественного мнения по наиболее актуальным вопросам деятельности МВД, что дает возможность оперативной коррекции правоохранительной деятельности полиции. В США глубинное изучение общественного мнения о деятельности правоохранительных органов и состоянии преступности осуществляется Институтом общественного мнения, основанном Дж. Гэллапом. При этом мощно задействуется потенциал СМИ. Реализация данного подхода позволяет «снять» барьеры между правоохранителями и потребителями услуг в области безопасности, оперативно внести изменения в правоохранительную деятельность. Важное влияние на формирование общественного мнения оказывает каждодневное контактирование правоохранителей и населения. В этой связи предлагается полицейским проживать на обслуживаемой территории. В целях популяризации деятельности полиции проводятся соответствующие тематические рекламные акции («Начальник полиции на день», «День безопасности в городе», «День игры с полицейским»), создание консультативных советов по оказанию содействия полиции и т. д.²

Следует разделить точку зрения зарубежного экспертного сообщества, по мнению которого «степень удовлетворенности граждан» полицией должна стать определяющей при оценке деятельности полиции³.

В нашей стране отсутствуют устоявшиеся традиции формирования общественного мнения о деятельности правоохранительных органов. В этой связи многие действия и решения правоохранительных органов, их должностных лиц не получают

---

¹ Изучение и формирование общественного мнения о полиции (опыт работы полиции зарубежных стран) / Б.Г. Камаев [и др.]. М., 2004. С. 10.

² См. там же. С. 58–67.

³ См.: *Ortmeier P.J.* Leadership for Community policing: A Study to Identify Essential Officer Competencies // *The Police Chief/ USA*, 1997. October. P. 88–93.

должной оценки и поддержки со стороны широких слоев населения. Между тем следует отметить, что часть 6 статьи 9 ФЗ «О полиции» установлено: «*Общественное мнение* (курсив наш. – Н.М.) является одним из основных критериев официальной оценки деятельности полиции, определяемых федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел».

Важно, чтобы при формировании общественного мнения о применении ГПОЭБ использовался самый широкий арсенал форм. К их числу следует отнести: опросы, беседы, интервью, анкетирования, встречи с населением, личные приемы, публичные встречи и др. При этом важно не только объективное выявление общественного мнения о применении ГПОЭБ, а принятие целенаправленных мер по его формированию.

Завершая рассмотрение правоприменительных факторов эффективности ГПОЭБ, следует признать, что он далеко не исчерпан. Практическая деятельность по реализации мер ГПОЭБ будет вносить соответствующие коррективы. В этой связи некоторые факторы будут приобретать более значимую роль, а другие, наоборот, утратят свой потенциал. Это будет требовать осуществления творческого подхода к выбору и реализации конкретной меры ГПОЭБ, учета сложившейся практики, но при этом отказа от шаблонов и аналогий.

Признавая ведущую роль правоприменительных факторов эффективности ГПОЭБ, следует помнить об их тесной связи с факторами других групп и учета в правоохранительной деятельности. В этой связи В.В. Лазарев отметил: «Не исключены случаи, когда правоприменительные органы действуют безупречно, но на правотворческом или каком-то другом уровне какие-то звенья не срабатывают и в итоге желаемый правовой эффект не наступает»¹. Речь должна идти о формировании и реализации такого механизма, который бы предупреждал (не допускал) сбои в применении мер ГПОЭБ, способствовал его поддержанию в рабочем состоянии.

---

¹ Лазарев В.В. Эффективность правоприменительных актов (вопросы теории). Казань, 1975. С. 93.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Книги и брошюры

1. Авдеенкова, М. П. Система юридической ответственности на современном этапе развития российского права / М. П. Авдеенкова. – Москва : Манскрипт, 2007. – 284 с.
2. Аврутин, Ю. Е. Эффективность деятельности органов внутренних дел: опыт системного исследования / Ю. Е. Аврутин. – Санкт-Петербург : СПб. акад. МВД России, 1998. – 411 с.
3. Агапов, А. Б. Административные правонарушения в сфере бизнеса : учебное пособие / А. Б. Агапов. – Москва : «Эксмо», 2006. – 398 с.
4. Административное принуждение и административная ответственность : сб. норматив. актов / сост. и авт. вступ. ст. Ю. Н. Стариков. – Москва : Бек, 1998. – 848 с.
5. Алексеева, Л. Б. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности / Л. Б. Алексеева, М. С. Строгович, А. М. Ларин. – Москва : «Наука», 1979. – 319 с.
6. Алиев, А. Б. Проблемы экономической и национальной безопасности Азербайджанской Республики в современных условиях / А. Б. Алиев. – Баку : «Тахсил» ; ТПП, 2009. – 295 с.
7. Андреевский, И. Е. Полицейское право : в 2 т. / И. Е. Андреевский. – Санкт-Петербург : Тип. Э. Праца, 1874. – Т. 1. – 648 с.
8. Андреевский, И. Е. Полицейское право : в 2 т. / И. Е. Андреевский. – Санкт-Петербург : Тип. Э. Праца, 1876. – Т. 2. – 727 с.
9. Антикоррупционная политика / под ред. Г. А. Сатарова. – Москва : Фонд ИНДЕМ, 2004. – 368 с.
10. Антикоррупционные стандарты Организации экономического сотрудничества и развития и их реализация в Российской Федерации : монография / Т. Я. Хабриева [и др.] ; под ред. Т. Я. Хабриевой, А. В. Федорова. – Москва : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2015. – 296 с.

11. Апресян, А. А. Постигание добра / А. А. Апресян. – Москва : «Молодая гвардия», 1986. – 206 с.

12. Арсланбекова, А. З. Правовое регулирование финансовых санкций : монография / А. З. Арсланбекова. – Махачкала : ИПЦ ДГУ, 2007. – 24 с.

13. Астемиров, З. А. Уголовная ответственность и наказание несовершеннолетних / З. А. Астемиров. – Москва : Изд-во ВШ МВД СССР, 1970. – 125 с.

14. Ахпанов, А. Н. Меры процессуального принуждения: социальная ценность, теория и практика применения : учебное пособие / А. Н. Ахпанов. – Караганда : Карагандинская высшая школа МВД СССР, 1989. – 92 с.

15. Бабаев, С. В. Принуждение и убеждение в деятельности современного Российского государства : лекция / С. В. Бабаев. – Н. Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2001. – 42 с.

16. Базылев, Б. Т. Юридическая ответственность (теоретические вопросы) / Б. Т. Базылев. – Красноярск : Издательство Красноярского университета, 1985. – 120 с.

17. Бандурина, Н. В. Противодействие коррупции в Российской Федерации: вопросы теории и практики : монография / Н. В. Бандурина, Ю. В. Воронин. – Москва : «Граница», 2015. – 170 с.

18. Барак, А. Судейское усмотрение / А. Барак ; перевод с англ. – Москва : «Норма», 1999. – 376 с.

19. Баранов, В. М. Поощрительные нормы советского социалистического права : монография / В. М. Баранов ; под ред. М. И. Байтина. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1978. – 147 с.

20. Баранов, В. М. Теневое право : монография / В. М. Баранов. – Н. Новгород : НА МВД России, 2002. – 165 с.

21. Бахрах, Д. Н. Административная ответственность : учебное пособие / Д. Н. Бахрах. – Москва : «Юриспруденция», 1999. – 86 с.

22. Бахрах, Д. Н. Административная ответственность граждан в СССР : учебное пособие / Д. Н. Бахрах. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 204 с.

23. Бахрах, Д. Н. Советское законодательство об административной ответственности : учебное пособие / Д. Н. Бахрах. – Пермь : Пермский гос. ун-т, 1969. – 344 с.

24. Бачило, И. Л. Проблемы эффективности работы управленческих органов / И. Л. Бачило [и др.] ; отв. ред. Ю. А. Тихомиров. – Москва : «Наука», 1973. – 440 с.

25. Бельский, К. С. Полицейское право : лекционный курс / К. С. Бельский ; под ред. А. В. Куракина. – Москва : Издательство «Дело и Сервис», 2004. – 816 с.

26. Боброва, Н. А. Ответственность в системе гарантий конституционных норм / Н. А. Боброва, Т. Д. Зражевская. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1985. – 152 с.

27. Богданов, И. Я. Экономическая безопасность России: теория и практика / И. Я. Богданов. – Москва : ИСПИ РАН, 2001. – 348 с.

28. Бокова, И. Н. Преступления в сфере экономики (в определениях и схемах) : учебное пособие / И. Н. Бокова, С. В. Изосимов, В. И. Каныгин, А. П. Кузнецов ; под общ. ред. А. П. Кузнецова. – Нижний Новгород : Нижегородская правовая академии, 2004. – 228 с.

29. Брайнин, Я. М. Уголовная ответственность и ее основания в советском уголовном праве / Я. М. Брайнин. – Москва : Госюриздат, 1963. – 275 с.

30. Братко, А. Г. Запреты в советском праве / А. Г. Братко. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1979. – 92 с.

31. Братусь, С. Н. Юридическая ответственность и законность (очерк теории) / С. Н. Братусь. – Москва : «Юрид. лит», 1976. – 215 с.

32. Братусь, С. Н. Юридическая ответственность и законность / С. Н. Братусь. – Москва : Городец-издат, 2001. – 208 с.

33. Брызгалин, А. В. Налоговая ответственность: штрафы, пени, взыскания / А. В. Брызгалин, В. Р. Берник, А. Н. Головкин, О. Н. Попов, В. М. Зарипов. – Москва ; Екатеринбург : Аналитик-Пресс, 1997. – 173 с.

34. Булатов, Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : монография / Б. Б. Булатов. – Омск : Омская академия МВД России, 2003. – 320 с.

35. Бутнев, В. В. Гражданская процессуальная ответственность / В. В. Бутнев. – Ярославль : Яросл. гос. ун-т, 1999. – 63 с.

36. Венедиктов, В. С. Юридическая ответственность по советскому трудовому праву : учебное пособие / В. С. Венедиктов. – Киев : УМКВО, 1989. – 68 с.

37. Веремеенко, И. И. Административно-правовые санкции / И. И. Веремеенко. – Москва : «Юрид. лит.», 1975. – 192 с.

38. Веремеенко, И. И. Механизм административно-правового регулирования в сфере охраны общественного порядка : в 2 ч. Ч. 1. Предмет и понятие / И. И. Веремеенко. – Москва : Изд-во ВНИИ МВД СССР, 1981. – 111 с.

39. Веремеенко, И. И. Механизм административно-правового регулирования в сфере охраны общественного порядка : в 2 ч. Ч. 2. Элементы и форма реализации права в механизме административно-правового регулирования в сфере охраны общественного порядка / И. И. Веремеенко. – Москва : Изд-во ВНИИ МВД СССР, 1982. – 112 с.

40. Ветрова, Г. Н. Санкции в судебном праве / Г. Н. Ветрова. – Москва : «Наука», 1991. – 160 с.

41. Виноградов, В. А. Конституционная ответственность: вопросы теории и правовое регулирование / В. А. Виноградов. – Москва, 2000. – 287 с.

42. Виноградов, В. А. Ответственность в механизме охраны конституционного строя : монография / В. А. Виноградов. – Москва : Институт права и публичной политики, 2005. – 420 с.

43. Виноградов, В. Н. Продовольственная безопасность как сфера национальных интересов России / В. Н. Виноградов. – Москва : Фонд поддержки ученых : Ин-т соц.-полит. исслед. РАН, 2004. – 370 с.

44. Витрук, Н. В. Общая теория юридической ответственности : монография / Н. В. Витрук. – Москва : РАП, 2008. – 324 с.

45. Власенко, Н. А. Правовые основы противодействия коррупции : учебное пособие / Н. А. Власенко, С. А. Грачева, Е. Е. Рафалюк ; отв. ред. Н. А. Власенко. – Москва : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ ; ООО «Полиграф», 2013. – 310 с.

46. Возжеников, А. В. Парадигма национальной безопасности реформирующейся России : монография / А. В. Возжеников. – Москва : ЭДАС ПАК, 2000. – 358 с.

47. Волженкин, Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России / Б. В. Волженкин. – Санкт-Петербург : Издательство Р. Асланов «Юридический центр Пресс», 2007. – 765 с.

48. Волковский, В. И. Налоговые органы и экономическая безопасность России / В. И. Волковский. – Москва : Фонд поддержки ученых, 2000. – 219 с.

49. Галаган, И. А. Административная ответственность в СССР: государственное и материально-правовое исследование / И. А. Галаган. – Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1970. – 252 с.

50. Глазырин, В. В. Эффективность правовых норм / В. В. Глазырин, В. Н. Кудрявцев, В. И. Никитинский, И. С. Самощенко. – Москва : «Юрид. лит.», 1980. – 280 с.

51. Гоголев, А. М. Государственное администрирование в области налогов и сборов: проблемы административно-правового регулирования : монография / А. М. Гоголев. – Москва : Финансовый университет при Правительстве РФ, 2015. – 164 с.

52. Грибанов, В. П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав / В. П. Грибанов. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 284 с.

53. Дихтиевский, П. В. Административно-правовое принуждение в механизме обеспечения личной безопасности : монография / П. В. Дихтиевский. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2004. – 256 с.

54. Дмитриев, А. В. Насилие: социально-политический анализ / А. В. Дмитриев, И. Ю. Залысин. – Москва : РОССПЭН, 2000. – 324 с.

55. Дугенец, А. С. Административная ответственность : учебное пособие / А. С. Дугенец. – Москва : ВНИИ МВД, 2006. – 92 с.

56. Дуюнов, В. К. Проблемы уголовного наказания в теории, законодательстве и судебной практике / В. К. Дуюнов. – Курск : РОСИ, 2000. – 277 с.

57. Евдокимов, С. В. Правовосстановительные меры в российском праве / С. В. Евдокимов. – Нижний Новгород : Нижегородский юридический институт МВД России, 2000. – 177 с.

58. Емельянов, А. С. Финансово-правовая ответственность / А. С. Емельянов, Н. Н. Черногор. – Москва : «Финансы и статистика», 2004. – 208 с.

59. Еникеев, З. Д. Меры уголовно-процессуального принуждения в системе средств обеспечения обвинения и защиты по уголовным делам : учебное пособие / З. Д. Еникеев. – Уфа : БГУ, 1978. – 88 с.

60. Еникеев, З. Д. Проблемы эффективности мер уголовно-процессуального пресечения / З. Д. Еникеев. – Казань : Изд. Казанского университета, 1982. – 104 с.

61. Ермоленко, М. В. Административная ответственность должностных лиц в России : учебное пособие / М. В. Ермоленко ; под ред. И. А. Склярова. – Нижний Новгород : Изд-во ННГУ, 2003. – 126 с.

62. Загашвили, В. С. Экономическая безопасность России / В. С. Загашвили. – Москва : «Юрист», 1997. – 240 с.

63. Зинатуллин, З. З. Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность: вопросы теории и практики / З. З. Зинатуллин. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1981. – 136 с.

64. Иван Александрович Галаган и его научное исследование / под ред. Ю. Н. Старилова. – Воронеж : Издательство Воронежского государственного университета, 2010. – 544 с.

65. Иванов, А. А. От талиона к индивидуализации юридической ответственности: исторический очерк становления правового принципа / А. А. Иванов. – Москва : Закон и право, ЮНИТИ-ДАНА, 2009. – 223 с.

66. Иеринг, Р. Борьба за право / Р. Иеринг. – Санкт-Петербург : тип. Я. Трей, 1895. – 78 с.

67. Илларионова, Т. И. Система гражданско-правовых охранительных мер / Т. И. Илларионов. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1982. – 168 с.

68. Ильин, Е. П. Психология воли / Е. П. Ильин. – Санкт-Петербург : Изд-во «Питер», 2000. – 288 с.

69. Ильин, И. А. Понятие права и силы. Опыт методологического анализа / И. А. Ильин. – Москва : Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К^о, 1910. – 38 с.

70. Ильин, М. В. Власть : хрестоматия : в 2 т. / М. В. Ильин, А. Ю. Мельвиль. – Самара: Издательский Дом «ДАХРАХ», 1999. – Т. 1. – 1104 с.

71. Илюхин, В. И. Нация, государство, безопасность (Вопросы теории и практики) : монография / В. И. Илюхин. – Москва : Издательство ООО «Центрокнига», 1999. – 131 с.

72. Иоффе, О. С. Ответственность по советскому гражданскому праву : в 2 ч. / О. С. Иоффе. – Ленинград : Изд-во Ленинград. ун-та, 1955. – Ч. 1. – 310 с.

73. Ипполитов, К. Х. Экономическая безопасность: стратегия возрождения России / К. Х. Ипполитов. – Москва : [б. и.], 1996. – 263 с.

74. Каплунов, А. И. Применение и использование сотрудниками милиции огнестрельного оружия: теория и практика : монография / А. И. Каплунов ; под ред. В. П. Сальникова. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности, Фонд «Университет», 2001. – 448 с.

75. Кардашова, И. Б. МВД России в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации / И. Б. Кардашова. – Москва : ВНИИ МВД России, 2006. – 209 с.

76. Карпец, И. И. Наказание: социальные, правовые и криминологические проблемы / И. И. Карпец. – Москва : «Наука», 1973. – 288 с.

77. Кикоть, В. Я. Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел / В. Я. Кикоть, С. Я. Лебедев ; под ред. В.Я. Кикотя. – Москва : Изд-во «Юнити», 2009. – 495 с.

78. Кисин, В. Р. Меры административно-процессуального принуждения, применяемые милицией : учебное пособие / В. Р. Кисин. – Москва : МВШМ, 1987. – 60 с.

79. Китаев, Н. И. Социальное насилие в современном классовом противоборстве / Н. И. Китаев. – Минск : Изд-во БГУ, 1980. – 136 с.

80. Ключников, Б. Ф. ВТО – дорога в рабство / Б. Ф. Ключников. – Москва : Изд-во «Эксмо» ; Изд-во Алгоритм, 2005. – 384 с.

81. Ключниченко, А. П. Меры административного пресечения, применяемые милицией, как средство охраны советского правопорядка / А. П. Ключниченко, А. В. Самойленко, В. Л. Зеленко. – Киев : Киевская ВШ МВД СССР, 1974. – 78 с.

82. Ключниченко, А. П. Меры административного принуждения, применяемые милицией. (Особенности. Классификация. Системовыражение) : учебное пособие / А. П. Ключниченко. – Киев : Киевская ВШ МВД СССР, 1979. – 88 с.

83. Коврига, З. Ф. Уголовно-процессуальная ответственность / З. Ф. Коврига. – Воронеж : Изд-во Воронеж ун-та, 1984. – 191 с.

84. Коврига, З. Ф. Уголовно-процессуальное принуждение / З. Ф. Коврига. – Воронеж : ВГУ, 1975. – 176 с.

85. Козырева, Т. И. Административная ответственность в СССР : учебное пособие / Т. И. Козырева. – Москва : [б. и.], 1973. – 94 с.

86. Кокорев, А. Н. Реализация мер административного пресечения в деятельности органов внутренних дел : монография / А. Н. Кокорев. – Москва : Московский университет МВД России, Изд-во «Щит-М», 2010. – 192 с.

87. Колосов, Ю. М. Ответственность в международном праве / Ю. М. Колосов. – Москва : «Юрид. лит.», 1975. – 256 с.

88. Колосова, Н. М. Конституционная ответственность в Российской Федерации: ответственность органов государственной власти и иных субъективных прав за нарушение конституционного законодательства Российской Федерации / Н. М. Колосова. – Москва : Городец, 2000. – 192 с.

89. Кондрашев, А. А. Конституционно-правовая ответственность субъектов федерации: вопросы теории и законодательного регулирования в Российской Федерации : монография / А. А. Кондрашев. – Красноярск : Сиб. юрид. ин-т МВД России, 1999. – 159 с.

90. Коркунов, В. М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве / В. М. Коркунов. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1978. – 137 с.

91. Корнилов, М. Я. Экономическая безопасность России: основы теории и методология исследования : учебное пособие / М. Я. Корнилов. – Москва : Изд-во РАГС, 2005. – 152 с.
92. Коробейников, М. А. Механизм экономической ответственности / М. А. Коробейников. – Москва : «Мысль», 1989. – 271 с.
93. Кочетов, Э. Г. Глобалистика как геοэкономика, как реальность, как мировоззрение: новый ренессанс – истоки и принципы его построения, фундаментальные опоры, теоретический и методологический капкан. – Москва : ОАО Издательская группа «ПРОГРЕСС», 2001. – 704 с.
94. Крамник, А. Н. Административно-правовое принуждение / А. Н. Крамник. – Минск : «Тесей», 2005. – 208 с.
95. Краснов, М. А. Ответственность в системе народного представительства (методологические подходы) / М. А. Краснов. – Москва, 1995. – 56 с.
96. Кругликов, Л. Л. Дифференциация ответственности в уголовном праве / Л. Л. Кругликов, А. В. Василевский. – Санкт-Петербург, 2002. – 300 с.
97. Кторов, М. И. Экономическая безопасность России: системный подход / М. И. Кторов, В. И. Мунтиян. – Санкт-Петербург : Изд-во НПК «РОСТ», 2016. – 336 с.
98. Кудин, Ф. М. Принуждение в уголовном судопроизводстве / Ф. М. Кудин. – Красноярск, 1985. – 136 с.
99. Кудрявцев, В. Н. Закон, поступок, ответственность / В. Н. Кудрявцев. – Москва : «Наука», 1986. – 448 с.
100. Кудрявцев, В. Н. Эффективность правовых норм / В. Н. Кудрявцев, В. И. Никитинский, И. С. Самощенко, В. В. Глазырин. – Москва, 1982. – 280 с.
101. Кудрявцев, В. П. Правовые основания и тактика административного задержания : учебное пособие / В. П. Кудрявцев, А. П. Шергин. – Москва : ВНИИ МВД СССР, 1986. – 48 с.
102. Кудрявцев, С. В. Конфликт и насильственное преступление / С. В. Кудрявцев. – Москва : «Наука», 1991. – 172 с.
103. Курганов, С. И. Наказание: уголовно-правовой, уголовно-исполнительный и криминологический аспекты / С. И. Курганов. – Москва : ТК «Велби» ; Изд-во «Перспект», 2008. – 105 с.

104. Кутуев, Э. К. Государственное принуждение: теоретические и уголовно-процессуальные аспекты : монография / Э. К. Кутуев. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2015. – 118 с.

105. Кучеров, И. И. Меры налогово-процессуального принуждения / И. И. Кучеров, А. Ю. Кикин. – Москва : Юриспруденция, 2006. – 128 с.

106. Лаврентьев, А. Р. Коллизии института юридической ответственности в России / А. Р. Лаврентьев. – Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2001. – 92 с.

107. Лазарев, В. В. Эффективность правоприменительных актов (вопросы теории) / В. В. Лазарев. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1975. – 207 с.

108. Лейст, О. Э. Санкции в советском праве / О. Э. Лейст. – Москва : Госуд. изд-во юрид. лит., 1962. – 238 с.

109. Лейст, О. Э. Санкции и ответственность по советскому праву (теоретические проблемы) / О. Э. Лейст. – Москва : Изд-во Московского ун-та, 1981. – 240 с.

110. Лившиц, Ю. Д. Меры пресечения в советском уголовном процессе / Ю. Д. Лившиц. – Москва : Изд. «Юридическая литература», 1964. – 138 с.

111. Липинский, Д. А. Меры юридической ответственности : монография / Д. А. Липинский, Р. Л. Хачатуров, А. Г. Шишкин. – Москва : РИОР; ИНФРА-М, 2014. – 231 с.

112. Липинский, Д. А. Проблемы юридической ответственности / Д. А. Липинский ; под ред. Р. Л. Хачатурова. – Санкт-Петербург : Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. – 387 с.

113. Липинский, Д. А. Юридическая ответственность, санкции и меры защиты : монография / Д. А. Липинский, А. А. Мусаткина. – Москва : РИОР; ИНФРА-М, 2013. – 139 с.

114. Лоренц, К. Агрессия (так называемое зло) / К. Лоренц ; пер. с нем. – Москва : Прогресс, Универс, 1994. – 272 с.

115. Лубенков, А. В. Административное принуждение в деятельности органов внутренних дел Республики Беларусь по охране общественного порядка / А. В. Лубенков ; под ред. Т. В. Телятицкой. – Минск : «Право и экономика», 2013. – 150 с.

116. Лучков, В. В. Юридическая ответственность в механизме правового регулирования / В. В. Лучков. – Тольятти, 2004. – 167 с.

117. Люблинский, П. И. Меры пресечения (комментарий к ст. 146–164 УПК РСФСР) / П. И. Люблинский. – Москва : Изд. «Право и жизнь», 1926. – 78 с.

118. Макарейко, Н. В. Административная ответственность за правонарушения, посягающие на экономическую безопасность : монография / Н. В. Макарейко. – Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2005. – 231 с.

119. Макарейко, Н. В. Административное пресечение как средство обеспечения экономической безопасности : монография / Н. В. Макарейко, В. В. Теплухин. – Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2005. – 255 с.

120. Макарейко, Н. В. Административное принуждение в России : учебное пособие / Н. В. Макарейко, М. В. Никифоров, И. А. Скляров ; под ред. И. А. Склярова. – Нижний Новгород : Изд-во ННГУ, 2002. – 228 с.

121. Макарейко, Н. В. Государственное принуждение в механизме обеспечения экономической безопасности: теоретические и прикладные проблемы : монография / Н. В. Макарейко. – Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2011. – 332 с.

122. Макарейко, Н. В. Государственное принуждение: проблемы теории и практики реализации : монография / Н. В. Макарейко. – Москва : «Юрлитинформ», 2015. – 360 с.

123. Макарейко, Н. В. Методы государственного управления: учебное пособие / Н. В. Макарейко. – Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2002. – 77 с.

124. Максимов, И. В. Система административных наказаний по законодательству Российской Федерации / И. В. Максимов ; под ред. Н.М. Кониной. – Саратов : Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2004. – 188 с.

125. Макуев, Р. Х. Правонарушение и юридическая ответственность / Р. Х. Макуев. – Орел : Юрид. ин-т МВД РФ, 1998. – 101 с.

126. Малеин, Н. С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность / Н. С. Малеин. – Москва : «Юрид. лит.», 1985. – 192 с.

127. Малеин, Н. С. Юридическая ответственность и справедливость / Н. С. Малеин. – Москва : «Юрид. лит.», 1992. – 215 с.

128. Малько, А. В. Стимулы и ограничения в праве / А. В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : «Юристъ», 2005. – 250 с.

129. Мамай, Е. А. Эффективность правоприменительных процедур (теория, практика, техника) : монография / Е. А. Мамай ; под ред. В. А. Толстика. – Москва : «Юринформ», 2012. – 224 с.

130. Марцев, А. И. Уголовная ответственность как средство предупреждения преступлений : лекция / А. И. Марцев. – Омск, 1980. – 38 с.

131. Мельников, В. А. Административно-правовое ограничение прав граждан и механизм его реализации органами внутренних дел : монография / В. А. Мельников ; под ред. В. В. Денисенко. – Волгоград : ВА МВД России, 2013. – 424 с.

132. Мингес, А. В. Специальные меры административного пресечения: применение огнестрельного оружия, физической силы и специальных средств / А. В. Менгес. – Волгоград : ВЮИ МВД России, 1999. – 135 с.

133. Мироненко, М. Б. Принципы юридической ответственности / М. Б. Мироненко. – Тольятти : Волж. ун-т им. В. Н. Татищева, 2001. – 239 с.

134. Михайленко, О. В. Имущественная ответственность за вред, причиненный осуществлением публичной власти: теоретические аспекты и проблемы ее реализации на практике / О. В. Михайленко. – Москва : Волтерс Клувер, 2007. – 352 с.

135. Михайлов, В. А. Уголовно-процессуальные меры пресечения в судопроизводстве Российской Федерации / В. А. Михайлов. – Москва : Центр информ. технологий ИЗП, 1997. – 643 с.

136. Мицкевич, А. Ф. Уголовное наказание: понятие, цели и механизмы действия : монография / А. Ф. Мицкевич. – Санкт-Петербург : Издательство Р. Арасланова «Юридический центр Пресс», 2005. – 329 с.

137. Молодцов, А. С. Уголовная ответственность и меры общественного воздействия / А. С. Молодцов. – Ярославль : Яросл. ун-т, 1977. – 68 с.

138. Назаров, И. В. Административная ответственность юридических лиц в России : учебное пособие / И. В. Назаров; под ред. И. А. Склярова. – Нижний Новгород : Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2004. – 104 с.

139. Национальная безопасность / А. В. Ополев, В. С. Перумов. – Москва : ЗАО Издательский дом «Оружие и технологии», 2010. – 232 с.

140. Никитинский, В. И. Эффективность норм трудового права / В. И. Никитинский. – Москва : «Юрид. лит.», 1971. – 247 с.

141. Носова, Ю. Б. Дисциплинарная ответственность государственных гражданских служащих Российской Федерации : монография / Ю. Б. Носова. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2011. – 208 с.

142. Нохрин, Д. Г. Государственное принуждение в гражданском судопроизводстве : монография / Д. Г. Нохрин. – Москва : Волтерс Клувер, 2009. – 256 с.

143. Нырков, В. В. Поощрение и наказание как парные юридические категории / В. В. Нырков ; под ред. А. В. Малько. – Саратов : Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2006. – 204 с.

144. Овсепян, Ж. И. Юридическая ответственность и государственное принуждение (Общетеоретическое и конституционно-правовое исследование) / Ж. И. Овсепян. – Ростов-на-Дону : «Эверест», 2005. – 276 с.

145. Огурцов, Н. А. Правоотношение и ответственность в советском уголовном праве : учебное пособие / Н. А. Огурцов. – Рязань : Рязан. высш. школа, 1976. – 206 с.

146. Осинцев, Д. В. Методы административно-правового воздействия / Д. В. Осинцев. – Санкт-Петербург : Изд. Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. – 278 с.

147. Осинцев, Д. В. Методы государственного управления (административно-правовой аспект) : монография / Д. В. Осинцев. – Екатеринбург : ООО «Издательство УМЦ УПИ», 2013. – 212 с.

148. Панов, А. Б. Административная ответственность юридических лиц / А. Б. Панов. – Москва : НОРМА: ИНФРА-М, 2014. – 192 с.

149. Парамонова, С. В. Продовольственная безопасность: измерение, оценка, планирование : монография / С. В. Парамонова, Л. Л. Пашина. – Благовещенск : Изд-во ДальГАУ, 2004. – 156 с.

150. Парыгин, Н. П. Исполнение административных наказаний : учебное пособие / Н. П. Парыгин, В. В. Головкин. – Москва : Изд-во «Эксмо», 2006. – 128 с.

151. Петелин, А. И. Проблемы правовой ответственности в социалистическом обществе : учебное пособие / А. И. Петелин. – Омск : Ом. высш. школа милиции, 1976. – 122 с.

152. Петрухин, И. Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе / И. Л. Петрухин. – Москва : «Наука», 1989. – 256 с.

153. Петрухин, И. Л. Уголовно-процессуальное принуждение / И. Л. Петрухин. – Москва : «Наука», 1985. – 238 с.

154. Пионтковский, А. А. Преступления против личности / А. А. Пионтковский. – Москва : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938. – 135 с.

155. Плетников, В. С. Государственно-правовое принуждение: общетеоретические вопросы : монография / В. С. Плетников, В. А. Чашников. – Екатеринбург : Изд-во Уральского юридического ин-та МВД России, 2008. – 150 с.

156. Поляков, С. Б. Юридическая ответственность государства / С. Б. Поляков. – Москва : «Юридический Мир», 2007. – 431 с.

157. Попов, Л. Л. Применение органами внутренних дел административно-правовых мер охраны общественного порядка: 7 конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Милан, август–сентябрь 1985 г.) / Л. Л. Попов, М. И. Рябов. – Москва : Академия МВД СССР, 1985. – 60 с.

158. Попов, Л. Л. Применение оружия работниками милиции : учебное пособие / Л. Л. Попов, В. А. Иванов. – Москва : УМК МВД СССР, 1975. – 47 с.

159. Попов, Л. Л. Убеждение и принуждение. Организационно-воспитательные и административно-правовые средства охраны общественного порядка в деятельности советской милиции / Л. Л. Попов ; отв. ред. Ю. М. Козлов. – Москва : «Московский рабочий», 1968. – 159 с.

160. Попов, Л. Л. Управление. Гражданин. Ответственность: (сущность, применение и эффективность административных взысканий) / Л. Л. Попов, А. П. Шергин. – Ленинград : «Наука». Ленингр. отделение, 1975. – 252 с.

161. Попов, Л. Л. Эффективность административно-правовых санкций в сфере охраны общественного порядка / Л. Л. Попов. – Москва : Изд-во ВНИИ МВД СССР, 1976. – 212 с.

162. Правовая основа обеспечения национальной безопасности Российской Федерации : монография / под ред. А. В. Опалева. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2004. – 511 с.

163. Правовое администрирование в экономике. Актуальные проблемы : монография / кол. авт. ; под ред. Ю. А. Тихомирова. – Москва : «Юстиция», 2018. – 306 с.

164. Правовое обеспечение безопасности Российской Федерации : научно-практическое пособие / под ред. В. Г. Вишнякова. – Москва : «Юрид. лит.», 2005. – 400 с.

165. Продовольственная безопасность России: проблемы и перспективы / А. А. Афиногентова [и др.] ; под ред. А. А. Афиногентовой. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2004. – 240 с.

166. Прохоров, В. С. Преступление и ответственность / В. С. Прохоров. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. – 134 с.

167. Рагимов, И. М. О нравственности наказания / И. М. Рагимов ; предисл. Х. Д. Аликперова. – Санкт-Петербург : Издательство «Юридический центр», 2016. – 224 с.

168. Рагимов, И. М. Преступление и наказание : монография / И. М. Рагимов. – Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2012. – 304 с.

169. Разгильдиев, Б. Т. Уголовно-правовые отношения и реализация ими задач уголовного права / Б. Т. Разгильдиева. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1994. – 320 с.

170. Разгильдиева, М. Б. Правовое убеждение и принуждение: теоретические основы (на примере финансового законодательства) : монография / М. Б. Разгильдиева ; под ред. Н. И. Химичевой. – Москва : «Юрлитинформ», 2012. – 272 с.
171. Рейнгардт, Н. В. Судебная полиция / Н. В. Рейнгардт. – Казань : типо-лит. Ун-та, 1900. – 16 с.
172. Рогачева, О. С. Эффективность норм административно-деликтного права : монография / О. С. Рогачева. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2011. – 356 с.
173. Розенфельд, В. Г. Административное принуждение (понятие, виды административного принуждения, процессуальное регулирование и применение) : учебное пособие / Р. Г. Розенфельд, В. В. Серегина. – Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1996. – 207 с.
174. Рябов, Ю. С. Административно-предупредительные меры: теоретические вопросы / Ю. С. Рябов. – Пермь : Кн. изд-во, 1974. – 81 с.
175. Савгирова, Н. М. Меры пресечения и иные меры процессуального принуждения / Н. М. Савгирова. – Москва : Изд-во Московского ун-та, 1960. – 25 с.
176. Сальников, В. П. Убеждение и принуждение в деятельности органов внутренних дел : пособие / В. П. Сальников, В. П. Федоров. – Ленинград : ВПУ им. 60-летия ВЛКСМ МВД СССР, 1989. – 92 с.
177. Самойлюк, Р. Н. Методы осуществления государственной власти в Российской Федерации : монография / Р. Н. Самойлюк. – Нижний Новгород : Нижегородская правовая академия, 2015. – 106 с.
178. Самощенко, И. С. Ответственность по советскому законодательству / И. С. Самощенко, М. Х. Фарукшин. – Москва : «Юридическая литература», 1971. – 240 с.
179. Санталов, А. И. Теоретические вопросы уголовной ответственности / А. И. Санталов. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. – 96 с.
180. Саттарова, Н. А. Принуждение в финансовом праве / Н. А. Саттарова ; под ред. И. И. Кучерова. – Москва : «Юрлитинформ», 2006. – 329 с.

181. Серегин, А. В. Административная ответственность за нарушение общественного порядка / А. В. Серегин. – Москва : ВШ МООП СССР, 1968. – 108 с.

182. Серегин, А. В. Основания и порядок применения мер административного воздействия. Библиотечка участкового инспектора милиции / А. В. Серегин. – Москва : Академия МВД СССР, 1974. – 40 с.

183. Серегин, А. В. Советский общественный порядок и административно-правовые средства его укрепления : учебное пособие / А. В. Серегин. – Москва : Академия МВД СССР, 1975. – 194 с.

184. Серегина, В. В. Государственное принуждение по советскому праву / В. В. Серегина. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1991. – 120 с.

185. Серков, П. П. Административная ответственности в российском праве: современное осмысление и новые подходы : монография / П. П. Серков. – Москва : Норма: ИНФРА-М, 2012. – 480 с.

186. Смирнов, В. П. Экономическая безопасность России: сущность, основные угрозы : монография / В. П. Смирнов. – Владивосток : ВФ РГА, 2004. – 168 с.

187. Соколов, А. Ю. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях : монография / А. Ю. Соколов. – Москва : Норма, 2015. – 320 с.

188. Стариллов, Ю. Н. Административная юстиция: теория, история, перспективы / Ю. Н. Стариллов. – Москва : Инфра-М-НОРМА, 2001. – 304 с.

189. Стариллов, Ю. Н. Административное право – на новый уровень правового государства / Ю. Н. Стариллов. – Воронеж : Издательство Воронеж. гос. ун-та, 2003. – 80 с.

190. Стариллов, Ю. Н. Административное право : в 2 ч. Ч. 1 / Ю. Н. Стариллов. – Воронеж : Издательство Воронеж. гос. ун-та, 2001. – 624 с.

191. Стариллов, Ю. Н. Нарушение налогового законодательства и юридическая ответственность / Ю. Н. Стариллов. – Воронеж : ИПФ «Воронеж», 1995. – 284 с.

192. Стахов, А. И. Административно-публичное обеспечение безопасности в Российской Федерации : монография / А. И. Стахов ; научн. ред. Б. В. Россинский. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2006. – 199 с.

193. Степашин, С. В. Безопасность человека и общества (политико-правовые вопросы) / С. В. Степашин. – Санкт-Петербург : СПбЮИ МВД России, 1994. – 239 с.

194. Струков, А. В. Правовые пределы принуждения в досудебных стадиях уголовного судопроизводства в России / А. В. Струков. – Пермь : ПГНИУ, 2011. – 178 с.

195. Сучилин, А. С. Конституционная (уставная) ответственность органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Государственно-правовые вопросы / А. С. Сучилин. – Москва : «Юриспруденция», 2003. – 128 с.

196. Сыроватская, Л. А. Ответственность за нарушение трудового законодательства / Л. А. Сыроватская. – Москва : «Юрид. лит.», 1990. – 176 с.

197. Тархов, В. А. Ответственность по советскому гражданскому праву / В. А. Тархов. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1973. – 456 с.

198. Трунов, И. Л. Меры пресечения в уголовном процессе / И. Л. Трунов, Л. К. Трунова. – Санкт-Петербург : Изд. «Юридический центр Пресс», 2003. – 356 с.

199. Тюрин, В. А. Применение мер пресечения в административном праве России : монография / В. А. Тюрин. – Москва : Изд-во «Щит-М», 2002. – 328 с.

200. Ушаков, Н. А. Основания международной ответственности государства / Н. А. Ушаков. – Москва : Международ. отношения, 1983. – 184 с.

201. Фаткуллин, Ф. Н. Социальная ценность и эффективность правовой нормы / Ф. Н. Фаткуллин, Л. Д. Чулюкин. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1977. – 120 с.

202. Федосова, В. А. Эффективность действия норм советского государственного права / В. А. Федосова ; науч. ред. В. С. Основин. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. – 157 с.

203. Фомин, А. А. Юридическая безопасность субъектов российского права / А. А. Фомин ; под ред. И. Н. Сенякина. – Саратов : Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2005. – 332 с.

204. Фэрри, Э. Уголовная социология / Э. Фэрри ; сост. и предисл. В. С. Овчинского. – Москва : ИНФРА, 2005. – 658 с.

205. Хохлов, В. А. Ответственность за нарушение договора по гражданскому праву / В. А. Хохлов. – Тольятти : ТолПИ, 1997. – 320 с.

206. Хужин, А. М. Невинное поведение в праве: методология, теория, практика : монография / А. М. Хужин. – Москва : «Юринформ», 2012. – 336 с.

207. Цихоцкий, А. В. Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам / А. В. Цихоцкий. – Новосибирск : Наука : Сиб. предприятие, 1997. – 392 с.

208. Чернова, С. С. Меры уголовно-процессуального принуждения : учебно-практическое пособие / С. С. Чернова. – Тюмень : Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2012. – 67 с.

209. Шайо, А. Самоограничение власти (краткий курс конституционализма) / А. Шайо ; пер. с венг. – Москва : «Юристь», 2001. – 292 с.

210. Шиндяпина, М. Д. Стадии юридической ответственности : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по юрид. спец. / М. Д. Шиндяпина. – Москва : Кн. мир, 1998. – 168 с.

211. Экономическая безопасность : учебник для вузов / под общ. ред. Л. П. Гончаренко, Ф. В. Акулинина. – Москва : Издательство «Юрайт», 2016. – 478 с.

212. Экономическая безопасность : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям экономики и управления / В. А. Богомолов [и др.] ; под ред. В. А. Богомолова. – 2-е изд. перераб и доп. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2009. – 295 с.

213. Экономическая безопасность России : учебник / под ред. В. К. Сенчагова. – 2-е изд. – Москва : «Дело», 2005. – 896 с.

214. Экономическая безопасность Российской Федерации : учебник для вузов : в 2 ч. Ч. 1 / под общ. ред. С. В. Степашина ; МНС России. Всерос. гос. налоговая академия ; МВД России. С.-Петербург. ун-т. – Москва : «Лань» ; СПб. : МВД России. С.-Петербург. ун-т, 2001. – 608 с.

215. Экономическая и национальная безопасность : учебник / под ред. Е. А. Олейникова. – Москва : Изд-во «Экзамен», 2005. – 768 с.

216. Эффективность государственного управления / общ. ред. С. А. Батчикова и С. А. Глазьева ; пер. с англ. – Москва : Фонд «За экономическую грамотность», Российский экономический журнал, Издательство АО «Консалтбанкир», 1998. – 846 с.

217. Эффективность действия правовых норм / под ред. А. С. Пашкова, Л. С. Явича, Э. А. Фомина. – Ленинград : Изд-во Лен. ун-та, 1977. – 143 с.

218. Эффективность закона. Методология и конкретные исследования / Ю. А. Тихомиров, В. М. Сырых, В. В. Лапаева [и др.] ; отв. ред. В. М. Сырых, Ю. А. Тихомиров; Ин-т законодат. и сравнит. правоведения при Правительстве РФ. – Москва : [б. и.], 1997. – 211 с.

219. Юридическая ответственность: современные вызовы и решения : материалы VIII Ежегодных научных чтений памяти профессора С. Н. Братуся / отв. ред. Н. Г. Доронина. – Москва : НИЦ ИНФРА-М: ИЗиСП, 2013. – 304 с.

220. Ярочкин, В. И. Теория безопасности / В. И. Ярочкин, Я. В. Бузанова. – Москва : Академический Проект Фонд «Мир», 2005. – 208 с.

Научные статьи

221. Абалкин, Л. И. Экономическая безопасность России / Л. И. Абалкин // Вестник РАН. – 1997. – Т. 67. – № 9. – С. 771–776.

222. Абалкин, Л. И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение / Л. И. Абалкин // Вопросы экономики. – 1994. – № 12. – С. 4–13.

223. Абрамова, О. В. К вопросу о разграничении мер защиты и мер ответственности в трудовом праве / О. В. Абрамова // Журнал российского права. – 2009. – № 5. – С. 15–24.

224. Административная ответственность и проблемы административного права (Четвертые «Лазаревские чтения») // Государство и право. – 2000. – № 10. – С. 13–42.

225. Алебастрова, И. А. Проблемы формирования теоретической конструкции института конституционно-правовой ответственности / И. А. Алебастрова // Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран / под ред. С. А. Авакьяна. – Москва : Изд-во МГУ, 2001. – С. 81–88.

226. Александров, М. В. О концепции национальной безопасности нашей страны / М. В. Александров // Международная безопасность. Национальные и глобальные аспекты. – Москва, 1992. – С. 28–29.

227. Андрющенко, М. Н. Понятие эффективности и его философский смысл / М. Н. Андрющенко // Философские и социальные исследования. – Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1971. – С. 49–53.

228. Аникеенко, Ю. Б. Проблемы квазиадминистративной ответственности юридических лиц / Ю. Б. Аникеенко // Государство и право в условиях глобализации: проблемы и перспективы : тезисы научных докладов Международной научно-практической конференции. – Екатеринбург : Издат. дом. «Государственная Уральская юридическая академия», 2004. – С. 194–201.

229. Аникин, Л. С. Методические проблемы исследования экономической безопасности общества / Л. С. Аникин, Г. В. Дыльнов // Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения : Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2001. – № 1. – С. 32–40.

230. Антокольская, М. В. Меры защиты и ответственности в алиментных обязательствах / М. В. Антокольская // Советское государство и право. – 1990. – № 8. – С. 125–132.

231. Апресян, А. А. Размышления после конференции / А. А. Апресян, Г. И. Марченко // Философские науки. – 1990. – № 11. – С. 53–89.

232. Ардашкин, В. Д. О принуждении по советскому праву / В. Д. Ардашкин // Советское государство и право. – 1970. – № 7. – С. 33–39.

233. Базылев, Б. Т. Социальное назначение государственного принуждения в советском обществе / Б. Г. Базылев // Правоведение. – 1968. – № 5. – С. 29–36.

234. Балакшин, В. Производство об административном правонарушении / В. Балакшин // Законность. – 1997. – № 9. – С. 46–49.

235. Баранов, В. М. «Удовлетворение справедливых требований морали» как цель ограничений прав и свобод человека / В. М. Баранов // Теория и практика ограничения прав человека по российскому законодательству и международному праву : сборник научных трудов : в 2 ч. Ч. 1. – Нижний Новгород : Изд-во Нижегород. юрид. ин-та МВД России, 1998. – С. 19–29.

236. Баранов, В. М. Законодательное определение понятия «экономическая безопасность государства» и современные проблемы ее правового обеспечения / В. М. Баранов // Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения : Вестник НА МВД России. – 2001. – № 1. – С. 14–28.

237. Баранов, В. М. Философские и общеправовые проблемы применения дисквалификации / В. М. Баранов, Н. В. Макарейко // Философия права. – 2004. – № 1 (9). – С. 5–11.

238. Баранов, В. М. Экономическая безопасность как правовое состояние / В. М. Баранов // Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения : Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2005. – № 5. – С. 5–6.

239. Барциц, И. Н. Критерии эффективности государственного управления и глобальное управленческое пространство / И. Н. Барциц // Государство и право. – 2009. – № 3. – С. 12–20.

240. Бахвалов, С. В. Критерии и параметры эффективности законодательной практики / С. В. Бахвалов // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества : сб. науч. тр. / отв. ред. В.Н. Карташов. – Ярославль : ЯрГУ, 2009. – Вып. 9. – С. 33–45.

241. Бахрах, Д. Н. Административно-процессуальное принуждение / Д. Н. Бахрах // Правоведение. – 1989. – № 3. – С. 59–64.

242. Бахрах, Д. Н. Дисциплинарно-правовое принуждение в Российской Федерации / Д. Н. Бахрах // Государство и право. – 2006. – № 6. – С. 43–50.

243. Бахта, А. С. Эффективность использования прямых, отсылочных и бланкетных норм в уголовно-процессуальном праве России // Российский следователь. – 2009. – № 12. – С. 2–5.

244. Блинов, Н. М. Экономическая безопасность центра и регионов / Н. М. Блинов // Материалы выступлений на Всероссийской научно-практической конференции «Региональная политика в современной России». – Краснодар, 1995. – № 12. – С. 4–26.

245. Венгеров, А. Б. К изучению эффективности действующего законодательства / А. Б. Венгеров, В. И. Никитинский, И. С. Самошенко // Правоведение. – 1971. – № 4. – С. 2–7.

246. Веремеенко, И. И. О классификации мер административного принуждения / И. И. Веремеенко // Вестник МГУ. Серия XII. Право. – 1970. – № 4. – С. 73–79.

247. Голованова, Н. А. Тенденции развития института уголовной ответственности юридических лиц за рубежом / Н. А. Голованова // Юридическая ответственность: современные подходы и решения : материалы VIII Ежегодных научных чтений памяти профессора С.Н. Братуся / отв. ред. Н. Г. Доронина. – Москва : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ : ИНФРА-М, 2013. – С. 153–163.

248. Гусейнов, А. А. Этика ненасилия / А. А. Гусейнов // Вопросы философии. – 1992. – № 3. – С. 72–88.

249. Додин, Е. В. Основания административной ответственности / Е. В. Додин // Ученые записки. – Вып. 1 (8). – Москва : ВНИИСЗ, 1964. – С. 68–81.

250. Жук, О. Применение мер процессуального принуждения по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 210 УК РФ / О. Жук // Законность. – 2004. – № 7. – С. 6–9.

251. Зажицкий, В. И. Проблемы повышения эффективности правосудия по уголовным делам / В. И. Зажицкий // Государство и право. – 2009. – № 7. – С. 38–46.

252. Зарицкий, А. В. Место и роль политического принуждения в современной теории правового государства / А. В. Зарицкий // Государство и право. – 2004. – № 2. – С. 98–104.

253. Захарова, О. С. Эффективность норм административно-деликтного права / О. С. Захарова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». – Воронеж, 2006. – № 1 (1). – С. 151–164.

254. Зырянов, С. М. Административная ответственность в системе публично-правовой ответственности / С. М. Зырянов // Журнал российского права. – 2014. – № 1. – С. 15–22.

255. Зырянов, С. М. Административная ответственность как самостоятельный вид юридической ответственности / С. М. Зырянов // Юридическая ответственность: современные вызовы и решения : материалы VIII Ежегодных научных чтений памяти профессора С.Н. Братуся / отв. ред. Н.Г. Доронина. – Москва, 2013. – С. 111–120.

256. Зырянов, С. М. Еще раз об общественной опасности административного правонарушения / С. М. Зырянов // Административное право и процесс. – 2017. – № 6. – С. 43–46.

257. Иванов, А. А. О путях повышения эффективности правосудия / А. А. Иванов // Журнал российского права. – 2005. – № 12. – С. 53–65.

258. Ивлиев, Г. П. Основания и цели применения мер процессуального принуждения / Г. П. Ивлиев // Государство и право. – 1995. – № 11. – С. 71–77.

259. Ильина, Л. В. Пределы нравственной допустимости уголовно-процессуального принуждения / Л. В. Ильина, В. А. Похмелкин // Правовое принуждение в борьбе с преступностью : межвузовский сборник научных трудов. – Москва, 1989. – С. 30–31.

260. Каплунов, А. И. Об основных чертах и понятии государственного принуждения / А. И. Каплунов // Государство и право. – 2004. – № 12. – С. 10–17.

261. Кархалев, Д. Н. Гражданско-правовое принуждение / Д. Н. Кархалев // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2014. – № 1. – С. 26–29.

262. Князева, О. Н. Основания налогового принуждения / О. Н. Князева // Инновационное образование и экономика : научно-практический журнал ОмЭИ. – 2012. – Т. 1. – № 10. – С. 88–93.

263. Кожевников, С. Н. Государственное принуждение: особенности и содержание / С. Н. Кожевников // Советское государство и право. – 1978. – № 5. – С. 47–53.

264. Кожевников, С. Н. Государственное принуждение: регулятивно-охранительное назначение, формы / С. Н. Кожевников // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2011. – № 2. – С. 20–28.

265. Кожевников, С. Н. Классификация форм государственного принуждения / С. Н. Кожевников // Государство, право, законность : сборник трудов Пермского университета. – Пермь, 1977. – С. 90–104.

266. Кожевников, С. Н. О принуждении в правоохранительной деятельности советского государства / С. Н. Кожевников // Проблемы применения советского права : сб. учен. тр. – Свердловск : Свердловский юрид. ин-т, 1973. – Вып. 22. – С. 117–127.

267. Кожевников, С. Н. О юридической интерпретации государственного принуждения в современной России / С. Н. Кожевников // Юридический мир. – 2010. – С. 45–49.

268. Кожевников, С. Н. Предупредительные и пресекательные меры по советскому праву и условия их реализации / С. Н. Кожевников // Вопросы реализации норм административного права. Ученые труды. – Свердловск : Изд-во юридического института, 1975. – Вып. 47. – С. 36–50.

269. Кожевников, С. Н. Социальное назначение, структура и форма государственного принуждения / С. Н. Кожевников // Проблемы применения советского права : сб. учен. тр. – Свердловск : Свердловский юрид. ин-т, 1973. – Вып. 22. – С. 128–137.

270. Кондрашев, А. А. Конституционно-правовые способы федерального принуждения: проблемы теории и реализации в Конституции РФ / А. А. Кондрашев // Государство и право. – 2000. – № 2. – С. 10–15.

271. Кононов, П. И. Нормы об административном задержании граждан: изменения необходимы / П. И. Кононов // Журнал российского права. – 1997. – № 11. – С. 86–93.

272. Кузин, А. А. Гражданско-правовая ответственность Российской Федерации, наступающая в случаях неисполнения или ненадлежащего исполнения договорных обязательств / А. А. Кузин // Государство и право. – 2008. – № 7. – С. 93–97.

273. Куракин, А. В. Международно-правовые и Европейские стандарты административно-правовых средств предупреждения и пресечения коррупции в системе государственной службы Российской Федерации / А. В. Куракин // Государство и право. – 2007. – № 10. – С. 13–21.

274. Латушкин, М. А. К вопросу о понятиях государственного, правового и государственно-правового принуждения / М. А. Латушкин // Ленинградский юридический журнал. – 2010. – № 2. – С. 186–196.

275. Левков, А. А. Понятие меры защиты в праве / А. А. Левков // Вестник ВУиТ. Серия «Юриспруденция». – 2001. – Вып. 15. – С. 232–240.

276. Лейст, О. Э. Дискуссия об ответственности: проблемы и перспективы / О. Э. Лейст // Вестник МГУ. Серия 11. Право. – Москва, 1981. – № 2. – С. 45 – 53.

277. Липинский, Д. А. О системе права и видах юридической ответственности / Д. А. Липинский // Правоведение. – 2003. – № 2. – С. 27–37.

278. Ломакина, В. Ф. Юридическая ответственность государственных служащих: правовое регулирование дисциплинарной ответственности / В. Ф. Ломакина, Н. Ю. Хаманева // Государство и право. – 2008. – № 9. – С. 13–23.

279. Лубенков, А. В. Меры административно-процессуального обеспечения по законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь: опыт сравнительного правоведения / А. В. Лубенков, Н. В. Макарейко, А. М. Субботин // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2015. – № 4 (32). – С. 138–142.

280. Лукьянчикова, Е. Меры защиты и меры ответственности, применяемые при нарушении интеллектуальных прав / Е. Лукьянчикова // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2011. – № 5. – С. 22–29.

281. Макарейко, Н. В. Административная юрисдикция органов внутренних дел в сфере экономики / Н. В. Макарейко // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права : материалы ежегодной Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации В.Д. Сорокина (к 90-летию со дня рождения), 21 марта 2014 года : в 3 ч. – Санкт-Петербург : Изд-во СПб. ун-та МВД России, 2014. – Ч. 2. – С. 113–114.

282. Макарейко, Н. В. Актуальные вопросы исследования государственного принуждения / Н. В. Макарейко // Государство и право в изменяющемся мире: материалы международной научно-практической конференции. – Нижний Новгород : ПФ ФГБОУВО «РГУП», 2016. – С. 40–46.

283. Макарейко, Н. В. Влияние коррупции на эффективность применения государственного принуждения / Н. В. Макарейко // Административная реформа в России: итоги и перспективы : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (г. Нижний Новгород, 12 марта 2010 г.). – Нижний Новгород : Нижегородская правовая академия (институт), 2010. – С. 90–97.

284. Макарейко, Н. В. Государственное принуждение в механизме обеспечения экономических прав и свобод / Н. В. Макарейко // Права и свободы человека в современном мире (к 15-летию Конституции Российской Федерации и 60-летию принятия Всеобщей декларации прав человека) : материалы Всероссийской научно-практической конференции 10 декабря 2008 г. : в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. А. Толстика. – Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2009. – С. 143–154.

285. Макарейко, Н. В. Государственное принуждение и насилие: проблема соотношения / Н. В. Макарейко // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – Нижний Новгород, 2014. – № 3 (27). – С. 305–307.

286. Макарейко, Н. В. Государственное принуждение как правовое средство / Н. В. Макарейко // «Черные дыры» в Российском законодательстве. – 2005. – № 1. – С. 201–204.

287. Макарейко, Н. В. Государственное принуждение как средство реализации государственной власти / Н. В. Макарейко // Проблемы обновления России. – Москва ; Нижний Новгород : Изд-во МЮИ при Минюсте России, 2006. – С. 68–75.

288. Макарейко, Н. В. Гражданско-правовое принуждение по действующему российскому законодательству / Н. В. Макарейко // Общественная палата как институт политической системы Российской Федерации. – Москва ; Нижний Новгород : Изд-во МЮИ при Минюсте России, 2007. – С. 152–160.

289. Макарейко, Н. В. Детерминация государственного принуждения в России / Н. В. Макарейко // Юридический мир. – 2010. – № 11 (167). – С. 59–62.

290. Макарейко, Н. В. Доктринальные факторы повышения эффективности применения государственного принуждения в сфере экономической безопасности / Н. В. Макарейко // Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения : Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2009. – № 2 (11). – С. 14–18.

291. Макарейко, Н. В. Законодательства об административных правонарушениях: состояние и перспективы развития / Н. В. Макарейко // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. – № 1 (25). – С. 305–307.

292. Макарейко, Н. В. Закрепление «новых» видов юридической ответственности: стратегия развития законодательства или стратегическая ошибка законодателя? / Н. В. Макарейко // Юридическая техника : Ежегодник. – 2015. – № 9 : «Юридическая конструкция в правотворчестве, реализации, доктрине». – С. 425–430.

293. Макарейко, Н. В. К вопросу о кодификации законодательства, регламентирующего государственное принуждение / Н. В. Макарейко // Кодификация законодательства: теория, практика, техника : материалы Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 25–26 сентября 2008 г.) / под ред. В.М. Баранова, Д.Г. Краснова. – Нижний Новгород, 2009. – С. 401–411.

294. Макарейко, Н. В. К вопросу о соотношении насилия и государственного принуждения / Н. В. Макарейко // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2011. – № 1 (14). – С. 227–231.

295. Макарейко, Н. В. Конституционное принуждение как вид государственного принуждения / Н. В. Макарейко // Вестник Владимирского юридического института. – 2016. – № 1 (38). – С. 156–160.

296. Макарейко, Н. В. Контроль как средство обеспечения законности применения мер государственного принуждения / Н. В. Макарейко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». – 2015. – № 3 (22). – С. 104–111.

297. Макарейко, Н. В. Коррупциогенность законодательства как фактор эффективности применения мер государственного принуждения / Н. В. Макарейко // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2012. – № 20. – С. 85–89.

298. Макарейко, Н. В. Меры административно-процессуального обеспечения как форма административного принуждения / Н. В. Макарейко // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2011. – № 1 (16). – С. 149–156.

299. Макарейко, Н. В. Меры административно-процессуального обеспечения в административном судопроизводстве / Н. В. Макарейко // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 1 (33). – С. 139–144.

300. Макарейко, Н. В. Механизм правового обеспечения экономической безопасности / Н. В. Макарейко // Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения : Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2008. – № 1 (8). – С. 15–21.

301. Макарейко, Н. В. Насилие как средство противоправного ограничения свободы / Н. В. Макарейко // Вестник Воронежского института МВД России. – 2015. – № 2. – С. 51–57.

302. Макарейко, Н. В. Обеспечение продовольственной безопасности как приоритетное направление деятельности Российского государства / Н. В. Макарейко // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2013. – № 24. – С. 128–132.

303. Макарейко, Н. В. Правовое информирование как средство повышения эффективности применения государственного принуждения в сфере обеспечения экономической безопасности / Н. В. Макарейко // Народ и власть: вопросы истории государства и права : сб. научн. тр. / отв. ред. И. В. Михеева, Ф. А. Селезнев. – Нижний Новгород : Изд-во ООО «Растр-НН», НИУ ВШЭ – Нижний Новгород, 2014. – С. 138–144.

304. Макарейко, Н. В. Пределы государственного принуждения / Н. В. Макарейко // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. – № 1 (25). – С. 35–39.

305. Макарейко, Н. В. Пределы государственного принуждения в сфере обеспечения экономической безопасности (общетеоретический аспект) / Н. В. Макарейко // Союз криминалистов и криминологов. – 2014. – № 2 (2). – С. 66–74.

306. Макарейко, Н. В. Проблемы нормативно-правового закрепления мер пресечения, применяемых полицией / Н. В. Макарейко // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2012. – № 19. – С. 59–63.

307. Макарейко, Н. В. Процессуальная ответственность как правовое явление / Н. В. Макарейко // Актуальные проблемы экономики и права. – Казань, 2015. – № 3. – С. 238–243.

308. Макарейко, Н. В. Система юридической ответственности по действующему законодательству / Н. В. Макарейко // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. – № 4 (28). – С. 56–62.

309. Макарейко, Н. В. Соотношение угрозы и опасности в контексте обеспечения экономической безопасности / Н. В. Макарейко // Экономические интересы и правовые средства их обеспечения / отв. ред. П. Н. Панченко. – Нижний Новгород : «Стимул - СТ», 2005. – С. 21–29.

310. Макарейко, Н. В. Теоретико-правовые предпосылки исследования государственно-правового обеспечения экономической безопасности / Н. В. Макарейко // Бизнес в законе. – 2006. – № 1–2. – С. 50–55.

311. Макарейко, Н. В. Теоретико-прикладные проблемы государственного принуждения на современном этапе / Н. В. Макарейко // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. – Нижний Новгород, 2012. – № 17. – С. 41–45.

312. Макарейко, Н. В. Убеждение и государственное принуждение: единство и взаимодействие / Н. В. Макарейко // Вестник Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. Серия «Юридические науки». – 2015. – № 3 (5). – С. 35–43.

313. Макарейко, Н. В. Экономическая безопасность: понятие и признаки / Н. В. Макарейко // Научные труды. Российская академия юридических наук. Вып. 3 : в 3 т. Т. 3. – Москва : Издательская группа «Юрист», 2003. – С. 367–376.

314. Маликов, Б. З. Государственное принуждение – признак наказания / Б. З. Маликов, А. М. Салимова // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2014. – № 1. – С. 49–52.

315. Матузов, Н. И. О роли убеждения и принуждения в период развернутого строительства коммунизма / Н. И. Матузов // Саратовский юридический институт им. Д.И. Курского : ученые записки. – Саратов, 1962. – Вып. 10: Статьи молодых преподавателей и аспирантов. – С. 3–20.

316. Махина, С. Н. Особенности дальнейшего развития институтов административного принуждения и административной процессуальной деятельности в Российской Федерации с учетом принципов административной децентрализации / С. Н. Махина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2007. – № 2 (3). – С. 147–149.

317. Медведев, И. Р. Гражданско-процессуальная ответственность: некоторые проблемы / И. Р. Медведев // Журнал российского права. – 2006. – № 7. – С. 134–141.

318. Миняшева, Г. И. Нравственная допустимость правового принуждения / Г. И. Миняшева // Вестник ВЭГУ. – 2005. – № 1 (23/24). – С. 53–62.

319. Мироманов, Н. Ненасилие: движение и организация / Н. Мироманов // Вопросы философии. – 1992. – № 3. – С. 180–181.

320. Набиуллин, Ф. К. Карательные и некарательные меры в уголовном праве России / Ф. К. Набиуллин // Юридический мир. – 2007. – № 8. – С. 18 – 20.

321. Овсепян, Ж. И. Государственное принуждение как правовая категория (теоретическая формула отношения принуждения к государству и праву) / Ж. И. Овсепян // Государство и право. – 2007. – № 12. – С. 5–14.

322. Пашков, А. С. Эффективность действия правовых норм / А. С. Пашков, Л. С. Явич // Советское государство и право. – 1977. – № 3. – С. 40–48.

323. Пашков, А. С. Эффективность правового регулирования и методы ее выявления / А. С. Пашков, Д. М. Чечот // Советское государство и право. – 1965. – № 8. – С. 3–11.

324. Петренко, М. Н. О «насилии» и «принуждении» во властной деятельности / М. Н. Петренко // Пробелы в Российском законодательстве. – 2011. – № 4. – С. 178–181.

325. Петренко, М. Н. О критериях допустимости государственного принуждения / М. Н. Петренко // Инновации и инвестиции. – 2015. – № 2. – С. 175–177.

326. Петренко, М. Н. О понимании в науке государственного принуждения как формы реализации государственной власти / М. Н. Петренко // Правовое государство: теория и практика. – 2016. – № 4 (46). – С. 77–82.

327. Петрухин, И. Л. Уголовно-процессуальное принуждение и свобода личности / И. Л. Петрухин // Советское государство и право. – 1984. – № 4. – С. 77–84.

328. Разгильдиева, М. Б. К вопросу о позитивной финансово-правовой ответственности / М. Б. Разгильдиева // Государство и право. – 2009. – № 12. – С. 5–14.

329. Россинский, Б. В. Вновь об административной ответственности после повторного прочтения работ Юрия Петровича Соловья. К 60-летию ученого / Б. В. Россинский // Административное право и процесс. – 2018. – № 7. – С. 42–47.

330. Россинский, Б. В. Некоторые проблемы и перспективы развития административной ответственности / Б. В. Россинский // Административное право и процесс. – 2017. – № 6. – С. 38–42.

331. Россинский, Б. В. Почему в Российской Федерации утвердился институт административной ответственности юридических лиц и пришло ли время его ликвидировать? / Б. В. Россинский // Административное право и процесс. – 2018. – № 1. – С. 5–13.

332. Россинский, Б. В. Размышления о государственном управлении и административной ответственности / Б. В. Россинский // Административное право и процесс. – 2016. – № 5. – С. 6–24.

333. Самощенко, И. С. Изучение эффективности действующего законодательства / И. С. Самощенко, В. И. Никитинский // Советское государство и право. – 1969. – № 8. – С. 3–11.

334. Самсонов, К. Элементы концепции экономической безопасности / К. Самсонов // Вопросы экономики. – 1994. – № 12. – С. 15–24.

335. Сатина, Э. А. Понятие и виды государственного принуждения / Э. А. Сатина // Вестник Тамбовского университета. – Серия «Гуманитарные науки». – 2003. – № 2 (30). – С. 72–76.

336. Саттарова, Н. А. Меры государственного принуждения в бюджетной сфере как фактор эффективного функционирования финансовой системы / Н. А. Саттарова // Lex russica. – 2015. – № 8. – С. 96–105.

337. Сергеев, А. А. Конституционная ответственность в Российской Федерации / А. А. Сергеев // Конституционное и муниципальное право. – 2002. – № 4. – С. 23–28.

338. Серегина, В. В. Государственное принуждение как средство реализации правовой политики / В. В. Серегина // Российское правовое государство: итоги формирования и перспективы развития : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Воронеж, 14–15 ноября 2003 г.) : в 5 ч. Ч. 1: Конституционное и международное право, теория государства и права / под ред. Ю. Н. Старилова. – Воронеж, 2004. – С. 340–346.

339. Серегина, В. В. Проблема исследования структуры государственного принуждения в отечественной правовой науке / В. В. Серегина // Судебная власть и уголовный процесс. – 2016. – № 2. – С. 185–195.

340. Тернова, Л. В. Налоговая ответственность – самостоятельный вид юридической ответственности / Л. В. Тернова // Финансы. – 1998. – № 9. – С. 27–29.

341. Ткачева, Н. В. Пределы применения принуждения в уголовном судопроизводстве / Н. В. Ткачева // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2005. – № 3–1. – С. 121–123.

342. Фиалковская, И. Д. Сущность метода принуждения в теории административного права / И. Д. Фиалковская // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2014. – № 2 (1). – С. 290–294.

343. Чебаков, А. И. Основания применения мер государственного принуждения / А. И. Чебаков // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. – 2015. – № 2–3 (66–67). – С. 124–127.

344. Юткина, С. М. О сущности государственного принуждения / С. М. Юткина // Юрист–Правоведь (Ростовский юридический институт МВД России). – 2015. – № 1 (68). – С. 130–134.

345. Яковлев, А. От права силы к силе права / А. Яковлев // Наше наследие. – 1990. – № IV. – С. 1–2.

Диссертации

346. Абрамова, А. А. Эффективность механизма правового регулирования : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Абрамова Алина Александровна. – Красноярск, 2006. – 206 с.

347. Аврутин, Ю. Е. Эффективность деятельности органов внутренних дел: государственно-правовые, социальные и организационные аспекты изучения, оценки, проектирования : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02 / Аврутин Юрий Евстафьевич. – Санкт-Петербург, 1998. – 470 с.

348. Александрова, И. А. Современная уголовная политика по обеспечению экономической безопасности и противодействию коррупции : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Александрова Ирина Александровна. – Нижний Новгород, 2015. – 727 с.

349. Алексеев, С. Н. Эффективность институционально-правового механизма обеспечения правопорядка : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Алексеев Сергей Николаевич. – Нижний Новгород, 2011. – 169 с.

350. Архипов, Д. Н. Совершенствование методов управления как фактор повышения эффективности деятельности органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.13 / Архипов Дмитрий Николаевич. – Москва, 2000. – 204 с.

351. Базылев, Б. Т. Государственное принуждение и правовые формы его осуществления в советском обществе : дис. ... канд. юрид. наук : 710 / Базылев Борис Тимофеевич. – Киев, 1968. – 322 с.

352. Байтин, М. И. Государство и политическая власть (теоретическое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук : 710 / Байтин Михаил Иванович. – Саратов, 1972. – 239 с.

353. Бахрах, Д. Н. Административное принуждение в СССР, его виды и основные тенденции развития : дис. ... д-ра юрид. наук : 711 / Бахрах Демьян Николаевич. – Пермь, 1971. – 551 с.

354. Бессолицын, А. Г. Цели и функции юридических мер защиты : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Бессолицын Александр Георгиевич. – Москва, 2008. – 177 с.

355. Бочкарев, И. Е. Административно-предупредительные меры, применяемые милицией : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Бочкарев Игорь Евгеньевич. – Москва, 2001. – 209 с.

356. Булатов, Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Булатов Борис Борисович. – Нижний Новгород, 2003. – 490 с.

357. Виноградов, О. В. Административно-предупредительные меры, применяемые в условиях чрезвычайного положения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Виноградов Олег Васильевич. – Санкт-Петербург, 1999. – 280 с.

358. Володько, И. А. Конституционно-правовое принуждение в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Володько Ирина Александровна. – Омск, 2015. – 215 с.

359. Гришанин, И. К. Философско-правовая концепция права и правового принуждения : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Гришанин Илья Константинович. – Нижний Новгород, 2006. – 210 с.

360. Губенок, И. В. Эффективность правосудия как гарантия защиты нарушенного права (проблемы теории и практики) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Губенок Игорь Васильевич. – Нижний Новгород, 2007. – 211 с.

361. Гусельникова, Е. В. Заключение под стражу в системе мер пресечения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Гусельникова Елена Владимировна. – Томск, 2001. – 242 с.

362. Дворяк, А. И. Меры административно-процессуального обеспечения, применяемые милицией : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Дворяк Алексей Игоревич. – Москва, 1997. – 217 с.

363. Демидов, П. В. Частное правовое принуждение как категория теории права: научные и практические проблемы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Демидов Павел Владимирович. – Нижний Новгород, 2005. – 156 с.

364. Дугинец, А. С. Административная ответственность в российском праве : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14 / Дугинец Александр Сергеевич. – Москва, 2005. – 373 с.

365. Евдокимов, С. В. Правовосстановительные меры в российском праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Евдокимов Сергей Викторович. – Нижний Новгород, 1999. – 218 с.

366. Ершов, Н. Н. Правовые пределы вмешательства Российского государства в сферу экономики : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Ершов Никандр Николаевич. – Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 1999. – 191 с.

367. Жаренов, И. П. Государственное принуждение в условиях демократического общества : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Жаренов Иван Павлович. – Москва, 2006. – 145 с.

368. Ибрагимов, Р. Н. Проблема социального насилия как фактор исторического процесса : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Ибрагимов Радий Назибович. – Абакан, 2003. – 343 с.

369. Каплунов, А. И. Административное принуждение, применяемое органами внутренних дел (системно-правовой анализ) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14 / Каплунов Андрей Иванович. – Москва, 2005. – 499 с.

370. Кархалев, Д. Н. Соотношение мер защиты и мер ответственности в гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Кархалев Денис Николаевич. – Екатеринбург, 2003. – 180 с.

371. Керимова, Т. В. Убеждение и принуждение при социализме : дис. ... канд. филос. наук / Керимова Татьяна Викторовна. – Ленинград, 1967. – 212 с.

372. Кикин, А. Ю. Меры налогово-процессуального принуждения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Кикин Александр Юрьевич. – Москва, 2004. – 165 с.

373. Кинсбургская, В. А. Налоговая ответственность в системе мер государственного принуждения в сфере налогообложения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Кинсбургская Вероника Андреевна. – Москва, 2010. – 207 с.

374. Князьков, А. С. Применение и использование огнестрельного оружия сотрудниками милиции как мера административно-правового пресечения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Князьков Александр Степанович. – Томск, 1998. – 260 с.

375. Кузнецов, А. П. Государственная политика противодействия налоговым преступлениям в Российской Федерации (проблемы формирования, законодательной регламентации и практического осуществления) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Кузнецов Александр Павлович. – Нижний Новгород, 2000. – 509 с.

376. Кузовков, В. В. Финансово-процессуальное принуждений : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Кузовков Вадим Викторович. – Москва, 2007. – 175 с.

377. Лановая, Г. М. Принуждение в системе правоприменения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Лановая Галина Михайловна. – Москва, 2006. – 179 с.

378. Левков, А. А. Меры защиты в российском праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Левков Андрей Алексеевич. – Самара, 2002. – 216 с.

379. Леженин, А. В. Административно-предупредительные меры правового принуждения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Леженин Алексей Валерьевич. – Воронеж, 2004. – 278 с.

380. Макарейко, Н. В. Государственное принуждение как средство обеспечения общественного порядка : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 Макарейко Николай Владимирович. – Нижний Новгород, 1996. – 249 с.

381. Максимов, И. В. Административное наказание в системе мер административного принуждения (концептуальные проблемы) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14 / Максимов Иван Владимирович. – Саратов, 2004. – 482 с.

382. Максимов, С. Н. Административно-правовое обеспечение экономической безопасности в Российской Федерации: концептуальные и методические аспекты : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.0014 / Максимов Сергей Николаевич. – Москва, 2014. – 298 с.

383. Мамай, Е. А. Эффективность правоприменительных процедур (теория, практика, техника) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Мамай Евгений Алексеевич. – Нижний Новгород, 2011. – 284 с.

384. Мамыкина, А. П. Теоретико-методологические аспекты экономической безопасности : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01 / Мамыкина Антонина Павловна. – Москва, 2003. – 133 с.

385. Марочкин, С. Ю. Эффективность норм международного права: понятие, критерий и условия : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / Марочкин Сергей Юрьевич. – Свердловск, 1984. – 189 с.

386. Мешков, Д. Н. Эффективность воздействия права на отношения личности и государства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Мешков Денис Николаевич. – Владимир, 2007. – 167 с.

387. Мищенко, В. Л. Эффективность гражданско-правовой ответственности в области охраны природы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.06 / Мищенко Вера Леонидовна. – Москва, 1984. – 204 с.

388. Нартымов, Д. М. Проблемы повышения эффективности наказания : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Нартымов Дмитрий Михайлович. – Нижний Новгород, 2010. – 250 с.

389. Паршина, А. А. Институционально-правовые формы государственного принуждения и насилия : дис. ... канд. юрид. наук : 23.00.02 / Паршина Анна Александровна. – Ростов-на-Дону, 2002. – 143 с.

390. Пинкевич, Т. В. Криминологические и уголовно-правовые основы борьбы с экономической преступностью : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Пинкевич Татьяна Валентиновна. – Москва, 2002. – 414 с.

391. Помогалова, Ю. В. Административное задержание, доставление и привод в системе мер административного принуждения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Помогалова Юлия Викторовна. – Саратов, 2005. – 212 с.

392. Попков, Н. В. Задержание подозреваемого и обвиняемого как вид государственного принуждения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Попков Никита Вячеславович. – Нижний Новгород, 2007. – 220 с.

393. Просандеев, Д. В. Эффективность правореализационного процесса : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Просандеев Дмитрий Владимирович. – Ростов-на-Дону, 2004. – 171 с.

394. Пучнин, А. С. Принуждение и право : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Пучнин Алексей Сергеевич. – Тамбов, 1999. – 234 с.

395. Разгильдиева, М. Б. Теория финансово-правового принуждения и сферы его применения : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14 / Разгильдиева Маргарита Бяшировна. – Саратов, 2011. – 563 с.

396. Рогачева, О. С. Эффективность норм административно-деликтного права : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14 / Рогачева Ольга Сергеевна. – Воронеж, 2012. – 337 с.

397. Рогов, А. П. Особенности государственного принуждения в правовом государстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Рогов Александр Павлович. – Саратов, 2013. – 226 с.

398. Россинский, Б. В. Государственная система обеспечения безопасности дорожного движения (тенденции, проблемы и перспективы развития) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02 / Россинский Борис Вульфович. – Москва, 1993. – 376 с.

399. Сабирова, Л. Л. Эффективность процессуально-правовых норм в сфере частного права: вопросы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Сабирова Лидия Леонидовна. – Казань, 2005. – 184 с.

400. Сарсенов, К. М. Государственное принуждение и его реализация в деятельности органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Сарсенов Карим Маратович. – Санкт-Петербург, 1996. – 196 с.

401. Саттарова, Н. А. Принуждение в финансовом праве : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Саттарова Нурия Альвановна. – Москва, 2006. – 493 с.

402. Скрябин, А. Л. Эффективность актов официального юридического толкования : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Скрябин Алексей Леонидович. – Армавир, 2005. – 166 с.

403. Смоляков, А. И. Административно-правовое принуждение и поощрение в системе государственно-правовых методов обеспечения безопасности дорожного движения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Смоляков Андрей Иванович. – Орел, 2014. – 185 с.

404. Стоякин, Г. Я. Меры защиты в советском праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Стоякин Геннадий Яковлевич. – Свердловск, 1973. – 170 с.

405. Струков, А. В. Правовые пределы принуждения в досудебных стадиях уголовного судопроизводства России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Струков Александр Владимирович. – Нижний Новгород, 2009. – 208 с.

406. Сытых, Е. Л. Роль и значение насилия в культуре : дис. ... канд. культурологии : 24.00.01 / Сытых Елена Львовна. – Челябинск, 2003. – 172 с.

407. Талюпа, А. Г. Убеждение и принуждение в период перехода от социализма к коммунизму и их роль в обеспечении советского правопорядка : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Талюпа Андрей Григорьевич. – Москва, 1966. – 413 с.

408. Тунтаев, Р. И. Система мер защиты права интеллектуальной собственности: общетеоретический аспект : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Тунтаев Рустам Исаевич. – Самара, 2011. – 193 с.

409. Халиуллин, Р. Г. Структурно-функциональный анализ экономической безопасности России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Халиуллин Ренат Гаптулович. – Нижний Новгород, 2008. – 231 с.

410. Хапаев, И. М. Применение судом меры пресечения в виде заключения под стражу : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Хапаев Ибрагим Магомедович. – Ростов-на-Дону, 2004. – 180 с.

411. Ходов, Н. В. Централизация и децентрализация государственной власти в современной России (общеправовой анализ) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Ходов Николай Владимирович. – Нижний Новгород, 2006. – 202 с.

412. Федосова, В. А. Эффективность действия норм советского государственного права : вопросы теории : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Федосова Валентина Андреевна. – Воронеж, 1979. – 204 с.

413. Фетищева, Л. М. Применение мер пресечения при производстве по уголовным делам о преступлениях, совершаемых в сфере предпринимательской деятельности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Фетищева Лидия Михайловна. – Нижний Новгород, 2016. – 265 с.

414. Чапчиков, С. Ю. Теоретико-правовые аспекты защиты экономической безопасности Российской Федерации как функции государства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Чапчиков Сергей Юрьевич. – Москва, 2006. – 207 с.

415. Чашников, В. А. Государственно-правовое принуждение: общетеоретические вопросы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Чашников Всеволод Александрович. – Екатеринбург, 2006. – 212 с.

416. Швецов, С. Б. Эффективность правоприменительной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Швецов Станислав Борисович. – Санкт-Петербург, 2004. – 156 с.

417. Шевелева, С. В. Уголовно-процессуальное принуждение, связанное с физическим воздействием, гарантии ее законности и обоснованности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Шевелева Светлана Викторовна. – Нижний Новгород, 2006. – 237 с.

418. Шевелева, С. В. Свобода воли и принуждение в уголовном праве : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Шевелева Светлана Викторовна. – Курск, 2015. – 391 с.

419. Штода, И. С. Государственное принуждение в современной России: теоретико-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Штода Иван Сергеевич. – Москва, 2015. – 154 с.

420. Эльбердова, Ф. З. Меры административного пресечения в деятельности Госавтоинспекции : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Эльбердова Фатима Заромуковна. – Москва, 1997. – 191 с.

421. Юрмашев, Р. С. Налоговое правонарушение: теоретико-прикладные проблемы правовой идентификации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Юрмашев Роман Сергеевич. – Москва, 2005. – 185 с.

422. Якуба, О. М. Административная ответственность по советскому праву в свете дальнейшего усиления охраны прав личности : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02 / Якуба Ольга Мироновна. – Харьков, 1963. – 461 с.

423. Якушев, А. О. Эффективность действия норм общей части налогового права : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Якушев Антон Олегович. – Воронеж, 2003. – 186 с.

Авторефераты диссертаций

424. Агеенкова, Г. Т. Меры административного пресечения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Агеенкова Галина Тихоновна. – Москва, 1982. – 23 с.

425. Ардашкин, В. Д. Меры защиты (пресечения) в советском административном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 711 / Ардашкин Владимир Дмитриевич. – Томск, 1968. – 17 с.

426. Баландюк, О. В. Исполнение мер уголовно-процессуального принуждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Баландюк Олеся Владимировна. – Омск, 2015. – 23 с.

427. Белоусов, А. Е. Вопросы теории и практики применения мер уголовно-процессуального пресечения по законодательству Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Белоусов Александр Евгеньевич. – Ижевск, 1995. – 18 с.

428. Бочкарев, И. Е. Административно-предупредительные меры, применяемые милицией (по материалам органов внутренних дел Нижегородской области) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Бочкарев Игорь Евгеньевич. – Москва, 2001. – 22 с.

429. Васильев, П. В. Автоматические санкции в российском праве (теория, практика, техника) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Васильев Павел Вячеславович. – Нижний Новгород, 2014. – 35 с.

430. Везломцев, В. Е. Социально-философский анализ наказания: ретрибутивизм и консеквенциализм : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Везломцев Виктор Евгеньевич. – Санкт-Петербург, 2010. – 22 с.

431. Виноградов, О. В. Административно-предупредительные меры, применяемые в условиях чрезвычайного положения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Виноградов Олег Васильевич. – Санкт-Петербург, 1999. – 24 с.

432. Герасина, Ю. А. Принудительные меры медицинского характера: понятие, виды, применение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Герасина Юлия Александровна. – Москва, 2013. – 26 с.

433. Горбачева, С. В. Самозащита прав по российскому законодательству : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Горбачева Светлана Вячеславовна. – Нижний Новгород, 2005. – 25 с.

434. Горобцова, С. Е. Административное приостановление деятельности как вид административного наказания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Горобцова Светлана Евгеньевна. – Воронеж, 2008. – 24 с.

435. Горынин, В. П. Эстетизация насилия как форма милитаризации духовной жизни современного буржуазного общества : автореф. ... дис. канд. фил. наук : 09.00.01 / Горынин Валерий Павлович. – Москва, 1991. – 21 с.

436. Дворяк, А. И. Меры административно-процессуального пресечения, применяемые милицией : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Дворяк Алексей Игоревич. – Москва, 1996. – 23 с.

437. Дик, В. П. Ответственность в системе общественных отношений: взаимосвязь общих и особенных свойств : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Дик Владислав Петрович – Улан-Удэ, 2013. – 25 с.

438. Дикарев, О. В. Методологические основы решения продовольственной проблемы и обеспечения продовольственной безопасности : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01 / Дикарев Олег Валерьевич. – Воронеж, 2004. – 28 с.

439. Дихтиевский, П. В. Административно-правовое принуждение в механизме обеспечения личной безопасности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14 / Дихтиевский Петр Васильевич. – Москва, 2004. – 62 с.

440. Егоршин, В. М. Экономическая преступность и опасность современной России (теоретико-криминологический анализ) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Егоршин Виктор Михайлович. – Санкт-Петербург, 2000. – 45 с.

441. Елянюшкин, Г. В. Правовые основы административного пресечения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Елянюшкин Герман Вячеславович. – Санкт-Петербург, 2002. – 17 с.

442. Жаренов, И. П. Государственное принуждение в условиях демократизации общества : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Жаренов Иван Павлович. – Москва, 2006. – 22 с.

443. Жинкин, С. А. Эффективность права: антропологическое и ценностное измерение : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Жинкин Сергей Алексеевич. – Краснодар, 2009. – 41 с.

444. Звягинцева, Л. М. Меры защиты в советском семейном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Звягинцева Любовь Михайловна. – Свердловск, 1980. – 14 с.

445. Зеленко, В. Л. Вопросы теории и практики применения милицией мер административного пресечения правонарушений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Зеленко Василий Леонтьевич. – Киев, 1975. – 17 с.

446. Зелепукин, А. А. Проблемы эффективности российского законодательства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Зелепукин Алексей Анатольевич. – Саратов, 2000. – 21 с.

447. Иванова, Л. В. Административное принуждение в системе мер обеспечения экономической безопасности Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Иванова Людмила Вячеславовна. – Москва, 2008. – 28 с.

448. Иванова, Ю. В. Основные угрозы экономической безопасности России и новые формы борьбы с экономической преступностью (опыт зарубежных стран) : автореф. дис. ... канд. эконом. наук : 08.00.14 / Иванова Юлия Валериевна. – Москва, 1995. – 24 с.

449. Кабанов, П. А. Карательная функция в системе функций юридической ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Кабанов Павел Александрович. – Казань, 2005. – 22 с.

450. Калашникова, И. А. Административное производство по применению мер принуждения таможенными органами Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Калашникова Ирина Анатольевна. – Москва, 2008. – 22 с.

451. Кисин, В. Р. Меры административно-процессуального принуждения и их применение: (по материалам деятельности органов внутренних дел) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Кисин Валерий Романович. – Москва, 1983. – 23 с.

452. Кислухин, В. А. Виды юридической ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Кислухин Владимир Александрович. – Москва, 2002. – 26 с.

453. Кожевников, С. Н. Меры защиты в советском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Кожевников Сергей Никитич. – Свердловск, 1968. – 20 с.

454. Козулин, А. И. Правовое принуждение (правовые начала государственного принуждения в советском обществе) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Козулин Александр Иванович. – Свердловск, 1986. – 16 с.

455. Колтакова, И. А. Экономическая безопасность России в условиях интеграции : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Колтакова Ирина Александровна. – Москва, 2006. – 26 с.

456. Кондратьева, С. Л. Юридическая ответственность: соотношение норм материального и процессуального права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Кондратьева Светлана Леонидовна. – Москва, 1998. – 23 с.

457. Корнуков, В. М. Вопросы теории и практики применения мер процессуального принуждения в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.715 / Корнуков Владимир Михайлович. – Саратов, 1970. – 37 с.

458. Коркин, А. В. Институт административно-правового принуждения: меры, применяемые сотрудниками милиции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Коркин Андрей Владимирович. – Челябинск, 2004. – 27 с.

459. Кудрявцев, В. П. Административное задержание (правовой и организационно-тактический аспекты) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Кудрявцев Владимир Петрович. – Москва, 1983. – 24 с.

460. Кузнецов, Н. В. Санкции в гражданско-процессуальном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Кузнецов Николай Васильевич. – Саратов, 1981. – 18 с.

461. Куликов, Е. А. Категория мера в праве: вопросы теории : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Куликов Егор Алексеевич. – Челябинск, 2013. – 26 с.

462. Куманяева, Е. А. Принуждение в уголовном праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Куманяева Елена Александровна. – Москва, 2012. – 27 с.

463. Латушкин, М. А. Обеспечение законности применения мер государственно-правового принуждения (теоретико-правовой аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Латушкин Михаил Аркадьевич. – Саратов, 2011. – 29 с.

464. Леженин, А. В. Административно-предупредительные меры правового принуждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Леженин Алексей Валерьевич. – Воронеж, 2004. – 23 с.

465. Лелявин, С. В. Поведение, не противоречащее правовым предписаниям, как основание государственного принуждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Лелявин Сергей Владимирович. – Владимир, 2010. – 21 с.

466. Лившиц, Ю. Д. Меры процессуального принуждения в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Лившиц Юрий Данилович. – Москва, 1958. – 18 с.

467. Магомедрасулов, М. М. Особенности принуждения в правовом государстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Магомедрасулов Магомедрасул Мусаевич. – Москва, 2010. – 24 с.

468. Максимов, И. В. Административные наказания в системе мер административного принуждения (концептуальные проблемы) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14 / Максимов Иван Владимирович. – Саратов, 2004. – 54 с.

469. Маркунцов, С. А. Осознание уголовно-правовых запретов в структуре уголовной ответственности несовершеннолетних : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Маркунцов Сергей Александрович. – Москва, 2007. – 26 с.

470. Мешков, Д. Н. Эффективность воздействия права на отношения личности и государства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Мешков Денис Николаевич. – Владимир, 2007. – 21 с.

471. Михайлов, В. А. Меры пресечения в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Михайлов Виктор Александрович. – Москва, 1996. – 47 с.

472. Мотрович, И. Д. Предупреждение и пресечение органами внутренних дел (полиции) административных правонарушений в сфере общественного порядка, связанных с потреблением алкогольной и спиртосодержащей продукции и появлением в состоянии алкогольного опьянения в общественных местах : автореф. ... дис. канд. юрид. наук : 12.00.14 / Мотрович Иван Дмитриевич. – Хабаровск, 2015. – 36 с.

473. Мусаткина, А. А. Финансовая ответственность в системе юридической ответственности : автореф. ... дис. канд. юрид. наук : 12.00.01 / Мусаткина Александра Анатольевна. – Тольятти, 2004. – 24 с.

474. Нарбикова, Н. Г. Меры пресечения, связанные с ограничением свободы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Нарбикова Наталья Геннадьевна. – Челябинск, 2005. – 22 с.

475. Небольсина, И. И. Энергетическая безопасность Российской Федерации и административно-правовое регулирование условий ее стабилизации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Небольсина Ирина Ивановна. – Воронеж, 2012. – 24 с.

476. Нурмиев, М. М. Замещающие наказания по российскому законодательству : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Нурмиев Максим Михайлович. – Казань, 2005. – 23 с.

477. Опарин, В. Н. Правовое регулирование применения мер непосредственного принуждения должностными лицами правоохранительных органов Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Опарин Виталий Николаевич. – Омск, 1998. – 22 с.

478. Пастушенко, Е. Н. Функции административного принуждения по советскому законодательству : автореф. дис. ...

канд. юрид. наук : 12.00.02 / Пастушенко Елена Николаевна. – Саратов, 1986. – 19 с.

479. Писляр, В. И. Продовольственная безопасность: сущность, методы ее обеспечения и направления развития : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01 / Писляр Валерия Ивановна. – Иркутск, 2002. – 19 с.

480. Попков, Н. В. Задержание подозреваемого и обвиняемого как вид государственного принуждения : автореф. дис. .... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Попков Никита Вячеславович. – Нижний Новгород, 2007. – 24 с.

481. Попкова, Е. С. Юридическая ответственность и ее соотношение с иными правовыми формами государственного принуждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Попкова Елена Сергеевна. – Москва, 2001. – 25 с.

482. Попов, Л. Л. Убеждение и принуждение в административной деятельности советской милиции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Попов Лев Леонидович. – Москва, 1965. – 16 с.

483. Попугаев, Ю. И. Административно-процессуальные меры, применяемые в связи с совершением правонарушения (по материалам деятельности советской милиции) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Попугаев Юрий Ильич. – Москва, 1991. – 23 с.

484. Прокопович, Г. А. Теоретическая модель юридической ответственности в публичном и частном праве : автореф. дис ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Прокопович Галина Алексеевна. – Санкт-Петербург, 2010. – 60 с.

485. Разгильдиева, М. Б. Теория финансово-правового принуждения и сферы его применения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14 / Разгильдиева Маргарита Бяшировна. – Саратов, 2011. – 53 с.

486. Рачинский, В. В. Публичная власть: вопросы теории: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Рачинский Вячеслав Владимирович. – Екатеринбург, 2003. – 25 с.

487. Ребане, И. А. Убеждение и принуждение в деле борьбы с посягательствами на советский правопорядок : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Ребане Ильмар Александрович. – Москва, 1968. – 51 с.

488. Рогачева, О. С. Эффективность норм административно-деликтного права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14 / Рогачева Ольга Сергеевна. – Воронеж, 2012. – 50 с.

489. Родионова, А. С. Система наказаний в российском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Родионова Анна Сергеевна. – Саратов, 2013. – 30 с.

490. Рябов, Ю. С. Административно-предупредительные меры по советскому праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Рябов Юрий Серафимович. – Москва, 1973. – 14 с.

491. Рябов, М. И. Административное задержание граждан по советскому законодательству (по материалам деятельности советской милиции) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Рябов Михаил Иванович. – Москва, 1976. – 22 с.

492. Сарсенов, К. М. Государственное принуждение и его реализация в деятельности органов внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Сарсенов Карим Маратович. – Санкт-Петербург, 1996. – 19 с.

493. Сафонов, О. А. Финансово-правовые средства обеспечения экономической безопасности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Сафонов Олег Александрович. – Москва, 2007. – 22 с.

494. Селин, М. И. Теоретические проблемы правового регулирования мер пресечения в российском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Селин Михаил Иванович – Санкт-Петербург, 2002. – 19 с.

495. Серегина, В. В. Сущность и формы государственного принуждения по советскому праву (общетеоретические проблемы) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Серегина Валентина Васильевна. – Саратов, 1987. – 22 с.

496. Сизова, В. И. Эффективность российского уголовного законодательства (теоретико-прикладной анализ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Сизова Виктория Николаевна. – Нижний Новгород, 2012. – 27 с.

497. Соколов, А. Ю. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в системе мер административного принуждения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14 / Соколов Александр Юрьевич. – Саратов, 2013. – 53 с.

498. Смирнов, Л. Б. Юридическая ответственность осужденных в пенитенциарных учреждениях (теоретико-правовой аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Смирнов Леонид Борисович. – Москва, 1990. – 18 с.

499. Стоякин, Г. Я. Меры защиты в советском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Стоякин Геннадий Яковлевич. – Свердловск, 1973. – 17 с.

500. Сургутскова, А. В. Административно-правовое принуждение, применяемое при нарушении таможенных правил : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Сургутскова Анна Валерьевна. – Челябинск, 2011. – 23 с.

501. Сюсюкин, А. В. Административно-правовое регулирование экономической безопасности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Сюсюкин Алексей Васильевич. – Ростов-на-Дону, 2004. – 25 с.

502. Тарасов, А. В. Принуждение и ответственность в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Тарасов Александр Вячеславович. – Волгоград, 2004. – 21 с.

503. Тунтаев, Р. И. Система мер защиты права интеллектуальной собственности: общетеоретический аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Тунтаев Рустам Исаевич. – Казань, 2011. – 21 с.

504. Тюрин, В. А. Проблемы применения мер пресечения в административном праве России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14 / Тюрин Виктор Анатольевич. – Москва, 2004. – 45 с.

505. Хомич, К. В. Административно-правовое принуждение в сфере налоговых отношений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Хомич Кирилл Васильевич. – Минск, 2002. – 22 с.

506. Хорошильцев, А. И. Государственная власть и принципы ее организации в демократическом обществе (теоретико-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Хорошильцев Александр Иванович. – Москва, 2002. – 23 с.

507. Хужин, А. М. Невинное поведение в праве (общетеоретический аспект) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Хужин Альфир Мисхатович. – Нижний Новгород, 2013. – 54 с.

508. Филонова, Т. Н. Продовольственная безопасность и ее регулирование в условиях открытой экономики : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01 / Филонова Татьяна Николаевна. – Орел, 2007. – 25 с.

509. Фомин, А. А. Юридическая безопасность субъектов российского права : вопросы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук 12.00.01 / Фомин Алексей Александрович. – Саратов, 2008. – 58 с.

510. Цоколова, О. И. Теория и практика задержания, ареста и содержания под стражей в уголовном процессе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Цоколова Ольга Игоревна. – Москва, 2007. – 60 с.

511. Цыганкова, Е. А. Принуждение как метод осуществления государственной власти : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Цыганкова Евгения Алексеевна. – Москва, 2010. – 23 с.

512. Шабуров, А. С. Политические и правовые аспекты социальной ответственности личности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Шабуров Анатолий Степанович. – Екатеринбург, 1992. – 32 с.

513. Шмалий, О. В. Правовое обеспечение эффективности исполнительной власти (теоретико-методологические аспекты) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14 / Шмалий Оксана Васильевна. – Ростов-на-Дону, 2011. – 48 с.

514. Щербаков, В. В. Уголовная ответственность и ее основание : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Щербаков Виталий Владимирович. – Саратов, 1998. – 22 с.

515. Юзефович, Ж. Ю. Функции юридической ответственности и формы их реализации по российскому законодательству : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Юзефович Жанна Юрьевна. – Москва, 2004. – 25 с.

Научное издание

Макарейко Николай Владимирович

ЭФФЕКТИВНОСТЬ МЕР
ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ
В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Монография

Редактор *Т.Ю. Булганина*
Компьютерная верстка *А.Е. Герасимовой*
Дизайн обложки *К.А. Быкова*

Подписано в печать 19.07.2019. Формат 60x84/16.
Усл. печ. л. 20,24.
Тираж 65 экз. Заказ № 245.

Редакционно-издательский отдел
Нижегородской академии МВД России

Отпечатано в отделении полиграфической
и оперативной печати
Нижегородской академии МВД России

603144, Н. Новгород, Анкудиновское шоссе, 3